

Антология украинской мысли

П. Д. Лодий

СОЧИНЕНИЯ

В ДВУХ ТОМАХ

Т.1 .

Киев, НПУ им. М. Драгоманова

Мелитополь, МГПУ им. Б. Хмельницкого

УДК 141.(477)

ББК 83.3(4Укр)
Л 69

Серия основана в 2007 г.

Редколлегия серии «Антология украинской мысли»

Лазарев Ф. В. (председатель), д-р филос. наук;
Кривега Л. Д. (заместитель), д-р филос. наук;
Мозговая Н. Г., д-р филос. наук;
Волков А. Г., д-р филос. наук;
Сиднев Л. Н., д-р филос. наук;
Молодыченко В. В., д-р филос. наук;
Суходуб Т. Д., к. филос. наук;
Филиппенко Н. Г., к. филос. наук.

Редакторы издания Н. Г. Мозговая, А. Г. Волков,
автор вступительной статьи

Л 69 **Лодий П. Д.**.. Сочинения в 2 т. ред. Мозговая Н. Г., Волков А. Г., авт.
вступ. ст..... – Киев: НПУ им. М. Драгоманова; Мелитополь: МГПУ
им. Б.Хмельницкого, 2014. – (Серия «Антология украинской мысли»). –..... с.
ISBN 978-617-7055-31-9

.....
.....
.....
УДК 141.(477)

ББК 83.3(4Укр)
ISBN 978-617-7055-31-9

© Лодий П.Д., 2014
© Синицина Ю.
вступительная статья, 2014

**ЛОГИЧЕСКИЕ НАСТАВЛЕНИЯ,
НАПРАВЛЯЮЩИЕ
К ПОЗНАНИЮ И РАЗЛИЧЕНИЮ
ИСТИННОГО
ОТ ЛОЖНОГО**

В пользу студентов Санкт-Петербургского педагогического
института,

сочиненные

ординарным профессором института словесных
искусств и доктором философии, коллежским советником

Петром Лодием

ВСТУПЛЕНИЕ
в философию вообще
ГЛАВА I.

О понятии, разделении, цели и пользе философии

§1.

Созерцание вещей, встречающихся в природе, как и тщательное их рассматривание, существовало с самого начала человечества. Люди, углублявшие свои мысли в рассматривание вещей, назывались мудрецами, а наука, мало-помалу ими составленная, получила название мудрости.

Пифагор, по мнению Цицерона¹, первым назвал себя философом (любомудрецом). Наука же с того времени названа философией — любомудрием. Следовательно, в древности философия получала свое название от философа, теперь же, наоборот, философ получает свое имя от философской² науки. Новейшие философы отличают философию от мудрости тем, что первая — это основательное познание сил, законов и цели природы, первейшей и высочайшей всего этого причины, по одним началам разума приобретаемое и направляемое к достижению, сохранению и утверждению человеческого³ благополучия. Вторая же, сверх основательного познания вещей, требует употребления и правильного их применения⁴.

§2.

Но неужели если *философия* должна быть святилищем здравого

¹ Смотрите пятую книгу тускуланских вопросов, гл. 3.

² *Hollmann*. Philosophiae Ration. Proleg. §2. Cotting. 1767.

³ Сам. Христ. Голлманн in Proleg. §21. В силу этого определения весьма правильно говорит Г. профессор Якоб в §7 своей «Логики»: «Мы тогда по-особенному употребляем выражение «философствовать» (любомудрствовать), когда стараемся объяснять явления по их причинам, определять всеобщие силы законов, а скрытые причины и их действия обнаруживать посредством умозаключений».

⁴ *Iac. Brucker*. Institut. Histor. introduct. §2.

рассудка и надежным путеводителем к благоденственной жизни, то она должна быть *образованием ума и сердца?*

Образование ума есть возвышение познавательных способностей до всевозможной степени совершенства, которое требует: 1) неусыпного старания в познании самого себя, окружающих нас вещей, сил и всеобщих законов природы, первейшей причины или Творца всей Вселенной, основанном только на началах чистого, то есть никакими предрассудками не зараженного разума; 2) требует приведения этих способностей, посредством упражнения, к навыку поступать в деяниях правильно и в соответствии с намеченной целью.

Разные философы по своему усмотрению определяют философию по-разному. Например, *Крузий* в своей логике под заглавием *Weg zur Gewiszhait* представил следующее определение философии: *философия есть система необходимых истин разума*. Но по этому определению философия не отличается от математики, поскольку все истины, составляющие математику, также необходимые истины разума, однако совокупность математических истин никто не называет философией.

Вольф говорит: «*Философия есть наука о возможных вещах, поскольку они могут быть, а также для чего и каким образом они возможны*».

Это определение недостаточно потому, что умствующий разум ищет возможности не только в философских познаниях, но и в других, в которых философия никогда не исследовала того, для чего и каким образом они возможны.

Последователи *Лейбница* называют *философию наукой о довольных причинах*, но это определение пространнее своего определяемого, так как разум доискивается довольных причин и в опытной физике, химии, всеобщей истории... Однако эти науки, собственно, не называются философией.

Некоторые из новейших определяют философию так: она *наука о всем том, что сверх всей опытности и прежде оной, одним разумом может познаваться*. Данное определение не только пространнее, но и теснее своего определяемого: 1) пространнее потому, что оно не исключает математики; 2) теснее, поскольку не включает в себе опытной психологии, ни космологии, как истинных частей философии.

Другие *философию* называют *наукой разума, состоящей из понятий*. Но этим определением показывается только форма (т. е. образ) философии, однако не обозначается ее материя (т. е. вещество). Образ же без образуемого существовать не может. А так как сверх этого нет ни одной науки, форма которой не происходила бы от разума, то только поэтому

философию нельзя называть наукой разума, как и *состоящей только из понятий*, ведь не выражается ни предмет, ни цель философии, без чего никакая наука не может называться наукой разума.

Образование сердца есть управление воли в показании ей тех стезей и способов, по которым она должна стремиться к желанию истинного добра и отвращению от действительного зла, и тем достигать цели, свойственной чувственно-разумному существу, то есть, человеку.

§3.

Основанием философского познания должен быть только *свет разума* (*lumen rationis*), который состоит в опытности и правильном размышлении, так как свет — это то, посредством чего можно различать внешние предметы. Познание, основанное на человеческой доверенности, историческое. Познание же, имеющее основанием Божию доверенность, называется богословским.

§4.

Философия, по представленному понятию о ней, делится на две главные части: *теоретическую* и *практическую* (умозрительную и деятельную). Первая есть совокупность всеобщих истин, с помощью которых непосредственно образуется человеческий ум в правильном размышлении и познании вещей, встречающихся в природе. Вторая — это совокупность тех истин, благодаря которым человеческая воля становится совершеннее и благороднее в ее наклонностях и деяниях, служащих к достижению истинного благополучия. Данное разделение основывается на двояком употреблении ума, которое или бывает в одном только познавании и рассматривании вещей, или в обнаружении нашей воли посредством деяний. Первое называется теоретическим, второе — практическим.

Части философии, теоретическая и практическая, не составляют двух философий, настолько себе противоположных, чтобы теоретическая не имела влияния на практическую или чтобы практическая ничего не заимствовала от теоретической. Ведь *теория* есть совокупность всеобщих истин и познаний без их применения к какому-нибудь предмету, а *практика* — благорассудное применение всеобщих истин и познаний к

известной и определенной цели. Следовательно, теоретическая и практическая философия составляют одно тело, теснейшей связью между собою сопряженное, которое, при отделении какой-либо части, бывает недостаточно и бесполезно, поскольку упражняться в одной теории, без ее употребления и применения, значило бы заниматься пустыми умозаключениями. Применять же всеобщие истины или познания к встречающимся случаям без знания теории, значило бы употреблять то, чего не знаем. Поэтому попытки практиков опорочить теорию неосновательны.

§5.

Части философии, смотря по предметам, многообразны. Философия вообще занимается рассматриванием природы, в которой встречаются существа двоякого рода: одни понимаются внешними чувствами, другие же — одним умом. Первые относятся к физике, а вторые — к метафизике, части которой в свое время будут показаны. Главнейший предмет философии, из всех существ природы, есть человек. Поскольку философия занимается рассматриванием природы и свойств целого человека, как существа, состоящего из души и тела, то она называется антропологией (человекословием). Когда же учит, по внешним чертам человека, делать заключения о внутреннем его нраве, то составляет физиогномику, а наука о воспитании и наставлении человека называется педагогикой.

§6.

Главнейшие части человека — это душа и тело. Рассматривание какого бы ни было тела вообще есть стоматология (телословие); рассматривание всех частей животного тела, находящегося в здоровом состоянии, — физиология, а в болезненном — патология¹. Рассматривание свойств души, как духа, ни с каким телом еще не сопряженного, называется пневматологией (духословием), а сопряженного с телом — психологией (душесловием).

§7.

Главнейших способностей души, обнаруживающихся в самих действиях, три: разумение, воля и вкус. Объяснение качества, свойств,

¹ Обе эти части относятся к врачебным наукам, которые, по своей обширности и усматриваемому в них некоторому достоинству, отделены от философии и составляют особое отделение в университетах.

действований и цели разумения составляет предмет *логики (умословия)*. Логика — это совокупность правил, руководящих разумением в размышлении, познании и различении истинного от ложного.

Основательное познание естественных наклонностей и побуждений воли, от которых происходят действия, а также намерений, к достижению которых эти действия удобными средствами должны определяться и направляться, есть предмет *практической всеобщей философии*, в которой предлагаются всеобщие основания и начала для доказывания истин, содержащихся в каждой части практической философии. Иначе ее называют метафизикой нравов. Ее части: 1) философия о человеческой воле; 2) этика или нравовучение; 3) философское нравовучение и 4) политика.

§8.

Философия о человеческой воле рассматривает свойство воли, ее наклонности и намерения, направляет ее действия к их достижению подходящими для того средствами. *Нравовучение* образует нас своими законодательно нравственно добрыми, добродетельными, к святому и первоисточнику всех вещей приближающимися существами, открывает виды в будущую жизнь, где Всеведущее, Всемогущее, в высочайшей степени разумное и Святое Существо раздает, по достоинству, благополучие, награждает добродетель и наказывает порок.

Философское нравовучение, или естественное право, предлагает в своем законодательстве те естественные законы, права и соответствующие им обязанности, к исполнению которых мы друг друга по изречению разума можем принуждать. Следовательно, оно делает нас правоблестительными, без чего не могло бы состоять никакое внешнее благосостояние.

Политика своим законодательством находит те средства и способы, которыми сохраняется внешняя безопасность людей и государств, то есть обучает благоразумию, навыку поспешно использовать благоизобретенные средства для того, чтобы достигнуть предполагаемой цели.

§9.

Наука, объясняющая свойство хорошего вкуса, называется *философией вкуса* или *эстетикой*, которая является философией изящных наук и художеств, или наукой, посредством которой из

свойства вкуса производят как всеобщую теорию, так и правила изящных наук и художеств¹. Вкус на самом деле есть ни что иное, как способность ощущать или созерцательно познавать изящное и посредством этого созерцательного познания чувствовать от того удовольствие как в естественных, так и искусственных произведениях, ведь разум — это способность познавать истинное совершенное и правильное, а нравственное ощущение — способность чувствовать доброе. Философия об изящном или прекрасном имеет всеобщие и частные теории, на которых основываются словесные, изящные науки и образовательные художества. К первым относится витийственное, стихотворное и театральное искусство, ко вторым — живописное, ваятельное и гравировальное и прочие.

§10.

Верховная цель всей философии — цель разума, которым виновник природы снабдил человека. Разум дан человеку для того, чтобы он был ему руководителем в провоздении своей жизни на этом свете в изобилии, удовольствии и всевозможной роскоши. Но это утверждать значило бы унижать достоинство разума, а, напротив того, одобрять и защищать эгоизм, то есть навык относить все к самому себе. Или, во-вторых, для того, чтобы он был путеводителем человеку во всех его знаниях, чтобы человек, с его помощью, мог распространять пределы своих познаний. Но такая цель не имеет совершенной цены в этой временной жизни, и все люди, без исключения, не могут посвящаться ей. Наконец, в-третьих, для того, чтобы он был наставником человеку в соображении своих чувствований и нравов с природными законами, предписываемыми разумом, чтобы таким образом стать нравственно добрыми, добродетельными, правоблюстительными, достигнув тем самым спокойствия духа и удостоившись благополучия, что составляет верховную цену разумного и свободно действующего существа, как и высочайшее его благо. Данная цель — совершенное благо человека, которого могут искать все люди, какой бы ни был жребий их происхождения, ума и счастья. Ищущие этой цели никогда не могут сопротивляться друг другу. Напротив того, они всегда взаимно способствуют своим благим намерениям.

¹ Joh. Georg. Sülzer in der allgemeinen Theorie der Schönen Künste II Theil. Leipzig, 1778. стр. 240.

§11.

Поэтому верховное правило, руководящее человеком в его познаниях и поступках, выражается следующим образом: *«Будь рачителен в познании всего того, что разум твой познать может, и применяй все познанное тобою к той цели, чтобы ты стал нравственно добрым, добродетельным и тем самым достойным благополучия существом»*. Этим ограничивается пространное поле философии, все любопытство размышляющего человека определяется следующими вопросами:

1. Что может знать человек? Каковы границы тех предметов, о которых можно получить познание?

2. Что он должен делать?

3. На что смеет надеяться?

4. Что есть человек?

На первый отвечает метафизика, на второй — нравоучительная философия, на третий — религия, на четвертый — антропология.

§12.

Порядок, в котором должны преподаваться части философии, не может быть произвольным (*indifferens*) как для обучающего, так и для обучающегося. Напротив того, предметы, состоящие в связи, следует располагать, по главному правилу учения, таким образом, чтобы объяснение предыдущих было подготовкой для последующих, чтобы предметы, предлагаемые вместе, служили для объяснения другим. Но поскольку нельзя сделать того, чего мы не знаем, то теоретическая философия должна предшествовать практической. Следовательно, прежде нужно образовать ум, а потом — сердце.

§13.

Неразлучные спутники для упражняющихся в философских науках: 1) филология, 2) история, 3) словесные науки.

Филология, т. е. знание разных языков, имеет большое влияние на философа, посредством которого он участвует в изобретениях и открытиях разных философов, которые жили и процветали в разные времена у разных народов.

Естественная история доставляет философу знание разных произведений природы, без которого невозможно основательно познавать цели и открывать всеобщих ее законов. Писатели политической истории были

первыми философами, целью которых при сочинении истории была философия (*Плутарх, Тацит и Гюм*). В-третьих, больше всего помогает философу история о тех предметах, которые относятся к образованию человеческого ума и нравов. В этой истории великую услугу в прошедшем столетии оказали ученому свету *Изелин Гом Миллар, Фергюсон, Крафт, Гогет и Руссо*. Логика и метафизика основываются на истории о человеческом разумении, физика и химия — на естественной истории, а практическая философия — на истории человечества. Наконец, для философа нужна философская история, которая открывает источники и приключения частных учений.

Словесные науки доставляют философу самую огромную пользу тем, что он может представить свои отвлечения красноречиво, тем самым сделав себя приятным, притом риторы и стихотворцы наполнили свои сочинения важными для философа достопримечательностями.

§14.

Свойство всей философии и ее частей доказывает ее цену и пользу, которая есть или безусловная (совершенная), или условная (относительная). *Безусловная цена* и польза философии состоит в том, что она учит человека познавать самого себя, тем самым открывает ему все то, что больше всего его касается: 1) что силой человеческого разума знать можно; 2) каким образом следует жить по законодательству разума? 3) Какой судьбы нужно ожидать в будущей жизни по предвещанию разума?

История учит нас, что у тех народов торжествовала добродетель и уважалось человечество, которых озарял свет философии. Где же ее лучезарный свет не мог разогнать мрака невежества, там торжествовало суеверие, человечество угнеталось варварством. Она освободила людей от тягостного ига рабства, попрали фанатизм и деспотизм, разрушающий все человеческое благополучие. Самые большие политики, государи и распространители религии были глубокомысленными философами — она управляет вождями государств, приводя государства в цветущее состояние. Поэтому справедливо говорил Платон: *«Блаженно то государство, в котором или философы суть правители, или правители государств — философы»*.

§15.

Условная же или относительная цена и ее польза состоит в том, что все прочие науки заимствуют от нее не только возможность своего

бытия и истинность, но также усовершенствование и пользу. Ведь философия объясняет и предлагает верховные начала и потребности всего истинного и систематического познания. От этих начал и потребностей все прочие науки заимствуют силу, непоколебимость и истину своих утверждений. История новейших времен доказывает, что перевороты, последовавшие в философии, имели влияние и на перемены в других науках. За эту перемену, принесшую ясность, основательность и порядок, мы должны быть благодарны светильнику философии и упражняющимся в ней мужам.

§16.

Несмотря на все эти похвалы и истинную пользу философии, есть люди, которые обвиняют ее в том, что она и ее питомцы были причиной величайших заблуждений и происходивших от того бедствий.

Но данное порицание не касается истинной, а только схоластической и притом ложной философии. Схоластическая философия и ее последователи не исследовали ни свойства вещей, ни их цели, занимаясь пустой остротой слов и тонкостью предложений, что, конечно, не способствовало умножению человеческого благополучия, поэтому она справедливо опорочивается. Ложная же философия есть злоупотребление разума, которая вместо того, чтобы руководствоваться ее светильником к познанию истины, вводила людей в лабиринт заблуждений. Гнусный эгоизм, обращающий все в свою пользу, был причиной худших следствий, грозящих гибелью целым обществам. Сверх того, злоупотребление вещи ничего не доказывает против истинного и хорошего ее употребления. Не должен ли человек есть по той причине, что некто, будучи болен, ел и тем причинил себе смерть? Не следует ли человеку дышать воздухом для того, чтобы не принять нечистых частиц, смешанных с ним? Нет ни одной науки, которая бы не опорочивалась бы шарлатанами, что случилось и с философией, матерью всех наук. Философия имеет перед другими науками то преимущество, что она может огородить себя от злоупотреблений и порицаний собственным своим оружием.

§17.

Предосторожности, необходимые для каждого любителя мудрости, состоят в том, чтобы он воздерживался от лишнего скептицизма, избегал бы педантизма, шарлатанства и ученого щегольства. Ведь наши мнения должны управляться и определяться по содержанию и

важности оснований и начал.

Лишний догматизм имеет обыкновение присваивать себе более права к подлинности, чем благоразумной вероятности, при подлинности чаще основывать истины на совершенном убеждении, чем на нравственной доверенности, наконец, больше полагаться на умозаключения, чем на опытность.

Лишний скептицизм имеет обыкновение отнимать от человеческого разума все неоспоримые признаки истины, тем самым воздерживается от произнесения своего мнения о вещах, хотя бы оно и имело достаточные к тому причины. Истинный философ имеет в виду только содержание и важность причин. Следовательно, если он имеет достаточные причины, то считает вещь подлинной, если равные — за сомнительную, если больше причин, но еще недовольных к подлинности, — за вероятную, не имея же никаких причин — признается в своем неведении.

Педанство — свойство тех ученых людей, которые во всех обстоятельствах все то, что произносят, говорят ученым и искусственным образом, не принимая во внимание ни духа (гения) времен, ни приятности вкуса, ни отличий присутствующих лиц. Они гордятся тем, что схоластическая пыль с них спадает, поэтому педанство называется тщеславием, происходящим из учености, основывающейся на маловажных¹ вещах.

Шарлатанство — это свойство едва полуученых людей, которые хвастают своими знаниями, и, подкрепляя их замысловатыми словами, ищут одобрения у других людей, чтобы иметь возможность пользоваться их неосторожностью и неосмотрительностью, для умножения своей славы и своего обогащения. Смотри приведенную выше книгу.

Ученое щегольство есть упражнение в науках по одному только вкусу. Оно имеет в виду одно удовольствие и старается доставить его другим, не заботясь об основательности, ищет поверхностного познания, не старается убеждать, а уговаривать. Не вещи, а слова имеет в виду. Ученый щеголь не спрашивает истинно ли то, что он говорит. Он спрашивает, нравится ли оно? Смотри в той же книге.

§18.

От педанства избавиться можно следующим образом:

1) упражняясь в одной какой-нибудь науке, не презирай других;

¹ Смотри Sebastiani Stadelii ad Ianum Philomusum Epistolam de circumforanea Literatorum vanitate in Menkenio de charlataneria Eruditorum. стр. 214.

2) занимаясь чтением древних авторов, не пренебрегай новых; будь равнодушен, отдавая справедливость как древним, так и новейшим;

3) шествуй в науках равными шагами; сведение всяких новостей почитай словесностью; не будь доволен одним Аристотелем, ниже пристрастен к изречениям Канта или Шеллинга. Любитель истины должен подражать трудолюбивой пчеле;

4) имей обращение с учтивыми и благородными учеными, звания которых не составляет одна ученость, но и чистый вкус, хорошие и приятные нравы.

Не будешь шарлатаном тогда, когда, во-первых, чувствуя свои силы и способности к познаниям, будешь их обнаруживать перед другими благопристойным и учтивым образом без всякой надменности. Во-вторых, когда будешь в состоянии доказать на деле то, что о себе говоришь на словах. В-третьих, когда будешь рассуждать обо всех науках по мере их достоинства и употребления, не унижая ни их цены, ни похвал.

Наконец, избежишь *ученого щегольства*, во-первых, прилежным чтением греческих и латинских авторов, вникая в смысл, наклонности, нравы и их намерения. Во-вторых, в поведении поступай не по чувственности, а по хорошим понятиям о вещах. Не одна только раздраженная чувственность, но изречения разума должны быть для тебя законами. В-третьих, не следует довольствоваться одной поверхностью знания, надо вникать во внутренность вещей. Везде необходимо искать совершенства и основательности. В-четвертых, не следует пренебрегать изящными науками, но не нужно и поставлять их первой и последней для себя целью. Изящными науками следует пользоваться, как благовониями и солью в пище. В-пятых, не с одними книгами, но и с людьми надо жить, общаться, вникать в их нравы, наклонности, пристрастия и свойства темпераментов, словом, примечать все свойственное человечеству. В-шестых, везде стараться быть вразумительным и удовлетворительным как ученому, так и не ученому, искать у людей просвещенных и основательных, а не у простых, одобрения своих деяний.

ГЛАВА 2.

О понятии, пределах, пользе, вспомогательных средствах и кратком начертании истории философских систем

§19.

История философских систем есть достоверное повествование о происхождении и успехах всего того, что в круге действующего ума открыто, сооружено и учреждено. Следовательно, она есть представление умопроизведений, их временное разделение и должная оценка.

§20.

История этого рода должна открывать и объяснять причины, по которым эти, а не другие умопроизведения могли происходить. Эти причины могут быть, во-первых, *внутренние* и притом отчасти *необходимые*, которым подлежит познавательная способность, отчасти же *случайные*, которые способствуют образующимся умам, и, наконец, *самоучка* (autodidactica), то есть, дух, без всякого руководства философствующий. Во-вторых, *внешние*, разные обстоятельства, которым повинуются гений времен, разная польза наук, разное направление религии и государств, сами физические причины климата.

В этой истории заимствовать из истории государств и просвещения, из биографии и библиографии философов можно только то, что служит к истолкованию и объяснению происхождения разных философских систем. Поэтому в истории данного рода только те философы могут быть помещены, которые были или изобретателями и творцами новых систем, или обновителями древних, а тех, которые неотступно придерживались мнений своих учителей или составили себе некоторую, якобы собственную систему из разных философских положений своих предшественников, нужно или совсем оставить, или посторонним образом нечто о них упомянуть.

§21.

Предмет данной истории составляют только истинные философские умопроизведения, то есть утверждения, основанные на

истинных началах. Поэтому здесь не имеют места философские положения, почерпнутые из преданий или утвержденные на достоверности, частные изречения мудрецов. Она должна рассматривать и ценить целые системы, начинать от оснований и восходить к первому и самому верховному началу всей системы, а, не начиная от верховного начала, нисходить к бесчисленным последствиям, переменам и действиям системы, ведь исчисление всего этого составляет предмет философской истории, круг которой гораздо пространнее.

§22.

Цель истории философских систем требует того, чтобы она была: 1) *справедливая*, т. е. чтобы каждого самоучного творца, или возобновителя какой-нибудь философской системы, рассматривать и ценить не по чужим, а по собственным его началам; 2) *философски обработана*, т. е. история философских систем должна показывать истину и достоинство какой-нибудь системы в самих ее началах и основаниях, иначе она не была бы наукой, а только театром тщетного любопытства; 3) *систематическая*, ведь если бы умопроизведения были только следствиями внешних пониманий, то история повествовала бы только то, что произошло по одному слепому случаю. Поскольку же человеческому разумению назначен известный некоторый круг, из которого он не может и не должен выходить, то история его произведений должна основываться на систематическом порядке. Сверх того, каждая философская система есть посильная попытка в развязывании и объяснении предлагаемых всеми познавательными силами проблем (задач). Следовательно, смотря по способу, которым некоторый самоучный философ предпринял решение той или другой проблемы, как от решения этой первоначальной проблемы перешел к решению прочих, и поскольку руководствовался этой или другой познавательной силой, и произошли разные способы философствования, разные философские системы.

§23.

Поэтому если история философских систем должна состоять в систематическом порядке, то она должна иметь для этого тройное основание: 1) генеалогическое показание тех познавательных способностей, которые составляют изобретательную силу; 2) порядочное, в архитектурном виде представленное начертание

наук, сооружаемых силой разума; 3) показание тех мужей, которые самоучно философствовали и составили новые философские системы. История каждой философской системы — не что иное, как ответ на задачу: каким образом ученые мужи разных дарований решились и объяснили необходимые умственные проблемы?

§24.

Для удобнейшего обозрения всех философских систем, необходимо назначить некоторый порядок и их разделение по течению времени. Кажется, что философия трижды предпринимала новое кругообращение и дважды уже совершила его, поэтому история философских систем может быть разделена на три периода:

I. *Древняя история*, которая начинается вместе с происхождением человеческого рода и продолжается до начала Римской монархии или времен императора Августа.

II. *Средняя*: от императора Августа и до конца XV — начала XVI столетий, т.е. до возобновления наук.

III. *Новая история* начинается с возобновлением наук и продолжается до наших времен.

§25.

Упражнение в истории философских систем:

1) *приятно*, так как ничто не может быть приятнее, занимательнее для рачительного любителя наук, как странствовать в некотором будто бы пантеоне мужей, по одной самоучке философствующих. Путешествовать по всему царству истины, доискиваясь ее, рассматривать каждое произведение ума в его источнике, наконец, созерцать сокровища древней и новейшей премудрости, сосредоточенные в одном вместилище;

2) *Полезно и необходимо*: а) так как данное упражнение, раскрывая летописи человеческого ума, объясняет каким путем, какими пособиями и опытами доискивался он и доходил до познания истинного и ложного, какими посторонними стезями, сбиваясь с пути истины, заблуждался. Показывает источники этих заблуждений и вредные их следствия, чем руководит к правильному поиску истины и надежному избежанию заблуждений. Притом доказывает еще, каким образом от лжемудрствования произошли самые опасные философские догматы (положения), перечисляет открытые и впредь открываемые истины. Исследует, как много успел испытательный человеческий дух и что еще для будущего испытания предоставил. Б)

История философских систем немалое влияние имеет не только на законодательство и все правоведение, но и на само врачебное искусство. Ведь любители первого почитают многие мнения, перенятые из стоической философии, а питомцы второго превозносят похвалами *Гипократа* и *Галена*, героев древних времен медицины, которая тогда же была частью философии. В) Упражнение в истории философских систем служит светильником богословам, ведет к посрамлению нечестия лжемудрецов (*pseudosophi*), которые вышли за пределы разума, безрассудно умствовали. Оно показывает те основания, по которым на истинную религию нападали и благодаря которым их самих можно упрекнуть, что уже и делали философы, принявшие христианскую религию. Также оно служит пособием к истолкованию тех мест, в которых священно-писатели принимали во внимание мнения древних философов. Церковная история, повествующая о происхождении, успехе, а чаще всего — о внешних переменах церкви, без помощи истории философских систем недостаточна, так как внешние церковные обстоятельства со II столетия начали вступать в теснейшую связь с системами восточных, а чаще всего — греческих философов. Тогда они, приняв христианскую религию, начали употреблять и прежние привычные способы философствовать и принятые ими философские системы к объяснению и близкие им святые науки. Это имело столь великое влияние на обряды внешнего богопочитания, что и самой даже евангельской науки коснулось. Это случилось именно в то время, когда род чистейшей религии, проповедованный Иисусом Христом на востоке, был перенесен в Египет и смешан с греческим образом философствования, и, наконец, употреблен к утверждению некоторых иудейских, а, отчасти, и церковных положительных догматов.

§26.

После перечисления главнейших плодов, проистекающих от истории философских систем, не следует молчать о тех неблагоприятных последствиях, которыми угрожает упражнение в этой истории при первом взгляде. На самом деле весьма неприятно, во-первых, видеть множество противоположных гипотез и многочисленные противоречивые мнения. Данная противоположность и противоречие становилось тем примечательнее, чем больше было упражнения в способе философствования. Во-вторых, созерцать: а) многочисленные секты, из-за бесконечных споров разругавшиеся, б) несогласия и раздоры,

происходившие из-за смешения понятий, в) принятые бесплодные умозрения и распространенные заблуждения по причине слепого рвения к подражанию в способе философствования, а также многие попытки, предпринятые практически в каждом столетии в его преобразовании, но данные усилия почти всегда не достигали желаемого успеха. В-третьих, взирать на непрестанное, по-видимому, противоборство: а) опытности с умствованием, б) общего природного мнения с выпрненным умозрением. По данным источникам спорившие при всяком исследовании вовлекали друг друга в нелепости. В-четвертых, усматривать, что те же задачи, которыми более двадцати столетий изнурялись превосходнейшие греческие умы, при многочисленных изданных сочинениях, до сих пор не решены и ныне еще столько занимают ученых людей, как будто бы никогда не исследовались.

Но все это не только не должно отвращать нас от упражнения в истории философских систем, но, напротив того, должно поощрять к нему. Ведь все философские системы, как бы ни были друг другу противны, не что иное, как чистые усилия, посредством которых человеческое разумение старается открыть себе новый путь, ведущий к сокровенным истинам и тайнам. Следовательно, не нужно удивляться, что философские системы были столь многочисленны, изменяемы и так часто преобращались в тщетные гипотезы. Данная многочисленность приносит также немалые плоды, ведь она является необходимой некоторой подготовкой к открытию истины, поэтому новые открытия бывают плодами не многотрудного сплетения, но частого усилия, и система, которая при своем начале еще неосновательна и непостоянна, служит объяснением последующих испытаний. Разность мнений есть не что иное, как денница, предшествующая восхождению солнца, т. е. истины. А хотя бы между разными мнениями многие и ошибочны, но нет ни одной погрешности такого рода, которая не содержала бы в себе семян и роста сокровенной истины. А когда представление понимания само по себе истинное, но если оно заранее примется за всеобщее положение, то оно будет для понимания поводом почти ко всем погрешностям. Поэтому едва можно видеть спор между древними и новейшими философами, при котором бы спорящие не придерживались того, что есть истинное, но только всегда в разном отношении.

Поскольку я не намерен в этом общем предуведомлении представить историю философских систем во всем ее пространстве, как могло бы быть в особом сочинении, но только самым сокращенным образом указав ее ход, поэтому любителям этой истории представляю здесь некоторые источники и вспомогательные средства, из которых можно почерпнуть основательное познание философских систем.

§28.

Среди этих источников одни древние, а другие новые писатели. Древние больше всех достойны примечания.

1) *Диоген Лаэртий*, который хотя и не совсем исправный, но при всем том мы ему обязаны лучшим знанием древних философских систем. Его сочинение издано: а) в Амстердаме в 1692 году в двух томах на греческом и латинском языках, под заглавием: *Diogenis Laërtii de vitis dogmatibus et apophthegmatibus clarorum Philosophorum Libri io cum multis Annotationibus et commentariis*; б) по-гречески и латыни без примечаний в Лейпциге, в 1759 году в 8.

2) *Плутарх de placitis Philosophorum, Stobaei porro sententiae et eclogae physicae et Ethicae* Геренниевое издание по-гречески и латыни, в Геттингене в 1792 году, две части в 8.

3) *Philosophemata veterum Origeni supposita et inter ejus opera contenta; vitae sodhistarum a Philostrato breviter adumbratae in collectione operum Philostrati*, Олеариево издание по-гречески и латыни, в Лейпциге в 1709 году в лист.

§29.

Среди новейших особого внимания достойны: *Бель* славен более пространной, чем глубокой ученостью, который произносит иногда и остроумные, но по большей части дерзкие и неумеренные суждения и изречения. Смотри его *Dictionaire Historique et Critique*, пятое издание Г. Мезеро 1740 года, четыре тома в лист. *Воссиевы* две книги о философии и философских сектах весьма полезны относительно этой истории. Хотя *Деланд* в сочинении (*Histoire Critique de la Philosophie*) придерживается довольно правильного порядка, но утруждает читателя избытком обыкновенных и бесполезных замечаний. Будучи скор в выборе свидетелей, редко сомневается, а часто ошибается, а в высшей философии не настолько искусен, чтобы мог правильно судить о философских системах. Гораздо лучшие сочинения: 1) *Фенелона Les vies des Philosophes de l'antiquité* и 2)

Саверина vies des Philosophes modernes. То же, что *Даламберт* в предварительном разговоре к энциклопедии, *Кондорсе* — в своем *Esquisse sur les progrès de l'esprit humain* и *Вольтер* — в разных своих сочинениях, писали в помощь истории философских систем, больше относятся к изящным памятникам риторического искусства, чем к вспомогательным средствам основательной и глубокой учености.

§30.

Философы, о которых дальше пойдет речь, всех приведенных здесь писателей превосходят обширностью сведений и прилежанием, а некоторые даже и основательностью.

Во-первых, *Фома Станлей*, историю греческой и восточной философии которого, изданную на английском языке, перевел на латинский язык известный среди немцев критик Олеарий, исправив многие погрешности. В этом сочинении, изданном в Лейпциге, представлены системы древних философов только по образу Диогена Лаэртция.

Во-вторых, *Иаков Бруккер*, критическая история философии которого, содержащаяся в шести томах, заслуживает большего внимания и уважения. Он первый новым и правильным образом обработал всю философскую историю во всем ее пространстве и по всем отношениям. Он особенно отличается в объяснении философских систем Средневековья, но при всем том ему не хватает остроумного исследования как частных, так и общих причин, которые в разные времена имели влияние на способ философствования или даже господствовали над ним. Философские мнения он перечисляет в кратких словах и порядке предложений, принятом произвольно, поэтому он не составил философской системы во внутренней связи понятий и оснований. Первое сокращение этого сочинения, весьма не большое, переведено на русский язык и напечатано в Москве в 1788 году, второе же пространнее первого, оно напечатано в Лейпциге в 1756 году в 8, под заглавием *Institutiones Historiae Philosophicae Usui Academiae Iuventutis adornatae*.

В-третьих, *Geist der Speculativen Philosophie* сочинение Г. *Теннеманна* и такое же Г. *Буле*.

Наконец, в-четвертых, *Histoire comparée des systemes de Philosophie relativement aux Principes des Connaissances humaines* par Degerando. Tom IV. Paris. 1804. Данное сочинение состоит из двух частей: первая в одном историческом изложении составленных философами систем, о началах философского познания с показанием той связи, которая соединяет каждую систему с мнениями, произведенными из нее. Вторая часть

содержит критический анализ тех же систем, основания которых противопоставляются друг другу, а также сравниваются их последствия между собою. Но этому сочинителю, относительно древних философов, не хватало знания глубокой критики, а в рассуждении оценки новейших германцев он не мог доступно объясниться из-за недостатка выражений французского языка.

В-пятых, Crundriss der Geschichte der philosophischen Systeme zum Gebrauche öffentlicher Vorlesungen von Professor Socher. München, 1802 — 8.

ПЕРИОД I.

Первые черты древней философской истории

§31.

Поскольку философия в пространном смысле ныне и всегда означала образование ума (culturam rationis), то, само собой разумеется, что философия, смотря на саму вещь, существовала гораздо раньше, чем произошло ее наименование. Нет сомнения, что многие люди с самых первых времен созданного мира, или немного позже, трудились в образовании своего ума и долговременным употреблением всего того, что доставляла им природа, а также наблюдением и рассматриванием всего их окружающего. Они открыли много вещей, которые до сих пор составляют некоторую часть философии, поэтому несправедливо все происхождение философии некоторыми приписывается грекам. Но при всем том греки были первыми творцами философии в том смысле, что они начали приводить в порядок существовавшие прежде них необработанные материалы, делить философию на некоторые части, и тем самым совершеннее приступили к ее святилищу. Доказательством этому служат их сочинения и догматы, которые, без всякого сомнения, дошли до наших времен.

§32.

Состояние философских познаний у народов, которые были древнее греков

История представляет нам многие народы, которые занимались философией прежде, чем греки отличились в ней. Данные народы обитали в разных странах света, например, на востоке жили евреи, халдеи, персы, индейцы, аравитяне и финикиане, к Югу — египтяне и

эфиопы, на западе — целты (этим именем называются галлы, британцы, германцы, некоторые жители Севера и сами даже древние римляне), к Северу — полунощные (Нурегборей) — скифы, фракийцы, геты и им подобные¹. Греки всех этих народов называли варварами, как и тех, кто не был обитателем собственно Греции, которые сиплостью голоса, грубостью языка, нравами и религией очень отличались от греков.

Хотя греки изобретение всех наук и художеств приписывают себе, однако не могут отрицать того, что и у этих народов некоторые, хотя и небольшие науки и искусства существовали, например: астрономия, геометрия, богословия, ифика и политика. Что философы этих народов представляли свои философские положения мифологическим и иероглифическим образом, оставляя их в таком виде для своих потомков, не может служить достаточной причиной к такому заключению, что они совсем не философствовали.

§33.

Начала философии у греков, успехи и перевороты в ней

История уверяет нас, что в Греции существовали первые ученые люди, которые назывались философами, философские построения которых, без всякого сомнения, дошли до наших времен. Греки первыми умственным образом открыли причины естественных явлений, показывали правила суждения и законы нравов, познание о которых приводили в некоторый порядок, таким образом начав составлять физику, логику и ифику.

Нет также сомнения и в том, что пиитика была путеводительницей философствованию, что именно первые пииты осмелились философствовать. Следовательно, философские науки получили свое начало во Фракии, которая родила первых пиитов *Орфея* и *Музея*. Почти шестьсот лет протекло до Рождества Христова, как упражнение в философии существовало и производилось пиитами, законодателями и приточниками, первыми мудрецами Греции, и которое Фалес Милетский, Пифагор Самосский, Зенон Элеатский и другие авторы распространили, в результате чего произошли разные философские школы (училища) и расколы или секты.

¹ Смотри Introductionem Bruckeri in Historiam Philosophiae §10.

§34.

От Орфея до Ликурга существовал пиитический и баснословный (мифологический) образ философствования, который был усовершенствован Орфеем, Музеем, Гесиодом и Омиром. От Ликурга же до Фалеса Милетского существовал приточный и политический образ философствования, т. е. мудрецы того времени были приточниками (Gnomici от греческого *γνομίχος* *sententiosus*): краткими, но важными изречениями предлагавшие истины, и законодатели, которые преподавали правила нравственности и благополучия, а также наставления об учреждении и управлении семейств и государств.

§35.

От Фалеса до Сократа господствовал отчасти физический и метафизический образ философствования, а отчасти диалектический и софистический. Первым образом философствовали о началах и причинах вещей, вторым — об истинном и ложном, а также их признаках, третьим (отчасти физический и метафизический) — производились споры. Данные способы поддерживались ионической, пифагорической и элеатической сектой. От Сократа до Эпикура большей частью философствовали практическим образом о том, что есть добро и зло. Этот образ философствования процветал посредством Сократа у киренаиков по предводительству Аристиппа, у академиков — благодаря руководству Платона, у циников — по предводительству Антисфена, у стоиков — по руководству Зенона, а у эпикуреев — по предводительству Эпикура, одни из которых только честное и мерзостное (*honestum et turpe*), а другие — только приятное и досадное считали добром и злом.

§36.

От Эпикура до трехсотого года после Рождества Христова существовал отчасти систематический образ философствования, а отчасти — скептический, синкретистический и эклектический.

Систематический образ философствования состоял в том, что философия предлагалась по частям и началам или некоторым основаниям.

Скептическим образом оспаривались начала и признаки всего

истинного и доброго, или, по крайней мере, приводились в сомнение.

Синкретизм (Syncretismus) состоял в соглашении между собою противоположных философских мнений. *Эклектизм* без всякого предубеждения отличает истинное от ложного, выбирая все то, что есть истинное, но по всем философским сектам рассеянное. Данные способы философствования наиболее поддерживались перипатетиками по руководству Аристотеля, пиррониками и академиками — по руководству Пирра и Карнеада, наконец, александрийцами и новыми платониками по предводительству Потама, Климента Александрийского, Амония и Плотина.

ПЕРИОД II.

Первые черты философской истории Средних веков

§37.

Состояние философии у христиан до X столетия

Великая перемена последовала в философии, когда Греция лишилась своей свободы, а Римская республика преобразовалась в монархию, ведь с того времени все учение философии переселилось к римлянам. Римляне в первое время своего царствования занимались одними завоеваниями, и, думая, что упражнением в науках ослабляется мужество, не уважали их. Поэтому в правление королей почти никакой философии у них не было, а во время консулов — очень немного. Однако после учреждения монархии весьма многие прославились в мудрости, поскольку одобряли разные мнения греческих философов, потому и упражнялись в разных сектах¹. Во время императора Августа новый род философии, преимущественно эклектический, развивался в Александрии посредством Потамона. Ученые люди того времени со всех сторон собирались в Александрии для тех выгод, которые доставляла им щедрота Птолемея и превосходнейшая библиотека, не имевшая себе подобной в те

¹ Например, в *Академической* секте упражнялись: Марк Врутус М. Теренций Варрон, М. Пизон и М. Т. Цицерон, в *Пифагорической* - Энний и Нигидий Фигулус, в *Стоической* - Сципион Африканский, Муциус Сцевола, Катон Утический, Л. Анней Сенека Кор-дубский, учитель неронов, в *Перипатетической* - Тираннион, Андроник Родий, Александр Афродийский, в *Платонической* - Тразил, Алцинной, Апулей, Максим Тирий, наставник императора Марка Аврелия, Плутарх Херонейский, учитель императоров Траяна и Адриана.

времена. Этому образу философствования христианских философов во II столетии следовали *Афенагор*, *Пантенас* и *Климент Александрийский*, которые не стоическую, ниже платоническую или эпикуровскую и аристотелевскую науку, но все то, что греческими философами правильно предлагалось, следовательно, что учит человека быть правосудным и благочестивым, все то вместе собранное называли философией. Но известно также и то, что первые христианские философы руководствовались в нравовании стоической философией, в логике — Аристотелем, а в метафизике о Боге, душе и духах — Платоном.

§38.

Поскольку в то время все труды некоторых философов склонялись к тому, чтобы учение языческих философов привести в соглашение с христианской наукой, они утверждали, что первое было предводителем для второго, что оно даже превосходнее этого последнего. Поэтому христианские первосвященники воспылали гневом против философии и философов тогдашних времен, но этот гнев и ненависть никак не относились к собственно философствующему разуму, к стремлению людей к философствованию. Напротив того, преследовался такой разум, который покорствовал ложным системам, а также такое рвение к философствованию, которое стремилось принести вред христианской религии. Изречения с. апостола Павла, Августина и других христианских учителей, их примеры убеждают нас, что искреннее прилежание к философии и чистота христианской религии могут вместе состоять в том же уме и сердце.

На самом деле христианская религия, если мы понимаем истинный смысл и ее силу, имеет в виду то, чтобы умствующий разум, т. е. исследователь истинного и правого, удерживался в своих пределах. Она помогает разуму в естественной силе понимания, строго увещевает его, чтобы он познавал самого себя, т. е. исследовал бы и ценил свое могущество, чтобы низложил рабство ложных систем тщетной доверенности и чувственности.

§39.

Состояние философии у арабов и схоластиков

Римляне недолговременно продолжали свои успехи в философии, так как когда нашествие варваров грозило падением обширному на

земле их владычеству, тогда ученая республика совсем разрушилась, и музы, будучи оттуда изгнаны, обрели убежище у аравитян. Этот народ, в конце VIII и начале IX столетия, покорив многие провинции в Африке и Испании, распространил свое владычество. Хотя Мугамед и его наследники думали, что в Алкоране содержится все то, что человеку нужно знать, но при всем том не могли воспрепятствовать тому, чтобы греки не вызвали любовь к философии в мугамеданцах, своих победителях. Поэтому *Калиф Альмансур* был покровителем греческих врачей для исцеления людей от болезней, а его сын *Ал-могди* — покровителем астрономов для астрологии и математики. *Калиф Ал-Рашид* способствовал художествам и наукам по причине их изящности и пользы, поэтому, несмотря на различия вероисповеданий, им приглашались ученые люди в Багдад, переводились греческие книги на арапский язык, среди которых — логические и метафизические книги Аристотеля. Это привело к тому, что вся философия арапов состояла в одной логике и метафизике Аристотеля. Но так как потом арапские философы стали одновременно профессорами врачебного искусства, которое состоит только в наблюдении происшествий и исследовании причин, следовательно, поддерживает способность наблюдать и исследовать, поэтому они отделились от ближайшего источника и пути к философствованию, да и не могли его видеть, следовать по нему, поскольку этому препятствовали предрассудки. По этой причине славнейшие философы, Авиценна и Аверроес, черпали философию из одного плохо переведенного Аристотеля.

§40.

Ученые, которые в XII, XIII, XIV и XV столетиях по всей Европе в публичных школах преподавали философские и феологические науки, назывались *схоластическими докторами*, для их отличия от *монашеских учителей*, обучавших в монастырях. Схоластическая философия, по причине господствования схоластической феологии, называлась светской и нечестивой наукой. Служительницей феологии¹ была диалектика, производящая шум, и тонкая, но

¹ *Роберт Бароний*, шотландец (in tractatu de Philosophia Theologiae Ancillante Francof. ad Moenium 1676) доказывает, что философия служит только феологии для употребления ее некоторых начал, при решении философских задач, встречающихся в феологии. Но Вольф опровергает данное мнение (in horis subsecivis Marburgensibus 1730. francof. et Lipsiae, смотри там же trimestre autumnale pag. 425). И на самом деле, большее употребление философии может быть и там, где нет места ни феологии, ни

беспольная метафизика, в которой учение, утвержденное схоластической феологией, одни оспаривали тонкими возражениями, а другие, с еще большими тонкостями, отвечали. Схоластики черпали логику и метафизику не из греческого, а из переведенного на арапский язык Аристотеля, которого разными тонкостями и грубыми (варварскими) словами еще больше помрачали и портили. Это зло происходило от (Духа) как того, так и предыдущего времени, и производило многих скрытных скептиков и атеистов. Но при всем том среди схоластиков находились многие, которые были одарены превосходными дарованиями и отменными сведениями в науках, например: Петр Абельярд, Петр Ломбард, Александр Галес, Албертус Магнус, Фома Аквинат, Иван Дунсскот, Дуранд, Гуиуиельм Оккам и прочие.

юриспруденции, ни медицине. Наше благополучие тройкого рода: *душевное, телесное и внешнего состояния*. Феология занимается первым, медицина - вторым, а гражданская юриспруденция - третьим. Эти науки показывают способ приводить в большее совершенство это тройкое благополучие такими средствами, которые доставляет только или достоверность, или опытность. Философия в этом преуспевает, руководствуясь одним разумом. Наконец, в частности, феолог заботится об одном душевном благополучии, а философ, сверх того, занимается еще благополучием и телесным, и внешнего состояния. Поэтому философия не может быть простой служительницей высших так называемых факультетов (*superiorum Facultatum*).

ПЕРИОД III.

Первые черты философской истории новых и наших времен

§41.

Первые опыты в исправлении философии в XV и XVI столетиях

После овладения турками Константины Града в 1453 году, многие греки, спасаясь бегством, отыскивали себе убежище в Италии. В то время из принесенных греческих экземпляров сочинений Аристотеля были сделаны новые переводы, гораздо исправнее прежних, что весьма поспособствовало исправлению погрешностей, содержащихся в прежних переводах.

После этого, при исходе пятого до десятого столетия, чтение древних греческих сочинений становилось все более популярным, особенно в Италии, потом в Англии и Германии, а словесные науки стали все более организовываться. Те, кто преуспевал в словесных науках, не мог больше терпеть ни грубости, ни господства схоластической философии. Таким образом, как и благодаря другим обстоятельствам, превосходные умы стали стремиться к свободному, т. е. без всякого предрассудка и достоверности, философствованию и возобновлению философии.

Первые опыты при возобновлении философии, которые делали *Брунус Кампанелла*, *Карданус* и прочие, были наподобие солнечных лучей, которые сквозь густые облака схоластической философии едва проникали. Посредством этих лучей примечены были источники и способы к философствованию: *наблюдение*, посредством которого постигались действия природы и нашей воли, потом *исследование*, благодаря которому открывались законы и причины действий. Наконец, *счисление*, открывающее величину вещей, следовательно, прежде всего логика и физика были предметом возобновления.

§42.

Усилия Вольфа, эклектиков и Юма были удачливее в восстановлении философии

Опыты в восстановлении философии успешнее были в седьмом до десятого столетия; превосходнейшими восстановителями философии

были *Бакон*, *Картезий*, *Локк*, *Лейбниц* и многие другие¹, которые, имея намерение соорудить новую философию, не только публично сообщали свои мнения, но и опыты издали, и поскольку, в то же время, одни хотели восстановить древние философские системы, изменив только их формы, то от этого произошло среди философов несогласие, и скептицизм восторжествовал.

§43.

Система философии Вольфа казалась удовлетворяющей всем требованиям и желаниям философов, потому что она основана была на началах и содержала даже новые части философии, наконец, потому, что служила поводом к исправлению прочих наук. Но поскольку система Вольфа была не без пороков и противников, поскольку данная система человеческим умам неприятна и противна дружескому обхождению, то поэтому некоторые, а наиболее — профессора философии, начали философствовать без системы и, освободив себя от систематического ига философии Вольфа, последовали эклектическому способу философствования. Они все философские и другие науки исправляли с похвалой.

§44.

В то же время, когда *Вольф* занимал германские, а *Юм* — английские умы философией, этот последний утверждал и полагал основанием только обыкновение, для чего мы одну вещь причиной, а другую — действием называем. Так как, кроме знания о правильном событии и последовании вещей, кроме обыкновения, нет больше ничего, для чего бы одна вещь причиной, а другая ее действием считалась. Если данное утверждение принять за истинное, тогда вся сила разума и философии, исследовательницы причин, должна была бы уничтожиться. *Юм* вызвал негодование всех философов, особенно англичан, своих соотечественников, которые остро ему возражали, но не опровергали его, так как его мыслей в полной мере не понимали.

§45.

¹ К этим теоретическим философам можно причислить: 1) *Николая Мальбранша*, утверждавшего, что истинного познания в одном Боге искать можно, а конечное из бесконечного должно познаваться; 2) *Георгия Беркеля*, ирландца, который известен по защищаемому им догматическому идеализму; 3) *Бенедикта Спинозу*, система которого называется спинозизмом.

Усилия, учиненные для преобразования философии в конце XVIII столетия

Кант первым понял, что допущением юмовского утверждения уничтожается все могущество и теоретического разума, и возможность теоретической философии. Он усматривал так же, как и новый коперник в философии, что этой погрешности, посредством догматической философии, которая в то время была в обыкновении, нельзя опровергнуть. Причиной этого он полагает то, что ни Юму, ни догматикам не было известно могущество и сила человеческого разума, и потому они ложно думали, что познавательная способность должна соотноситься с предметами, как, напротив того, предметы должны соотноситься со свойством и законами познавательной способности или с ее врожденными формами.

§46.

Поэтому Кант для сооружения совсем новой системы философии, во-первых, подвергает испытанию и будто бы размерению могущество познавательной способности — источника и творца всей философии, чтобы можно было человеческому разуму предвидеть, что можно и чего нельзя предпринимать. Это его сочинение на самом деле достойно уважения. О нем он дал некоторое понятие уже в 1770 году, а совершенное его окончание в 1781 году сообщил ученому свету, назвав «*Критикой чистого разума*». Философию, критика разума которой является органом (орудием), назвал *критической*, а ей противоположную, в поругание, — *догматической*.

§47.

Кант из «Критики чистого разума» усматривает и утверждает то последствие, что теоретический разум и философия природы противоположены свободе и нравственности воли, что есть наблюдатель, исследователь и толкователь только тех вещей, которые подлежат чувствам, следовательно, ограничивается пределами опытности; практический же разум, и практическая или нравоучительная философия, как законодатель и управитель человеческой воли, не только показывает и защищает свободу, но и является источником всей истинной религии.

Опыты в исправлении практической философии

§48.

В XIV столетии древнее римское право уважалось по всей Европе, с того времени его преподавание было введено в университеты. Хотя вначале только положительная и историческая части этого права исследовались с большим старанием, но при всем том римское право, а также каноническое и феология, составляли почти всю ученость того времени, и *Париж* был главной столицей феологических, а *Болония* — юридических наук. Немного позже некоторые мало-помалу стали вникать в дух законов¹ и, соображаясь с качеством гражданских дел и свойством права, начали исследовать причины решений, которые следовало чинить по пандектам и институтам касательно этих самых дел. Так дали ростки первые семена естественного права, а с ним и наука нового систематического правоучения. С того времени практические философы начали трудиться в исправлении правоучительных наук. Добродетель всегда одобрялась, а порок — осуждался. Одни деяния усматривались добрыми, а другие — худыми. Людей всегда надо было наставлять в нравственности и правоте, в должностях и обязанностях, но всему этому разные начала или основания назначались. Я вкратце представлю имена главнейших моралистов и их основания всей нравственности.

§49.

Монтан (Montaigne), пространным чтением древних сочинений и новейших описаний разных путешествий, был доведен до того мнения, будто бы добродетель и порок происходят только от *воспитания* и *обыкновения*, следовательно, нет ничего самого по себе ни доброго, ни худого, а только одни способы деяния, принятые от воспитания и обыкновения: добрые или худые.

§50.

Мандевиль, наблюдая, что в сцеплении человеческих приключений добродетели и пороки подобным образом сцеплены,

¹ Дух законов (spiritus Legum Geist der Gesetzen) вообще состоит в тех началах или истинах, которые при составлении законов и определении по ним законных следствий, полагаются за основание.

приписал всю нравственность *разному образу правления*, утверждая, что гражданские законы делают наши деяния или нравственно-добрыми, или худыми. Следовательно, они не имеют ни внутренней нравственности, ни внутренней безнравственности: ни честности, ни бесчестности.

§51.

Философы-богословы не согласны были в основании нравственности. Одни утверждали, что довольная причина доброты или худобы наших свободных деяний содержится в самом *внутреннем качестве*, потому Бог первые разрешает, а вторые — запрещает. Другие, напротив, утверждали, что свободные деяния потому добрые или худые, что Бог повелевает или запрещает их, следовательно, полагают довольную причину нравственности деяний *в воле Божией*, а не во внутреннем их качестве. К первым принадлежали схоластики, а с ними *Гроций, Велфемий, Гегер, Гохстетер, Лейбниц, Вольф, Келеро* и прочие. А ко вторым — *Пуфендорф, Буддей, Ланг, Вольф* и *Циммерманн*.

§52.

Хотя *Гроций*, прославившийся своим сочинением о праве войны и мира, не был основателем новой нравственной системы, однако при всем том это его сочинение не только было поводом к соединению философии с наукой о праве и историей государств, но также имело большое влияние на мнение государственных чиновников и правление.

Пуфендорф, великий любитель Гроция, первым представил начало всей нравственности в новом виде: *«Ищи обществолубия»* (studeas socialitati). Из этого начала производил он все права человека, все должности, относящиеся к Богу, самому себе и другим.

§53.

Английские нравоучители-философы производят все нравоучение из двоякого источника: иные полагают тому основанием только чувствование и способность чувствования, а другие (и с ними многие германские философы) познавательную способность и способность умозаключения. Лейбниц-Вольфовская система стремилась к соединению этих обеих систем, полагая совершенство последней целью человека, а началом нравоучения — данное предложение:

старайся усовершенствовать самого себя. Поэтому английских правоучителей можно разделить на два класса.

КЛАСС ПЕРВЫЙ

Начала нравственности, производимые из чувствований и способности чувствования

§54.

К первому классу принадлежит граф *Шефтесбери* (род. в 1621 году, умер в 1683-м), который первым представил начало *благоволения*. «Человек, — говорит он, — не только любит самого себя, но также чувствует в себе обществулюбивые и сострадательные наклонности к другим. Один человек не может составить совершенного целого, ведь он только часть большого целого, т. е. человеческого общества. Поэтому каждый человек должен иметь благоволение к другим, чтобы равномерно и к самому себе благоволил, в чем и состоит вся нравственность». Начало благоволения защищал также и Кумберланд против Гоббеса (in *Disquisit philosoph. de Leg. nat. Lond. 1672*).

§55.

Противоположным образом рассуждал французский моралист герцог *Рошефуко*, основываясь на опытности, которую доставляло ему правление Мазарина и его обращение в большом свете; он полагал началом нравственности *самолюбие* (*Philautiam*), то есть предложение *люби самого себя*.

§56.

Шотландец *Гучесон*, профессор нравственной философии в Глазгове, весьма далеко зашел в системе чувствования, допуская собственное нравственное чувство как способность, посредством которой чувствуем правое и неправое, нравственно доброе и худое: от первого происходит в нас удовольствие, от второго — досада.

§57.

Фергюсон, также шотландец, продолжал систему благоволения, как главную составную часть человеческого предопределения и благополучия, но с некоторыми добавлениями. Он утверждал, что

человек, как и все живущие твари, существо всегда успевающее, но никогда не оканчивающееся: его верховная цель — постоянная деятельность и стремление к высшим целям. Его добродетель и благополучие не состоит только в наслаждении, а в оказании себя деятельным при раскрывании своего естества, способом всегда справедливым, благоразумным, умеренным и мужественным.

§58.

Адам Смит (в своем сочинении о нравственных чувствованиях) хотел непосредственно представить нравоучение, а главным его началом — *сострадание (симпатию)*. «Человек, — говорит Смит, — имеет естественную склонность к принятию участия во всем, что делают другие, за что они болеют. По силе этой природной склонности он ставит себя на место других, представляя их состояние себе как свое собственное. Если он, уже будучи в этом состоянии, одобряет поведение других, признавая его основательным и приличным, то это поведение нравственно доброе. Если же он не может поставить себя на место другого в чувствовании и признать его побудительные причины, поскольку находит это чувствование излишним или слабым, а побуждения — противными цели или устремленными к неправому намерению, то может поведение другого признать нравственно погрешительным. Поэтому его начало нравственности и должностей следующее: поступай таким образом, чтобы другие люди могли иметь равные с тобою чувствования, чтобы даже отдаленные и беспристрастные зрители могли признать твой поступок правым». С этим началом весьма сходно основание нравственности Канта.

КЛАСС ВТОРОЙ

Начала нравственности, производимые из познавательной способности и умозаключений

§59.

Во втором классе достойны помещения только те мужи, которые отличились изобретением новых начал нравственности: из англичан доктор Кларке и Волластон, а из германцев — Кант.

Доктор *Кларке* полагает основанием всей нравственности благоприличие (*Schicklichkeit, aptitudo rerum*). Он говорит, что всякое существо, находящееся в природе, имеет свои собственные

отношения, силы и законы в действовании, но только человек посредством разума познает эти отношения, силы и законы. Следовательно, должно существовать изречение здравого разума, по которому человек обязан прилично встречать все окружающие его существа, чтобы не нарушить данных отношений, сил и законов. Поэтому он поступит с деревом, как с растительным существом, с животным — как с чувствительным существом, а с человеком — как чувственно-разумным существом.

§60.

Волластон производит начало всей нравственности из познания и познавательной способности. Он предписывает, чтобы каждый человек искал истины; истина есть нечто самое верховное в человеке. Познание истины, ее живое и деятельное выражение на словах и в поступках, — последняя цель человека. Способность познавать истину делает человека разумным, а выражение ее в поступках — нравственным существом. Поэтому каждое свободное деяние есть доброе, которым выражается истинное предложение, и каждое свободное деяние есть худое, которым выражается ложное предложение. Следовательно, от истины или ложности данного предложения, выраженного нашими деяниями, зависит или нравственность, или безнравственность наших деяний.

§61.

К этому классу моралистов причисляю я также и кенигсбергского профессора Канта, поскольку его нравоучение, основанное на одном разуме, происходит также от познавательной способности, по крайней мере, по понятию, какое все прежние философы изображали себе о разуме.

Этот философ называет начала или основания всей нравственности *категорическими императивами* (Kategoritche Imperative) — странное и, кажется, ненужное техническое слово, ведь оно значит ни что иное, как безусловную или совершенную заповедь. Первая из этих заповедей разума следующая: *поступай таким образом, чтобы правило их деяний могло быть всеобщим законом для всех разумных существ, находящихся в подобном случае*. Вторая: *поступай со всеми людьми как с существами, имеющими последнюю цель своего естества и своего создателя в себе самих, не позволяй себе употреблять какое-либо из них одним только средством к достижению твоих намерений*. А третью безусловную

заповедь, отвлекая от всякого интереса, представляет в следующей формуле: *воля каждого разумного существа должна почитаться как всеобщий закон*. Но это последнее предложение содержится уже в первой заповеди, и только другим образом выражает ее, ведь если разумные существа следуют только такому правилу в своих деяниях, которое всегда и для всех разумных существ может быть законом, то правило, приемлемое частными существами в особых обстоятельствах, всегда бывает всеобщим законом. А поскольку оно склоняет волю разумного существа, то из этого следует, что эту частную волю в особом случае следует признавать законодательной волей для всех случаев.

§62.

Лейбниц-Вольфовская система, как сказано в § 53, стремится к соединению этих обоих классов. По этой системе ищут основания всей нравственности в познании и чувствовании вместе и усматривают источник добродетелей в разуме и способности желания. Поскольку в данной системе совершенство полагается верховной целью человека, а совершенство относится к целому человеку, то есть к обеим главным душевным его силам, поэтому началом всех должностей и обязанностей полагают данное предложение: *усовершенствуй самого себя* (*perfice te ipsum*). Вольф в своей латинской онтологии (§503) говорит: «Поскольку человеческая жизнь значит совокупность свободных действий, она называется совершенной, если каждое из них направляется к некоторой общей цели, к которой устремлены единственные действия. Именно оттуда происходит сходство свободных действий как между собою, так и с естественными. И в этом-то и состоит совершенство человеческой жизни». Поскольку все то, что делает нас и наше состояние более совершенным, называется *добром*, а все то, что делает нас и наше состояние несовершенным — *злом*, то поэтому некоторые вышесказанное начало Вольфа выражают следующим образом: *делай добро и уклоняйся от зла* (*fac bonum, vitā malum*).

§63.

В конце XVIII столетия два ученых мужа, Платнер и Гарве, представили систему усовершенствования в гораздо лучшем виде, неотступно имея целью систему благополучия. Систему как первого, так и второго, представляю устному объяснению.

ЛОГИКА, или умословие

ОТДЕЛЕНИЕ I.

О понятии, разделении и пользе логики

§64.

В природе как неодушевленного, так и одушевленного мира все происходит и делается по правилам или законам, хотя мы не всегда познаем эти правила. Вода течет по наклонной плоскости, следуя правилам тяжести, животные производят движение тела также по правилам: рыба — в воде, птица — на воздухе двигаются по правилам. Вся природа вообще есть не что иное, как совокупность правил, по которым происходят ее явления. Нигде нет неправильности, как говорит *Иеше* в своей логике.

§65.

Поэтому и душевные силы используются по правилам, которые мы наблюдаем, хотя сначала и не имеем о них сведения. Мы доходим до их познания мало-помалу долговременным употреблением наших сил, равно как и говорим по грамматическим правилам, хотя и не знаем грамматики. Как все душевные силы вообще, так и в особенности разумение в своих действиях — подлежит правилам. Данные *правила* или *необходимые*, без которых никакое употребление разумения не могло бы быть, или *случайные*, без которых только некоторому употреблению разумения не было бы места. Совокупность таких правил, по которым следует употреблять разумение в размышлении и различении истинного от ложного, называется *логикой* вообще.

§66.

Логика может быть или *природной*, или *приобретенной*. Первая есть естественное расположение к правильному размышлению. Данное расположение столь необходимо для человека, что без него все руководство и наставления в законах, показывающих правильность наших мыслей, стали бы тщетными. Вторая же — это способность правильно размышлять, постепенно возрастающая с соблюдением некоторых правил.

§67.

Приобретенная логика есть или *общая протонародная* (*communis*), или *ученая искусственная* (*docta artificialis*). Первая состоит в способности мыслить без ясного, основательного и систематического познания законов мышления, применение которых необходимо для правильного размышления. *Вторая*, напротив, есть способность, которую употребляем по законам мышления ясно, основательно и в систематической связи с познаваемым.

Человек, снабженный одной общей логикой, отличается от искусственного логика тем, что он не знает ни логических правил, ни причин, почему он таким, а не другим образом мыслит. Он не может дать отчет в своих размышлениях и их порядке, но может ссылаться на одно безмолвное чувство.

§68.

Философы, обрабатывавшие до сих пор логику, были согласны в том, что они рассматривали логику как орган (орудие) всех прочих частей философии и всей учености. И на самом деле, самые знаменитейшие мужи, как Аристотель, Бакон, Веруламий и прочие, им последовавшие, называли логику *органом*. Но в ближайшем ее определении они были не согласны, и в этом несогласии содержалась причина, для которой логические системы были столь различны. Вследствие этого надо различать три класса логиков.

1) Некоторые рассматривали логику, как изобретательное искусство и диететику человеческого разума, и по этому ее понятию и обрабатывали. Они старались показать многообразное различие понятий, рассуждений, пытались утвердить правила умствования, потом из всего произвести различные образцы, посредством которых можно было бы открывать неведомые истины. Таким образом поступали в сочинении логики *Вольф*, *Баумгартен* и *Голлманн*.

2) Другие принимали логику за пафологию человеческого разума и старались открыть качество логики, потом показать источники заблуждений и способы защиты против них полезными правилами, то есть правилами, которые могут предостерегать душу, делая ее внимательной во встречающихся случаях. Истина же сама собою покажется, как только душа освободится от заблуждений. Так поступил *Антоний Генценский*.

3) Третьи рассматривали логику, как естественную историю, анатомию и психологию человеческого разума. Они старались открыть различные познавательные силы человеческого разума, показать способ, которым они обнаруживаются и могут быть помещены в систематической связи, наконец, утвердить правила, служащие для отличия истины от заблуждений. Таким образом поступали *Локк, Рейд и Федер*.

Если все три понятия соединить, то логика была бы наукой о свойстве, образовании и управлении человеческого разума в познании и различении истинного от ложного, по необходимым правилам, почерпнутым из самого свойства разума. Главные части логики: а) свойство человеческого разума, б) свойство истинного.

§69.

Поскольку одно значит выводить всеобщие и необходимые законы мышления из действий человеческого разума и предлагать их в систематической связи, а другое — показывать способ, по которому следует поступать на самом деле, например, при составлении порядочных определений, разделений, предложений, умствований, этим законам во всей точности сообразных. Поэтому логика справедливо разделяется на *теоретическую* и *практическую*.

Первая занимается рассматриванием качества и действий человеческого разума, извлекая из этого необходимые правила и законы мышления вообще. *Вторая* же, после объяснения истинного и ложного, как и разных состояний ума, показывает способ, как нужно пользоваться данными правилами и законами на самом деле.

Кант не принял этого деления логики, поделив вместо этого логику на *чистую* и *прикладную* (*reine und angewandte*). В чистой логике он отвлекает от всех опытных (эмпирических) условий, под которыми человеческое разумение отправляет свои действия. Например, при действиях разума не принимает во внимание ни чувствований, ни

воображения, ни памяти, ни склонностей, а в *прикладной* — представляет эмпирические (т. е. от опытности почерпнутые) правила, которые служат к употреблению разума, встречающихся в предметах без всякого различия. См. его *Kritik der reinen Vernunft* стр. 77 четвертого издания.

Но каким образом действует человеческое разумение, будучи отделено от всех прочих способностей души, о том мы, по науке самого Канта, не можем иметь действительного познания, так как, по его же мнению, такое познание не имеет подлежащее своей действительности, которым во всей опытности не соответствует подлежаще действительный (*objechv reel oder virklich*) предмет, но подлежаще действительности человеческого разума, отвлеченно от всех прочих душевных способностей в этой жизни действующего, Кант не докажет ни по какой опытности, кроме как благодаря своему воображению, по которому можно даже крепости основывать и строить на воздухе. Поэтому разделение логики на чистую и прикладную не может быть действительное, а только воображаемое (*imaginativa*).

«Кроме того Кант учит, что чувственность доставляет нам предметы (материю, см. стр. 32), а разумение думает или мыслит о предметах чувственного воззрения (см. стр. 35). Следовательно, без чувственности мы не имели бы никакого предмета, а без разума о нем нельзя было бы думать или мыслить. Мысли без содержания (предметов) пусты, а воззрения без понятий — слепы». Если же разумение есть способность мыслить о предметах чувственного воззрения, то о чем будет разумение мыслить, когда отделим его от чувственности и прочих способностей? Если же мысли без содержания пусты, то какова должна быть чистая логика, которая, отвлеченно от содержания мыслей, занимается только их формой?

§70.

Достоинство и польза логики, равно как и других наук вообще, одними очень много возвышается, а другими унижается. Последнему очень подвержена была логика. Мы представим причины и основания как тех, которые уверены в достоинстве и пользе логики, так и тех, которые презирают ее или, по крайней мере, приписывают ей небольшую цену. Признающие достоинство и пользу логики утверждают, что она делает человека способным к основательному и систематическому упражнению в философских и всех вышних науках. Во-вторых, потому что она, исследуя свойство человеческого разума, почитаемого творцом всех наук, углубляется в рассмотрение свойства размышления, т. е. способности и действий

разумения, и, наконец, в рассматривание законов, по которым отличается истинное от ложного. Во-вторых, логика предлагает начала и правила, по которым нужно употреблять разумение приличным образом, чтобы можно было отличать истину от заблуждения. Поэтому логика приносит огромную пользу: а) она определяет всеобщие признаки истины и верховные начала подлинности; б) ищет особых причин и признаков истины в чувствовании, мышлении и в том, чему можно верить или не верить; в) исследует свойство и источники заблуждений, дает средства, которыми мы освобождаемся от заблуждений или, по крайней мере, предостерегаем себя от них. Наконец, г) показывает источники человеческого познания. В-третьих, логика доставляет нам великую пользу в общежитии определением ясного, основательного и удобопонятного отличия истины от заблуждения. Она полезна не только обществулюбивому, но и уединенному человеку, потому что он, посредством логики, определяет выбор и способ вести себя добропорядочно. Единое заблуждение, сделанное в жизни, часто бывает источником всех несчастных приключений. Истина и благополучие человека состоят в столь тесной связи, что многие из смертных, не ведая пути истины, не ведают также и того, чему постоянно следовать должны и лишаются благополучия, которое искали плохо.

§71.

Оспаривающие же достоинство и пользу логики говорят: 1) способность мыслить не требует никакого наставления. Природа — самая лучшая наставница в способе мыслить. Познавательные способности суть дарования природы, которые обнаруживаются без всякого ученого наставления.

Ответ. Первое предложение совсем несправедливо, оно отнимает цену и пользу всех наук, изобретенных для наставления человека. Хотя познавательные способности — это дарования природы, но главные начала, по которым мы должны употреблять наши познавательные способности в различении истины от заблуждений, нельзя считать дарованиями, мы должны приобретать их посредством наставления. Хотя в кругу общежития можно иногда, без искусственного руководства, отличить истинное от ложного, правое — от неправого, однако встречается много случаев, в которых всеобщие признаки истинного и ложного, и законы, ясно определяющие и показывающие, что справедливо, а что — нет, необходимы.

2) Мы должны естественно, а не искусственно мыслить, поскольку искусственная логика ослепляет здравый рассудок и нередко наводит мрак, вредный истине.

Ответ. Правда, что умствовать следует естественным образом, то есть по правилам, почерпнутым из свойства и действий человеческого разума, но логика — это та самая наука, которая определяет правила и предлагает их в связи. Хотя при умствовании надо преимущественно иметь в виду способности и первое направление молодых людей и их умов, однако способность умствования, оставленная без управления, не показала до сих пор никакого совершенного произведения. Сверх того, естественные способности могут быть доведены до высшего степени умствования искусственным наставлением и упражнением. Чувство не возникает благодаря искусственной логике, оно просто направляется и изоцряется, поскольку логические правила не затмевают истинного гения или природных дарований, а чаще всего предостерегают его от недоумений и приводят в пределы деятельности, если он их переступил. Наконец, нет ничего способнее логики к воздержанию человека от лишнего догматизма. Причем же логика, среди прочих основательных начал, представляет также следующее: ничего не следует решать без важных причин или против них. Решение не должно превосходить содержания настоящих оснований.

3) Те, которые поседели, непрестанно занимаясь логикой, не столь много показали здравого способа мышления и зрелого ума, сколько менее уважавшие или даже пренебрегавшие ею, так как эти последние гораздо правильнее умствовали о вещах.

Ответ. *Первое* касается тех логиков, которые слишком упражнялись в схоластической логике и диалектике, поскольку они по большей части занимались одним пустословием и силлогистикой, которая больше способствовала составлению хитрословий (софизмов), чем основательным умозаключениям. В наши времена логика приняла совсем другой вид. *Второе* следует относить к тем, которые не обучались никакой логике, преподаваемой в училищах, так как они сами могли приметить правила умствования и, посредством размышления и опытности, сделать их обыкновенными логическими законами. Сочинители, которые не старались иметь очищенной логики, часто делают погрешности, чего никогда бы не было, если бы они в хорошей логике были наставлены. Они в своих предложениях неправильны, в рассуждениях — неопределительны, в течении их понятий не приметна связь, не видно порядочного

расположения между предложениями, остановки на предметах. Человек, снабженный правилами очищенной логики, все это примечает у тех, которые пренебрегают ею.

ОТДЕЛЕНИЕ II.

Об истории логики и ее сочинителях

§72.

История логики делится на три периода, *первый* из которых начинается от самого происхождения искусственной ученой логики и продолжается до начала падения наук. *Второй* — от падения наук до начала их возобновления. *Третий* — от начала этого возобновления и до наших времен.

§73.

Состояние логики от ее происхождения и до начала падения наук

Когда уже среди греков процветали физические, ифические и математические науки, в то время, по причине противоборствия, встречавшегося между системами разных мнений, произошло понятие о такой науке, которая была бы судьей того, что должно быть истинным и что ложным. Данная наука получила развитие в лицее и Стое. У греков были две формы логики — перипатетическая и стоическая, которые произошли от разных обстоятельств к составлению и употреблению логики. Первое, но несовершенное понятие об особой философской части, которая бы управляла способностью мыслить и познавать вещи, по одному чувству истинного и ложного, было вызвано в элеатической школе. Сначала занимались логикой, как искусством учебной речи или искусством разговаривать, поэтому некоторые называли ее диалектикой, а Цицерон — сокращенным красноречием.

Само свойство логики сделало то, что она вскоре превратилась в хитрословное (софистическое) искусство, которому противился Сократ, самый сильный противоборец софистов (хитрословов). Хотя Сократ в совершенстве знал и понимал качество логики, которая должна была быть исследовательницей истинного и победительницей ложного, так как нет ни одного порока, в котором бы он не обличал софистов (ниже можно усмотреть такое искусство мыслить, которым он бы не пользовался в их опровержении), но при всем том он не привел ее в вид науки, сделав навыком познавать истинное и ложное.

Первыми греческими философами, которые привели в порядок законы правильного мышления, были Платон, Эпикур и Аристотель. Логика первого состояла в некотором искусственном способе разговаривать, логика второго называлась каноникой и диететикой ума. Логика третьего, всех превзошедшего, составляла органон всего ученого познания. Если «Органон» Аристотеля состоит в том, что мы теперь называем чистой логикой, то он состоял из некоторой анатомии и физиологической способности мыслить. Первая занималась категориями, как верховным и обыкновеннейшим веществом для способности мыслить, последняя же исследовала действия способности мыслить и их законы. Логика, при всех переменах, которые претерпела при Платоне, Эпикуре и Аристотеле, все еще удерживала качество искусства разговаривать. Стоиками же, по причине высокомерной софистики и эристики, т. е. хитрословной и вздорной логики или искусства, логика была представлена в виде науки и критики ума, посредством которой предпринималось все необходимое, чтобы показать возможность избежать ложного и познать истинное, чтобы тем самым любитель мудрости был огражден от погрешностей и научился понимать истинное. Стоическая логика у древних философов была в столь великом почтении, что сами академики обучались ей, хотя, впрочем, были величайшими их противниками. Цицерон, правда, большую часть стоических догматов не принимал, однако в логике пользовался стоическим учителем, следовательно, у греков и римлян стоическая, а не перипатетическая логика имела преимущество.

§74.

Состояние логики от падения наук до их возобновления

Стоическая диалектика царствовала до III столетия после Рождества Христова. Но что касается прочих частей философии, одни придерживались Платона, а другие — Аристотеля. Например, Алциной, Апулей, Плотин, Фаворин были платониками, а Александр Афродисейский, Аммоний, Фемистий, Порфирий были аристотеликами. Порфирий написал самое лучшее толкование «Органона» Аристотеля. После введения эклектической философии, многие старались согласовать платоновскую и аристотелевскую науку, тем самым впали в зловреднейший синкретизм. В то самое время диалектика Аристотеля, в которой упражнялись ученые мужи, начала процветать. Находились люди, одаренные превосходным умом и

сведущие в науках, которые ее преподавали. Среди них, как было выше сказано, славнейшими были Александр Афродисейский, Порфирий, Фемистий, Аммоний и Симплиций. После уничтожения цветущего состояния словесных наук, начало господствовать варварство, однако и после нашествия готов, чрезмерно свирепствовавших не только против людей, строений и городов, но и древних памятников наук, диалектика Аристотеля не переставала господствовать, ведь арапы и схоластические доктора (учителя) признавали себя толкователями Аристотеля. Однако поскольку они имели сведение об Аристотеле только по плохим переводам, то при своих ложных толкованиях, введении грубых выражений и темных хитрословий, еще больше его испортили. Сверх этого Аристотель в своем «Органоне» производил множество особых правил из всеобщих и самых простейших начал. Схоластики же, пренебрегая этими началами, привязались только к этим особым правилам, и, толкуя превратно, еще больше распространили их. Отсюда произошло то, что схоластическая диалектика на первый взгляд представляла одни грубые слова, а на самом деле — запутанность и сбивчивость. Философов-схоластиков описывает Бруккер в своей «Критической истории о философии».

§75.

При этом состоянии философии и логики, сильными диалектиками среди арапов были Авиценна и Аверрой, среди схоластиков — Ломбард, Ланфранк, Ансельм, Фон Кантербурги и Фома Аквинат, который, по мнению Эразма Роттердамского и Христиана Вольфа, больше столетия господствовал в ученом свете. Среди схоластиков известны две главнейшие секты: *номиналистов* и *реалистов*. Первые утверждали, что повсемственные вещи вне нашего ума не существуют, только посредством отвлечения из единственных вещей изображаются и обозначаются именами. Вторые же утверждают, что повсемственные вещи действительно (*realiter*) существуют вне нашего ума. Среди номиналистов главнейшими считаются Росцелин, Роберт Парижский и Арнульф Лугдунский, а среди реалистов — Фома Аквинат Дунсскот, Гуилиельм Оккам и прочие.

§76.

Состояние логики от возобновления наук и до наших времен

В четвертом и пятом до десятого столетии начали возрождаться науки, люди рачительно трудились в изучении греческого и латинского языков, черпали науки из первых источников, поэтому был возобновлен хороший вкус.

§77.

Первые в исправлении логики опыты в XV и XVI столетиях

Когда обильные источники греческой и римской мудрости стали открываться, стал развиваться хороший вкус, тогда возникло также желание и намерение исправить плачевное состояние логики. Первым приступил к этому делу *Реймунд Луллий*, написав книгу под названием «Великое искусство» (*ars magna*). Данный труд, хотя и способствовал предпринятому намерению, но привел к тому, что схоластическая логика все более опорочивалась. Настоящими и первыми исправителями логики были: *Лаврентий Валла*, *Рудольф Агрикола*, *Эразм Роттердамский*, *Иаков Фабер*, *Марий Низолий*, *Филипп Меланхтон* и *Лудвик Вивес*. Всех их превзошел *Петр Рам*, неприятель не истинному, но арапскому и схоластическому Аристотелю, который старался освободить диалектику от схоластической грубости и мрачности, сделать ее общенародной, вернув ей древнее изящество.

§78.

Удачные попытки исправить логику (XVII, XVIII и XIX столетия)

I.

Все те, труды которых в исправлении логики были успешнее в это время, отчасти — англичане и французы, отчасти — итальянцы и германцы.

В XVII столетии англичанин *Бакон Веруламский* написал логику под заглавием *Novum Organon* («Новый органон»). Цель его логики — вызвать наблюдательный дух и руководить им, следовательно, она не была совершенной логикой. Славный публицист *Гоббес* написал

логику под названием *Computationes*, а Иван Локк — книгу о человеческом разумении, которую Кант называет физиологией человеческой познавательной способности.

Француз Петр Гассенди написал «Наставления логики» (*Institutiones Logicas*), а Картезий — *Principia Philosophiae pars prima* и *Dissertatio de Methodo recte regendae rationis, et veritatis in scientiis investigandae*. У Картезия были последователи, известнейшие среди которых: Николай Мальбранш (в *Recherche de la verité* 1673), Антоний ле Гранд, Иоанн Глауберг и сочинитель *de l'art de penser*, наконец, Дюгамель. Среди немцев в этом столетии достойна чтения *Medicina mentis* (1694) Чирнгаузена и опыт Лейбница о человеческом разумении — критика логики Локка. Впрочем, Эргард Вейгель и Томазий также написали «Логику».

II.

В начале XVIII столетия в Англии издано сокращенное сочинение Локка, т. е. руководство разумения логики в употреблении *Ваттса* и *Дунканса*, которые уже неоднократно печатались. Превосходнейшие логики, сочиненные итальянцами, одна Иакова Факгиолати, по латыни, а другая Алберта де Сория по-итальянски, потом «Логика» Антония Генценского и Франциска Соаве по-итальянски, а также Капокасале.

Славнейшие французские логики в этом столетии полагаются:

Buffier principes du raisonnement.

Crousaz la logique Amsterd. 1725.

La Clef des sciences et de beaux arts, ou la logique p. *Cochet* Paris 1730.

Lecons de la logique p. M. *Felice*, deux parlies à Yverdon 1770.

La logique, ou les premiers développemens de l'art de penser p. M. l'Abbé de *Condillac* à Paris 1780.

Нет ни одной нации, которая бы могла похвастаться столь многими и превосходными логиками, сколько доставила Германия. Для лучшего их обозрения сочинителей нужно привести в классы.

I.

Последователи Лейбница

Немецкая и латинская логика Вольфа. Александра Готл. Баумгартена *Acroasis Logica*, на которую Майер написал немецкие толкования, а Телнер на латинском языке привел ее в систему.

«Новый органон» Ламберта изоощряет разумение, но не делает

его плодоносным *Reuschii systema Logicum* и другие.

II.

Антилейбницианцы-электики

Rüdiger de sensu veri et falsi.

Dariesii ars inveniendi et via ad veritatem.

Hollmanni Philosophia rationalis.

Crusius weg zur Gewissheit.

Raimarus Vernunft lehre.

Baumeister, Scherffer, Dalham, Basedow, Makó, Storchenau, Stattler, Feder Ulrich, Schütz Roesser, Platner, Steinbart etcaet.

III.

Критические философы

Kant, Iakob, Kiese Wetter, Buhle, Schmit, Reüss, Beck, Fiefirunk, Metz, Reinhold Heidenkeich.

Их соперники

Feder, Weishaupt, Tiedemann, Platner, Garve, Iakobi, Schulze, Brastberger, Stattler, Zallinger и Horvath.

Логика, сочиненные и напечатанные на русском языке:

— умословие или умственная философия, написанная Иваном Рижским, Санкт-Петербург, 1790.

— Начертание логики, преподавалось в армейской семинарии прежним ректором и учителем философии Александром Лубкиным, Санкт-Петербург, 1807.

Логика, переведенные с латинского языка на русский

— Логика Христиана Баумейстера, переведенная лейб-гвардии Измайловского полка сержантом Александром Павловым с латинского на русский язык, Москва, 1700. Новый, исправленный перевод издан в 1807 году.

— Основания умственной и нравоучительной философии, сочиненные Иваном Готтлобом Гейнекцием. Переведены на русский язык, Москва, 1765. Логика, содержащая логические начала в пользу российского юношества, сочиненная Иаковом Факниолатом. Москва, 1794.

С немецкого языка

— Практическая логика или деятельное умословие Вилиома, легчайшим способом ведет к познанию истины и здравому суждению о разных предметах. Перевод с немецкого языка, Санкт-Петербург, 1802.

— Умственная наука или прямое употребление разума в исследовании истины со многими правилами английского доктора Ватса, Санкт-Петербург, 1807.

— Начертание всеобщей логики для гимназии Российской Империи, сочиненное Д. Лудвиком Генрихом Якобом, Санкт-Петербург, 1811.

— Логика или умословие (краткая), служащая на пользу российского юношества. Перевод господина Андреановского, Москва, 1788.

С французского языка

— Логика или умственная наука, ведущая к достижению истины. Сочинение Аббата Кондильяка, Москва, 1805.

ГЛАВА **Предисловие логики**

ОТДЕЛЕНИЕ I.

О способностях и действиях человеческого ума

§1.

Среди всех животных, находящихся на земном шаре, нет ни одного столь изящного и столькими дарованиями природы украшенного, как человек. Он снабжен органическим телом и разумной душой. Его тело украшено разными членами, а душа — различными способностями. Эти два существа сопряжены между собою теснейшим союзом, от которого в человеке происходит удивительная удобность к произведению многообразных действий. Одни из таких действий — внешние, понимаемые внешними чувствами, а другие, внутренние, не подлежат внешней чувственности. Первые совершаются движением чувственных органов, а последние — одной душевной силой.

§2.

Человек схож со всеми телами природы по качествам, свойственным каждому телу, — как одушевленному, так и неодушевленному. Но, смотря на разумную душу, совсем от них отличается. Поэтому человек справедливо называется *разумным животным*, или, как говорят новейшие философы, *чувственно-разумным существом*. Это самое и составляет сущность человека (*Essentiam hominis*). Естество же или природа человека — это собрание всех способностей и сил, которые проистекают из животности и разумности (*animalitas* и *rationalitas*).

§3.

Сущность животности состоит в органическом теле и чувствующей душе. *Органическим телом* называется такое тело, которое по силе своего как внутреннего, так и внешнего устройства принимает питательность, превращая ее в свою сущность, и этим превращением возрастает, производя, наконец, однородные плоды или сообразные своему роду неделимые существа (*individua*).

Человеческое тело, как и тело животных, снабжено чувственными органами (орудиями), которые заслуживают особого внимания. Первый из них — *орган зрения*, который представляют два глаза, устроенные самым искусственным образом. Второй — *орган слуха*, состоящий из двух ушей, третий — *орган вкуса*, который некоторые полагают в сосцах языка, другие — в фибрах (волокнах) неба, а третьи — в обоих родах фибр, в которых оканчиваются нервы, служащие произведению вкуса. Четвертый — *орган обоняния*, который составляют внутренние фибры ноздрей вместе с нервами, состоящими в них. Пятый — *орган осязания*, находящийся на поверхности всего тела, им оканчиваются все нервы, происходящие из мозга.

Тело животного называется *здоровым*, когда все его члены и части, как жидкие, так и твердые, способны к произведению своих природных действий. В противном случае тело бывает *нездоровым*.

§4.

Вторая часть, составляющая животность сущего, — *душа*, то есть, такое существо, которое представляет себе многообразные вещи, чувствует удовольствие и неудовольствие, одни вещи желает, а от

других отвергается. Как говорит Вольф, душа есть сущее, сведущее о себе самом и вещах, находящихся вне него. Поскольку мы о себе самих и вещах, вне нас находящихся, знаем, то мы мыслим, поэтому душу также можно назвать существом.

§5.

Человеческая душа снабжена различными способностями, одни из которых называются *вышшими*, свойственными только человеку, а другие — *низшими*, которые являются общими с животными. Способность обоих родов составляют: 1) *познавательная* способность (*facultas cognoscendi*), посредством которой бывает представление вещей как присутствующих, так и отсутствующих, 2) *способность желания и отвращения* (*facultas appetendi aversandique*), посредством которой душа получает приятные понятия о вещах и удаляется от неприятных. К низшим способностям познания относится способность чувствования, воображения, вымышления и чувственная память.

§6.

Способность чувствования (*facultas sentiendi*) — это такая сила нашего ума, с помощью которой мы понимаем произведенные в нашем теле движения, и при случае оных — вещи, вне нас находящиеся и нам присутствующие. Например, когда стреляют из пушки или звонят в колокол, то звук, посредством воздуха, доходит до ушей и производит в них движение, которое я, вместе с колоколом и пушкой, как вещи присутствующие понимаю, следовательно, чувствую. Все действие этой способности иногда называется ощущением (*sensio vel sensus*), иногда же — чувствованием (*sensatio*).

Ощущением называется такое действие, посредством которого душа, при случае вызванного движения в каком-нибудь члене тела, понимает боль или удовольствие, как и само движение. А *чувствование* — такое действие, с помощью которого душа понимает вещи, находящиеся в себе, и их качества.

Вещами, присутствующими нашему телу, называются те, которые производят какую-нибудь перемену в чувственных органах. Например, огонь тогда называется нам присутствующим, когда нас жжет, производя своим жжением в нас боль.

Чувственные органы — это те части нашего тела, в которых производятся некоторые перемены и зависящие от них чувствования. Например, глаз есть чувственный орган, от которого зависит

чувствование, называемое зрением. Подробное исследование этой способности, как и прочих, будет в психологии.

§7.

Человеческий ум не только понимает вещи, присутствующие посредством ощущений, но и одарен такой силой, с помощью которой представляет себе понятия об отсутствующих вещах, хотя, впрочем, не всегда с одинаковой силой стремится к каждому роду пониманий, которые нередко бывают сопряжены с большим чувством удовольствия или досады, происходящих иногда по нашему произволу, иногда же — по неволе. Данная сила называется способностью воображения (*facultas imaginandi*). Поэтому *способность воображения* есть такая сила души, посредством которой отсутствующие вещи, некогда понятые чувствами, как бы присутствующими себе, представляем в телесном виде и возобновляем прежние о них понятия. Например, когда я представляю себе образ отсутствующего отца или матери, они передо мной как будто бы действительно находятся или присутствуют.

Вещи, вновь представленные с помощью воображения, сделанными как бы присутствующими, называются *мечтой Phantasma*. Лицо моего отца, посредством воображения представленное, есть мечта.

§8.

Способность воображения или называется способностью воображения в тесном смысле, или способностью вымышления (*facultas fingendi*). Первая — это способность возобновлять себе в мыслях целые вещи так, как они прежде понимались чувствами. Вторая же есть способность раздельно понятые вещи представлять совокупно, а совокупно понятые — раздельно. Из этого опять происходит в первом случае способность *совокупления* (*facultas componendi*), а во втором — способность *отвлечения* (*facultas abstrahendi*). Например, когда представляю себе летящего человека, которого, впрочем, никогда не видел таким, или, представляя себе в мыслях золотую гору, — я пользуюсь способностью вымышления.

Данные способности более всего служат тому, что мы, посредством совокупления из всеобщих понятий, изображаем единственные, а посредством отвлечения из единственных понятий — делаем всеобщие.

§9.

Различие между воображением и чувствованием состоит в том, что, во-первых, движение, произведенное в мозге во время чувствования, происходит от того впечатления, которое сделано чувственной вещью во внешнем **чувствилище**. Напротив того, во время воображения происходит движение в самом мозге, хотя внешние чувственные вещи нимало не действуют на чувственные органы. Во-вторых, предмет чувствования есть вещь настоящая или присутствующая, а предмет воображения — вещь отсутствующая.

§10.

Человеческая душа не только понимает виды присутствующих и отсутствующих вещей, но и изображает себе всеобщие понятия о вещах, которые чувствами постичь невозможно. Посредством таких понятий она многие вещи точнее усматривает и производит заключения как в сличении их между собою, так и в приноравливании к вещам, подлежащим чувственности. Поэтому новые, отличные от предыдущих, способности находятся в душе. Они называются *разумением*, *рассуждением* и *разумом*.

§11.

Разумение (Intellectus) — это способность человеческого ума изображать себе подробные, всеобщие и от чувств отвлеченные понятия о вещах. Это значение разумения свойственно только чувственно-разумному существу, т. е. человеку, и называется высшей познавательной способностью. Когда же относится к нижней познавательной способности, то под разумением обычно понимается чувствование, воображение и чувственная память.

К этой способности относится внимание (*attentio*), размышление (*reflexio*) и отвлечение (*abstractio*).

Внимание — это действие души, которым она, из вместе понятах многих предметов, один постоянное и точнее рассматривает, чтобы узнать его яснее прочих.

Размышление есть продолжение внимания, остановленного на некотором предмете, рассматриваемого по частям.

Отвлечение есть действие души, через которое мы от вещей, вместе понятах, отделяем одну либо другую, или одно либо другое их

свойство, и рассматриваем порознь, хотя, впрочем, они неразлучны.

§12.

Человек отличается от прочих животных еще тем, что он одарен умом (*Ingenium*), разумом (*Ratio*), рассуждением (*Iudicium*) и умствованием (*Ratiocinium*).

Ум — это способность усматривать подобия вещей надлежащим образом, приравнивать их и совокуплять.

Разум есть способность усматривать связь всеобщих истин, понятий и рассуждений и приводить их к началам и единству.

Рассуждение есть способность души, посредством которой взаимное сходство или несходство двух понятий утверждаем.

Умствование есть действие нашего ума, посредством которого он усматривает взаимное сходство или несходство двух понятий между собою по причине усмотренного их сходства или несходства с третьим некоторым понятием.

§13.

Человеческая душа имеет также способность желания и отвращения (*facultatem appetendi aversandique*). *Желание* вообще это такое действие души, которым она склоняется к усмотренному добру. *Отвращение* же есть такое действие души, которым она отвращается от понимаемого зла. *Воля* — это способность желать доброго и отвращаться от злого, с помощью разумения подробно себе представляемых. Действия воли суть *хотение* и *нехотение*; первое склоняет ее к принятию добра, подробно представленного, второе же побуждает ее к отвращению от зла, также подробно ей представленного. *Душа тоже* имеет свободу, т. е. способность склонять или устремлять (*determinare*) свой произвол посредством разума.

§14.

Опытность доказывает, что наша душа не только может возобновлять в мыслях прежде бывшие понятия, но и возобновленные понятия в обоих родах познания, т. е. высшем и низшем, узнавать их теми самими, какими мы их прежде имели. Данная способность называется памятью (*memoria*). Итак, *память* есть способность души узнавать возобновленные понятия не только о чувственных, но и вещах, не подлежащих чувствам, точно такими,

какими мы их прежде имели.

Память отличается от воображения тем, что воображением только возобновляются понятия, прежде бывшие без всякого их познания. Памятью же не только возобновляются, но и познаются теми же, какими они были прежде.

Если удобность узнавать возобновленные понятия дана человеку природой, то она называется *естественной*, если же приобретена искусством, употреблением и упражнением — то *искусственной*.

§15.

Нередко случается, что посредством воображения возобновленное в уме понятие бывает темно и по долговременности почти из памяти истреблено. Данное понятие мы преобразуем в ясное, иногда же в подробное с помощью некоторых знаков, которые происходят от обстоятельств, времени и места. Когда это бывает, тогда о нас говорится, что мы воспоминаем (*reminiscimur*). Итак, *воспоминание* (*reminiscentia*) есть способность души с помощью некоторых обстоятельств узнавать прежде бывшие понятия, преобразуя темные понятия в ясные.

Забвение (*oblivio*) противопоставляется памяти, которое является ничем иным, как неспособностью души узнавать возобновленное в мысли понятие одним и тем же, каким мы его некогда уже имели.

Забуть вещь и не помнить о ней — не одно и то же. Тот, кто забыл вещь, тот хотя бы знает, что некогда о ней имел понятие, но теперь не может его вспомнить. Тот же, кто не помнит вещи, не распознает ее, хотя она ему на ум и приведена, а думает, что он ее никогда не имел в мыслях.

ОТДЕЛЕНИЕ II.

О различии умов и его причинах

§16.

Хотя все люди получили от природы все эти способности к размышлению и познанию вещей, однако, при рассматривании обнаруживания этих способностей в разных людях усматривается превеликое различие между ними, которое называется различием умов (*diversitas Ingeniorum*). Слово «ум» принимается здесь в столь пространном смысле, что под ним понимаются все те способности и душевные силы, которыми человек одарен для размышления и

познавания вещей.

§17.

Данное различие умов состоит в том, что одни остротой чувств и внимания превосходят других. С ее помощью точно примечают и сопрягают многие различия в происшествиях природы и искусства; вот преимущество, составляющее похвалу наблюдателей! Другие имеют преимущество в живости, изобилии и приятности воображения — дарования, которые составляют отличие приятных и в искусстве изобретения и вымышления знаменитых умов. Наконец, предпочитают те, которых хвалят со стороны легкости пространства и верности памяти, величайшая надобность которой обнаруживается при опытности и всяком изучении языков и истории.

§18.

Некоторые превосходят способностью находить подобия вещей, другие счастливее усматривают и извлекают их различие, поэтому и называются умными и тонкими. Иные остротой разума в точности понимают и открывают свойства вещей и законы происшествий. Другие, посредством рассуждения, своим понятиям и правилам подвергают оные; некоторые сильнее разумом, посредством которого и причины искуснее исследуют, и происшествия остроумнее усматривают.

§19.

Наконец, одни лучше упражняются в познании единственных вещей, другие более успевают в рассматривании, составлении и исследовании отвлеченных и всеобщих истин. Иные в превосходной степени способны к исполнению всех действий ума; некоторые, под руководством других, менее успевают, но собственными трудами новые и примерные умопроизведения питомцам Минервы сообщают. Иные не могут ясно сообщать другим то, о чем сами изрядно рассуждают. Некоторые, напротив того, темные и несовершенные чужие размышления удобно понимают и другим сообщают.

§20.

По этим понятиям ясно, что изящность умов и человеческих способностей зависит: 1) от обширности и истины в наблюдениях, 2) от живости, изобилия и приятности воображения, 3) от

правильности и глубины разума, 4) от тонкости и остроты рассуждения, 5) от крепости и быстроты производящей силы, от важности производимого действия.

§21.

Но поскольку наш со всех сторон ограниченный разум высочайшего совершенства достичь не может во всех вышесказанных потребностях, то поэтому те умы нужно считать превосходными, которые хотя в чем-нибудь одном и ниже других, но в главнейших некоторых частях учености превосходны. От этого и происходят названия философских, пиитических, математических и прочих умов, смотря по предмету, в котором чей-либо ум превосходнее и совершеннее.

§22.

Некоторые искали причин различия умов в различии душ, но несправедливо. Ведь никто еще до сих пор не доказал различия душ, ни различного их вида.

Поскольку употребление всех познавательных способностей зависит от природного сложения и настоящего расположения тела, как некоторого условия причины, поскольку оно есть жилищем и орудием души (кроме того, все душевные силы при надлежащем их упражнении удивительным образом могут быть усовершенствованы), то из этого следует, что полагаются всего два источника различия умов, которые состоят в физических или нравственных причинах. От физических причин зависят различные способности, от нравственных же — навык и легкость или ловкость умов.

§23.

Все физические причины, которые посредством тела, как орудия и душевного вместилища, содержащего в себе систему нервов, образуют роды и способности умов, по большей части зависят: 1) от сложения тела, 2) темперамента, 3) климата и 4) образа пропитания.

§24.

Что касается сложения тела и различных его органов, то оно большое влияние имеет на наши познавательные силы потому, что душа, по различному состоянию, т. е. здоровому или немощному, различным образом обнаруживает в человеке свои познавательные

силы. Так как, если телесные органы находятся в здоровом состоянии и бывают, благодаря упражнению, деятельными, то они удобно принимают движения, вызванные в них чувственными вещами, препровождают их с помощью нервов до общего **чувствилища**, побуждая тем самым душевные способности к действию, чего, однако, никогда не может быть, если телесные силы находятся в расслаблении.

§25.

Темперамент, т. е. состояние как жидких, так и твердых частей, составляющих человеческое тело, большое влияние имеет как на дарования, так и на недостатки умов. Те, которые имеют чистую, горячую, красную и обильную кровь, снабжены живостью в понимании вещей и удобностью в изображении ясных понятий о них, они также сильны умом и памятью. Те же, кровь которых смешана с желтой желчью, бывают остры в размышлении о вещах и точности понятий, поэтому они превосходны в остроумии и рассуждении. А те, кровь которых изобилует черной желчью, способны к наблюдению происшествий и исследованию их причин. Наконец, тех, которые наполнены множеством флегмы, находим тупоумными, в чувствованиях слабыми и при больших трудах нетерпеливыми.

§26.

Качества умов зависят от состояния климата и образа пропитания, что было известно уже в древности и примерами всех народов утверждено. Климат, по различному своему состоянию, способствует образованию твердых и мягких фибр, крепких или слабых мускулов, густых жидкостей или тонких соков, а этим самым действует на телесные органы, как на орудия действующей души. Следовательно, климат, посредством органического тела, смотря по различию более или менее теплой или холодной, сухой или сырой, тонкой или грубой атмосферы, образует ум живым или унылым, крепким или слабым. Поэтому северные народы гораздо меньшей, а южные — гораздо большей живостью одарены. По этой причине, может быть, происходило остроумие афинян и их необыкновенный способ размышления. И потому северные люди имеют тело плотнее и мускулы толще, а южные — сухощавее.

Пища и питье также премного способствуют образованию свойства твердых и нежных частей тела, к расположению крови и самих нерв. Ведь сырая, холодная и влажная пища уменьшает живость и бодрость

в человеке. Напротив того, легкая, нежная и теплая — вызывает живость, что производит в одном человеке медленный, а в другом — живой способ размышления и разность умов, причем разность предметов и разные побуждения к их познанию, как и само место рождения, оставляют в душе неизгладимые черты. Ведь приятное, плодоносное или бесплодное положение и природа провинций служат неоспоримой причиной того, что их жители бывают вынуждены разным образом раскрывать свои способности, изобретать художества и науки, которыми могли бы заменять встречающиеся недостатки в жизни или умножать ее приятности.

§27.

Природные, хотя бы они были и самые изящные способности ума, не могут, однако, стать известными, если не будут употребляться, что подтверждают примеры людей, достигших совершеннолетия вне человеческого общества без всякого наставления. Телесные, а равно и душевные дарования, равномерно достигают зрелости, т. е. употреблением и искусством раскрываются и обнаруживаются. Как одних природных дарований недостаточно для приобретения новых способностей без надлежащего их употребления, так и приобретенные не могут свидетельствовать о природных. Следовательно, к нравственным причинам различия умов относится все то, что способствует или препятствует, или даже совсем прекращает употребление и упражнение душевных способностей. Ко всему тому наиболее принадлежит как приватное, так и публичное воспитание и наставление.

§28.

Воспитание (Educatio) — это способ развивать и укреплять слабые силы, данные человеку от природы образом, соответствующим различию этих сил.

Наставление (Institutio) — попытка эти уже усовершенствованные и укрепленные силы приспособить к известной цели, сделать детей способными к направлению своей жизни, подобно жизни человека, как чувственно-разумного существа. Природа при развитии и образовании душевных сил установила порядок и законы, наблюдать которые и им следовать есть долг воспитателя и наставника, как и долг врача — держать в памяти то, что он только служитель, а не повелитель природы.

§29.

Воспитание и наставление, а особенно последнее, делают то, чтобы наши познавательные силы и побуждения воли с младенческих лет постепенно совершенствовались. В этом усовершенствовании следует обратить особое внимание на первые обнаружения разумения в науках, на первые склонности воли к нравственности. Ко всему тому нужно приспособить занятия, упражнение и способ обращения, начиная уже с первых лет наставления. По различию же способа наставления произойдет и различие умов.

§30.

К нравственным причинам принадлежит религия и образ правления. И то, и другое способствует, как и препятствует, развитию познавательных сил и нравственному поведению, свободе в писании и мышлении, по причине установлений знаменитых сочинителей и учителей. Ведь где религия наполнена суеверием, там мало процветает умов, чему живой пример представляет Турция, следующая учению Магомета, по которому запрещено посвящать себя Минерве.

Кроткие законы правления способствуют развитию различных способностей разных людей; чувство свободы пробуждает умы к усовершенствованию того, к чему влечет каждого сильное стремление его духа. Это было причиной великого энтузиазма в республиках. Поэтому свободная Греция и Рим считались плодоносной матерью великих философов, ораторов, стихотворцев и художников, а теперь Англия, живой пример великих ораторов и глубокомысленных философов, приписывает это свободе.

§31.

Первые опыты ученых людей в сочинениях или художественных произведениях, первые их покушения в каких бы то ни было произведениях ума, чем больше одобряются или осуждаются знатоками, тем больше они поощряются или находят препоны в дальнейших и новых своих предприятиях. Поэтому Руссо явился как новый Платон, ведь его первый опыт в красноречии с великим одобрением был принят публикой. Примеры одних подталкивают других к подражанию и служат поводом к тому, что способнейшие умы стремятся к обрабатыванию подобных предметов с большим успехом.

§32.

К физическим и нравственным причинам различия умов относятся *смешенные*. Эти причины различия умов зависят от случая и его недостатка, знания языков, от времени, в котором кто живет:

а) от случаев и обстоятельств, более или менее благоприятствующих, зависит раскрытие врожденных сил в душе, ведь благоприятствующие обстоятельства и случаи нередко возвышают посредственные умы на удивительную степень величия. Напротив того, самые высокие способности, из-за недостатка случая, открыть себя не могут и пребывают почти всегда под игом вечного забвения. От публичных учреждений зависит то, что народ оказывает больше или меньше талантов.

б) Знание многих языков способствует разности умов, это явствует из самой опытности, которая показывает ясно, что понятность детей возрастает посредством языков. Чем богаче и совершеннее какой-нибудь язык, тем обширнее бывает и знание. Поэтому из совершенства языка справедливо заключаем о совершенстве душевных дарований и способа мышления, как каждого человека порознь, так и всего народа вообще. Обильный язык в определенных выражениях способствует раскрытию сил разума, в живописных выражениях он оживляет фантазию, приводя изящные искусства и словесные науки в цветущее состояние. Особенно же примечено, что рачительное обрабатывание отечественного языка, как и его усовершенствование, производило великие умы. Примером этому могут служить Греция, Рим, Англия, Франция, Германия и проч.

в) Наконец, времена, в которые кто жил, иногда дают больше, иногда меньше, а иногда и никакого не доставляют случая, никаких побуждений и средств к раскрытию душевных способностей. Поэтому история представляет целые века, в которых не открывался никакой талант, хотя и многие находились в те времена, но об этом пространнее извещает философская история.

§33.

По этим причинам удобно усматривается, что: а) природное качество и количество ума содержится в природной его способности (*artitudine*), следовательно, основывается на физических причинах; б) в каждом человеке или народе способ и степень образования ума, или нерадение и его повреждение, зависят от нравственных причин. Поскольку естественные дарования не такого качества, чтобы они

сами по себе необходимо процветали и в правильный навык преобращались, а такого свойства, чтобы тот человек необходимо получил навык в том роде способностей, в котором он природой снабжен. Следовательно, заблуждаются как те, которые приписывают все различие умов одному какому-либо роду этих причин, т. е. или физическому — с Гобесом и Гуартом, или нравственному — с Юмом и Гелвеем¹, так и те, которые утверждают, что уже в самой душе мужского и женского пола, европейца и арапа, первоначально находится причина различия умов. Ведь от физических причин может происходить больше различия в умах, но эти причины гораздо сокровеннее, которых психолог открыть и довольно объяснить не в состоянии.

ОТДЕЛЕНИЕ III.

О семиотике и гимнастике умов

§34.

Поскольку одни и те же науки, одни и те же упражнения не всем умам без различия приличны и не во всех местах сообразны, то за нужное принимается, смотря на все эти отношения, чтобы не только родители и воспитатели, занимающие их место, но и вообще все наставники наперед усматривали, по каким признакам хорошие умы открываются, по каким опытам познаются и по каким упражнениям совершенствуются. Из этого происходят две науки: *семиотика и гимнастика*; *первая* занимается наблюдением тех внешних признаков, которыми открываются хорошие и изящные умы. *Вторая* же имеет в виду те опыты и упражнения, которыми молодые умы возвышаются и усовершенствуются.

Семиотика умов

§35.

Целью всего нашего упражнения в науках полагается то, чтобы или в точности наблюдать разные происшествия деяний, или исследовать причины и законы, по которым нечто должно быть, или, наконец, определять количество действий и сил, их отношения. Все это наиболее принадлежит к тому, чтобы или то, что находится в

¹ Чап. II. De l'Homme et le Donheur. Глава II. О человеке и благополучии.

природе, или что люди делают, подвести под роды, причины и законы, и по различию намерений то производить, то посвящать. Поэтому превосходство человеческого ума ценится преимущественно по врожденной способности (ловкости), отсюда произошли названия: наблюдательный, исторический, философский и математический ум.

§36.

Наблюдательный и исторический ум имеют те, которые особенно желают узнать происшествия природы или человеческие деяния либо собственным наблюдением, либо посредством сообщения других, если в том: а) не поступают слегка, но избирают надлежащие меры, делают выбор и применяют к тому все старание и внимание, б) замечают не посторонние пристрастия и случайные обстоятельства, но то, что является главным в деяниях и их обстоятельствах, в) занимаются не одним только вычислением происшествий и единственных деяний, но стараются узнать и объяснить причины и продолжения преобразований по обстоятельствам времени, места и из человеческих умов, мнений и нравов.

§37.

Одаренные философским умом обнаруживают оный своими стараниями, как бы признаками: 1. Они отличаются желанием открывать свойства вещей, причины, законы, цели и их связи. Объяснять преобразования, предусматривать продолжение и их окончание, подготавливать важнейшие и исследовать сокровеннейшие. 2. Прилежно находить подобия и сходство предметов; трудятся в том, чтобы все усматриваемое в разности познаний привести в порядок и единство, презирая отрывочное их собрание; единственные и особенные вещи подводят под всеобщие и повсемственные, объясняя их. 3. В познаваемых вещах одним разумом не хотят полагаться на знаменитость ученых людей, как первейшее основание.

§38.

Одаренные математическим умом особенно пленяются числами и фигурами, отношениями количеств, рассматриванием, определением и решением пропорций и уравнений. Теперь приступим к гимнастике умов.

Гимнастика умов

§39.

Чтобы молодые люди в противоположность своей природной склонности не предали некоторой определенной науке или художеству, или особому некоторому роду жизни, необходимо исследование ума, что нередко бывает сопряжено с трудом и неизвестностью. Ведь может быть много препятствий, для которых дарованные разным людям таланты не могут развиваться и процветать благовременно. Кроме того, из-за некоторых обстоятельств умы часто имеют такую силу, что ожидание хорошего ума на протяжении упражнения исчезает, хотя сначала, по достаточно вероятным признакам, существовала надежда о хорошем уме. Поэтому в исследовании ума и суждении о нем необходимы осторожность и правила, т. е. способы познания ума.

1. Надо благовременно представлять разные случаи и проводить испытания, которыми ум мог бы возбудиться.

2. Нужно замечать, к каким упражнениям и наукам особенно склонен ум.

3. Прилежно рассматривать, трудность каких вещей не только не устрашает его, но вызывает в нем еще больше любопытства.

4. Рачительно наблюдать, примерами каких умов и наук, как близкими его уму и с ним сходными, наиболее пленяется и возбуждается.

§40.

Не меньше попечения и осторожности нужно в образовании ума. Ведь хотя все способности ума, как из прежде сказанного видно, употреблением и надлежащим упражнением могут усовершенствоваться и шлифоваться, однако, и в этом часто грешат некоторые, потому что силы ума не естественным порядком тренируют, или потому, что примеры, для вольного подражания, недостаточно хорошие, или потому, что пренебрегаются разные вспомогательные средства или пособия той науки, которой кто-нибудь себя посвятил.

Педагогика, или наука предлагающая способ наставления, должна представить в проблемах почерпнутые из опытности правила для усовершенствования чувствований, воображения, внимания,

сравнения, памяти, разума и разума, также подыскивать разные способы упражнения, которыми производятся совершенства и различные навыки, к которым способны данные дарования ума.

ЛОГИКА или УМОСЛОВИЕ

ГЛАВА I.

О разных родах понятий, началах и причинах этих родов

§41.

Познавательная способность нашей души обнаруживается трояким образом: I) *простым пониманием* (*simplici perceptione vel apprehensione*) вещей, действующих на наши чувственные органы, посредством которых они представляются нашей душе; II) усматриванием того, что о вещи, таким образом уже понятой, утверждается или отрицается, следовательно, произнесением *рассуждения* (*Iudicium*); III) из сделанного рассуждения произведением нового, или *умствованием* (*Ratiocinium*). Например, когда открытыми глазами взираю на солнце, усматриваю его круглым, а не четырехугольным, и наконец, заключаю, что оно есть сферическое или круглое тело.

Наши мысли должны сообщаться другим; это сообщение не может быть без внешних чувственных знаков, место которых по большей части занимают слова. Понятия выражаются словами, рассуждения — предложениями, а умствования — доказательствами.

§42.

О понимании, представлении, сведении и их различии

Нечто понимать, нечто себе представлять и быть об этом сведущим — три действия ума, которые, по-видимому, существуют в нашей душе неразлучно. Ведь нельзя чего-либо понимать и таким образом себе представлять, чтобы притом не иметь о том сведения. Нельзя также иметь сведения о вещи, если ее не понимаем или не представляем, следовательно, понимание, представление и сведение кажутся неразлучными в нашей душе. Жизнь и движение также в нас неразлучны, но никто не может сказать, что они одно и то же, то есть понимание, представление и сведение не могут быть одно и то же,

хотя они и кажутся неразлучными в нашей душе. Поэтому нужно объяснить, что значат слова «понимать», «представлять» и «быть сведущим».

§43.

Понимать что-нибудь (*aliquid percipere* или *apprehendere*) значит разные свойства и признаки вещи, принадлежащей чувствам, в себя принимать и как будто бы ее образ в своем уме начертывать. Этот образ есть не что иное, как некоторое подобие понятой вещи.

Представлять себе что-либо (*sibi aliquid representare*), значит понимаемую или уже понятую вещь, хотя бы теперь и не действующую на чувственные органы, делать некоторым образом присущей душевному зрению и как будто бы взирать умственно на нее. Первое, а равно и это второе действие, вообще можно назвать таким способоразличием души, посредством которого получаем сведение о каком-нибудь предмете.

Мы *имеем сведение* (*conscientia*) или *бываем сведущими о себе самих* (*sui sibi conscii*) тогда, когда не только отличаем от себя самих то, о чем имеем сведение, но и то, посредством чего мы сведущи, т. е. понимание и представление. Данное действие души, когда оно обращается к самому пониманию, называется *adperceptio*, т. е. представлением понимания, а по мнению других — логическим сведением. Этому последнему названию место не только тогда, когда мы обращаем внимание на свои мысли, но и когда простираем внимание на другие действия и познаем, что мы точно так, а не иначе делаем.

§44.

По этому объяснению видно различие между сведением, пониманием и представлением. Это различие состоит в том, что понимание и представление составляют только одно условие, под которым обнаруживается действительность сведения, а сведение приемлется как сила, которой производится понимание и представление, так как в первом случае, не имея никакого представления, я не могу сказать, что сведение в моей душе действительно существует; во втором же, если бы я не мог быть сведущим, то нельзя было бы что-либо себе представлять, следовательно, сведение и представление не одно и то же.

§45.

Есть три рода предметов, о которых мы можем иметь сведение.

1. *Сведение понимания* или *представления*, посредством которого наша душа свое понимание, или представление себе, опять представляет, не обращая внимания на понятый предмет.

2. *Сведение понятого* или *представленного предмета*, посредством которого душа представляет себе понятый или представленный предмет, не обращая внимания на само представление.

3. *Сведение о себе самом*, посредством которого наша душа саму себя, как подлежащее представляющее и понимающее, себе представляет, следовательно, отличает себя от представления или понимания, которое имеет, и от предмета, который она понимает или себе представляет.

§46.

Сведение по своему качеству бывает трех родов, т. е. сведение темное, ясное и подробное. *Темное* имеем тогда, когда только представление в нашей душе бывает или одно сведение о способоразличии нашего состояния, например, первое чувствование пробудившегося человека. *Ясное сведение* имеем тогда, когда мы сведущи о том, что нам представляется этот либо другой предмет, следовательно, здесь уже две вещи в нашей душе встречаются, т. е. представление и представляемый предмет, которые наша душа различает и познает. *Подробное сведение* имеем тогда, когда мы о себе самих сведомы. В этом случае три представления в нашей душе сопрягаются. Одним познаем сущее, нечто себе представляющее, или душу, вторым — представляемый предмет, а третьим — само представление или действие души, которым она саму себя и представляемый предмет познает.

§47.

Сколько раз мы понимаем какую-либо вещь без всякого о ней утверждения или отрицания, столько раз ее образ (§43) в нашей душе как будто бы вырисовывается; этот образ, или подобие, можно вообще назвать *понятием* (*conceptus*), *которое есть простое понимание вещи, без всякого о ней утверждения или отрицания.*

Простое понимание может быть не только следствием *чувственных* вещей благодаря внешним, чувствуемым нами, признакам, но и *умственных* —

благодаря разным свойствам и их качествам. Поэтому понятие о вещах, подлежащих чувствам, называется *чувственным* (sensualis), а понятие о вещах, постигаемых одним умом, — *умственным* (intellectualis). Например, если я взгляну на эту березу, эту розу, на этого вола, эту овцу или козу, и притом ничего о них не утверждая, не отрицая, а только их внешний вид в своем уме изображая, то этот внешний вид, изображенный в моем уме, будет *чувственным* понятием. Понятия же о законе и обязательстве, добродетели и пороке, правом и неправом, истинном и ложном — будут *умственными*. Понятие отличается от понимания тем, что понимание рассматривается и принимается как действие (actio), посредством которого производится понятие как произведенное (effectus).

§48.

Образ, или подобие вещи, изображенное в нашей душе, древние схоластики называли *видом* (species) от старинного латинского глагола species, новейшие — *идеей* (idea) от греческого глагола εἶδω, что значит то же, что и species или video. Кант и его подражатели то же самое называют *воззрением* (intuitus anschauung). Слова «вид» и «идея» означают понятый предмет, а слово «воззрение» — ни латинское intuitus, ни немецкое Anschauung — не означает понятого предмета, а только выражает то душевное действие, которым понимаем вещи, подлежащие только чувству зрения. Следовательно, слово «воззрение» не соответствует каждому чувственному представлению неделимых вещей, особенно тех, которые действуют на орган обоняния, вкуса, слуха и осязания. Ведь когда я говорю, что имею чувственное представление или понятие о запахе розы, уксуса, вина или о сладком, горьком и кислом, или о разных тонах музыки и голосах животных, или, наконец, о мягком и твердом, то можно будет по Канту говорить: я взираю или вижу запах розы, уксуса и вина, вижу сладкое, горькое и кислое, вижу тоны музыки и голоса животных, вижу мягкое и твердое, что принятому употреблению слов совсем не соответствует.

Кант выражению «*чувственное понятие*» предпочел слово «*воззрение*», ведь воззрение можно разделить на чистое (a priori) и эмпирическое, или опытное (a posteriori), а чувственного понятия таким образом разделить нельзя, поскольку оно всегда опытное. Слово «воззрение» и его разделение Канту было необходимо для утверждения своего идеализма. Он предметом воззрения полагает *явление* (Erscheinung, ρβαεπομενον), которое есть не что иное, как только представление нашей

чувственности, следовательно, это внутреннее понятие о явлении доказывается разными отрывками из его «Критики чистого разума»: на странице 104 первого издания говорится: *wir haben oben gesagt, daß erscheinungen selbst nichts, als sinnliche Vorstelluegen sind*, т. е. мы выше сказали, что явления — это только чувственные представления. На стр. 165: *Erscheinungen sind keins Dinge an sich selbst*, т. е. явления не суть вещи, сами по себе состоящие. На стр. 250: *Erscheinungen nichts als Vorstellungen sind*, т. е. явления не что иное, как представления. На стр. 164 четвертого рижского издания: *Erscheinungen sind nur Vorstellungen von Dingen, die nach dem, was sie an sich seyn mögen unerkant da sind*, т. е. явления — только представления вещей, которые смотря потому, чем они сами по себе могут быть, нам бывают неизвестны. Кант считает такими явлениями все тела, самих людей (стр. 380 четвертого издания *der Mensch ist selbst Erscheinung*) и даже все предметы нашей опытности (стр. 370 первого издания). Поскольку же Кант считает все предметы, подлежащие нашим чувствам, только внутренними представлениями, то есть, если спросить его соответствует ли моему представлению, называемому видением, какой-нибудь внешний предмет, например, когда я вижу этот дом этого человека, эту палку и проч., то он отвечает: «Хотя я отношу мое представление к какому-нибудь внешнему предмету, однако этот предмет есть нечто = X, о котором я ничего не знаю и знать не могу». Это явствует из разных мест его «Критики», а именно — первого издания (стр. 114 и 250). Этот, теперь мною представленный идеализм, на самом деле составляет сущность кантовской философской системы, которая основывается на его новом учении о пространстве и времени. Рассмотрение данного учения предоставляется метафизике.

§49.

По уверению внутреннего чувства, в нас находится четыре рода понятий: I) понятия о чувственных вещах, нам присутствующих и действующих на чувственные органы; II) понятия о чувственных вещах, но отсутствующих, следовательно, только теперь не действующих на чувственные органы; III) понятия о не чувствуемых вещах, но в телесном виде представляемых; IV) наконец, понятия о не чувствуемых и без всякого телесного вида представляемых вещах.

Понятия первого рода изображаются в нашей душе посредством участия, в зависимости от тех впечатлений, которые производятся в чувственных органах. Понятия второго рода производятся воображением в зависимости от некоторых движений, возобновленных в мозге. Понятия третьего рода происходят также

благодаря воображению: когда вещь, которая не может действовать на наши чувства, представляем себе только в вымышленном телесном виде, например, ангела в виде крылатого отрока. Понятия последнего рода — не чувствуемых вещей, без всякого телесного вида понимаемых, изображается посредством внимания, размышления, сличения, умствования, отвлечения, как, например: понятие о Боге, человеке, духе, добродетели и пороке и проч. Способ, которым все эти понятия образуются в нашей душе, пространно объясняется в метафизике.

§50.

Поскольку через всякое понятие представляется *нечто* и притом *некоторым известным образом*, то из этого следует, что во всяком понятии *вещество* и *образ* (*Materia et forma*) необходимо различать. *Веществом* или предметом понятия называется все то, что представляется посредством понятия. Способ же, которым представляется вещество, называется *образом* понятий.

§51.

Поскольку все то, что может представляться посредством понятия, или существует действительно, или есть только возможное, то следует, что предметы наших понятий или суть действительные, или только возможные. Всякий предмет действительно сущий есть или существо, или случайность (*substantia vel accidens*).

Существо есть сущее, само по себе пребывающее, то есть, такое сущее, которое тогда, когда существует, не имеет нужды в другом сотворенном сущем, в котором бы оно, как в своем подлежащем, существовать могло. Например, человек — это существо, так как он не требует другого сущего, как подлежащего, для своего бытия. *Случайность*, сущее которой само по себе состоять не может, но требует другого сущего как подлежащего, в котором бы состоять могло, например, цвет белый, зеленый, красный и прочий всегда имеет нужду в другом сущем, как подлежащем, в котором он мог бы существовать.

§52.

Существо или рассматривается вместе с признаком, ему присущем, или без оно. В первом случае оно называется существом, рассматриваемым в совокупности (*in concreto*), во втором же — в

отвлеченном смысле (*in sensu abstracto*). Подобным образом и случайность рассматривается, поскольку признак вместе с подлежащим или без него может рассматриваться. Например, *ученый человек* — существо в совокупном, а просто человек — в отвлеченном смысле. Равным образом *белизна* вместе со *стеной* будет совокупная случайность, а например, *ученость*, не относящаяся ее к человеку, — отвлеченная.

§53.

Предметы наших понятий или единственные, или всеобщие, но к точному их объяснению нужно знать, что называется определенным (*determinatum*) и определение какой-либо вещи. *Определенным* (*determinatum*) называется то, что, прежде своего существования могло быть в многообразном виде, но теперь именно таким, чем другим образом существует, что можно объяснить разными примерами.

Всяческое *определение* вещи (*omnimoda rei determinatio*) — это собрание известных признаков, которые, будучи вместе взяты, настолько свойственны одной какой-нибудь вещи, что никакой другой в таком же совокуплении свойственны быть не могут. Например, когда я представляю себе лицо моего отца, то хотя он имеет волосы, чело, брови, глаза, нос, губы, как и всякий человек, однако все эти вместе взятые признаки находятся в таком совокуплении у моего отца, что ни в ком другом в таком же совокуплении неприметны.

Единственный предмет (*objectum singulare*) — все то, что в рассуждении каждой своей части всячески определено. Например, Иван, Петр и другие: *всеобщий* или *повсеместный* предмет (*Universale*) есть то, что относительно каждой своей части не бывает всячески определено. Например, человек, хотя и имеет эти признаки: жизнь, чувство и разум, но поскольку они, будучи вместе взяты, многим неделимым свойственны, то поэтому человек есть всеобщий предмет.

§54.

Всякая существующая вещь есть единственная и неделимая (*individuum*), поскольку всякая существующая вещь, относительно всех своих частей, всячески определена. Опытность уверяет нас, что всякая существующая вещь имеет собрание известных признаков, которые, будучи вместе взяты, настолько свойственны этой вещи, что

никакой другой в том же совокуплении свойственны быть не могут, иначе действительно существующие вещи одна от другой не могли бы отличаться, что также было бы противно опытности.

Всеобщее или повсемственное, вне понятия нашего ума, не существует, ведь то, что действительно вне нашего ума существует, должно быть всячески определено, следовательно, есть единственное и неделимое, всеобщее же не является всячески определенным.

§55.

Вид (species) есть подобие многих неделимых вещей или такой предмет, который всячески не определен и содержит в себе такие признаки, которые, будучи взяты вместе, составляют сущность, общую для многих неделимых. Например, хотя Кай, Тиций, Семпроний, Вергилий отличаются возрастом, телосложением, породой, религией, одеждой, однако они всегда в том сходны, что каждый из них имеет органическое тело и разумную душу. Объединяя эти признаки, мы составляем один класс существ, и этот класс, обозначая именем *человека*, называем видом.

Понятие о виде мы изображаем себе следующим образом: когда многие неделимые сравниваем между собою, и посредством сравнения усматриваем, что они имеют подобные определения, то эти подобные определения или принадлежности соединяем вместе, обозначив их одним именем, называем видом. Следовательно, к изображению понятия о виде требуется только то, что усматривается общим во многих неделимых.

§56.

Род (genus) есть подобие видов или такой неопределенный предмет, который включает в себе только те признаки, которые присущи многим видам. Например, слово «животное» есть род, так как содержит в себе признаки — жизнь и чувство, которые, будучи взяты вместе, свойственны весьма многим видам — человеку, рыбам, птицам и проч.

Понятие о роде мы изображаем себе с помощью сравнения многих видов, усматривая при этом сравнении те признаки и определения, которые, будучи вместе взяты, свойственны многим видам. Следовательно, к изображению понятия о роде требуются не все признаки вида, а только те, которые считаются общими для каждого вида порознь.

§57.

Роды и виды, вне нашего ума, сами по себе не существуют. Ведь все то, что существует вне нашего ума, всячески определено, роды же и виды — не всячески определены.

Роды и виды существуют только в неделимых или единственных вещах, поскольку понятие о виде включает в себе только те определения, которые считаются общими для многих неделимых, но такие определения существуют только в одних неделимых, следовательно, и виды существуют только в одних неделимых. Роды также включают в себе только те определения, которые считаются общими для многих видов, но и эти определения существуют только в неделимых, следовательно, и роды существуют только в неделимых.

§58.

По этим объяснениям следует: 1) что больше признаков заключается в неделимом, чем в виде, поскольку больше признаков или всяческих определений находится в неделимом, чем в виде, ведь в виде содержатся только те определения, которые считаются общими для многих видов. 2) Больше признаков заключается в виде, чем роде, ведь в роде заключаются только те определения и признаки, которые считаются общими для многих видов. К понятию, например, *человек*, который составляет вид, относятся жизнь, чувство и разум, к понятию же *животное*, которое составляет род, — только жизнь и чувство.

§59.

Утверждая некоторый определенный вид, тем самым утверждается и целый род. По утверждению же некоторого неделимого, утверждается правильно и целый вид. Причина этого следующая: поскольку целое понятие о роде заключается во всех его видах, а целое понятие о виде — в каждом порознь неделимом. В понятии, например, человек, как в виде, содержится целое понятие животного, как рода, а в понятии «Цицерон», как в неделимом, содержится целое понятие о человеке, как виде.

§60.

Хотя целое понятие рода содержится в виде, а целое понятие вида — в неделимом, но не только это понятие содержится в них. Ведь как во всяком виде находится больше признаков, чем входит в понятие рода, так и во всяком неделимом содержится больше признаков, чем

те, которые считаются общими для вида, как явствует из вышеприведенного примера.

Поэтому на основании рода нельзя делать вывод об определенном некотором виде, а на основании вида — об определенном некотором неделимом. Например, есть животное, следовательно, это животное — овца или волк. Это заключение было бы плохим, так как может быть, что это животное есть лошадь или лев. Следующее заключение: есть человек, следовательно, он Цицерон, что было бы неправильно, ведь тот человек может быть Аристотелем или Сократом и проч. То есть, утверждается или отрицается о виде все то, что утверждалось или отрицалось о роде, поскольку все признаки рода содержатся в виде. Подобным образом утверждается или отрицается о неделимом все то, что утверждалось или отрицалось о виде по той же самой причине.

§61.

Род делится: 1) на *высочайший* (*summum genus*), которого нет выше, например, сущее есть высочайший род, в котором все то, что есть или может быть, содержится; оно же само не имеет понятия, выше себя, в котором бы могло содержаться; 2) *нижайший* или *ближайший* (*genus infimum vel proximum*), которого нет ничего ниже или ближе, например, животное в рассуждении человека и скота есть ближайший род; 3) *средний*, от которого что-нибудь находится выше или ниже, например, существо.

Различием (*differentia*) называются те признаки, которыми одна вещь отличается от другой. Данное различие бывает или *числительное* (*numerica*), которым одна вещь от другой отличается по числу, или *видовое* (*specifica*), которым вид отличается от вида, или *родовое* (*generica*), по которому род отличается от рода. Например, человек от человека отличается числом, от лошади — видом, а от растения — родом.

Крайнее или *последнее* различие (*ultima differentia*) — такой признак, которым каждая вещь отличается от всех прочих вещей, с которыми сходствовала в ближайшем роде. Например, крайнее различие человека есть *разумность*, которой он отличается от всех прочих животных.

§62.

О признаках понятий

Понятия, делаемые нами о разных вещах, хотя и заключают в себе

единственные представления, многим предметам общие, однако мы, несмотря на это, отличаем их друг от друга, следовательно, должны быть некоторые признаки, по которым мы усматриваем между ними различие. Признаком (*nota*) вообще называется все то, чем одна вещь от другой отличается. Например, понятие о деревянном масле от понятия о воде отличаем по цвету, вкусу, липкости, хотя они сходны в том, что как одно, так и другое — жидкие тела. Поэтому цвет, вкус, липкость и прочее будут признаками, отличающими деревянное масло от воды. Человек отличается от растений тем, что он чувствующее животное, выделяющееся от прочих животных силой разума, следовательно, признаками, отличающими человека от растений и животных, будут *животное, чувствующее и разум*.

§63.

Признаки делятся, во-первых, на собственные и общие (*notae propriae et communes*). Собственными называются те признаки, которые свойственны только одному предмету, например, у треугольника собственный признак — трехсторонность. Общие, наоборот, те признаки, которые свойственны многим предметам. Например, фигура — общий признак треугольника, круга и проч. Во-вторых, делятся они на *утвердительные и отрицательные*. Утвердительным признаком нечто к предмету прилагается или о нем произносится, например, разумный — утвердительный признак человека. Отрицательным признаком нечто о предмете произносится, чем он не есть, или нечто будто бы отнимается от предмета. Когда говорю — неученый человек, то неученый — это признак, который не может применяться к понятию «человек»¹.

§64.

¹ Поскольку логика не занимается никакими особыми предметами наших познаний, то она рассматривает утверждения и отрицания только по образу (*forma*). Логическое отрицание изображается частицей *не*, например, *смертный* - логическое утверждение, *несмертный* - логическое отрицание. Только логическое утверждение может быть вещным отрицанием, а логическое отрицание - вещным утверждением. Например, *смертный* есть логическое утверждение, а *вещное* - отрицание, ведь смертным называется тот, кто не живет всегда. Подобным образом *праздное* есть логическое утверждение, а *вещное* - отрицание. Хотя мы ничего не познаем о предмете через отрицательные признаки, однако посредственное их употребление бывает важно, поскольку благодаря им мы воздерживаемся от заблуждений. Например, отрицательные признаки относительно к понятию о Боге - достойнейшие замечания.

Признаки, в-третьих, делятся на *внутренние* и *внешние*. Внутренними называются те, которые принадлежат к определению представления или предмета, не рассматривая его в отношении к другим. Например, *разумное* — внутренний признак в рассуждении человека. Внешними же называются те, которые прилагаются к представлениям или предметам, когда рассматриваем их в отношении к другим. Данные признаки называются также *отношениями* (Relationes): быть отцом или сыном — внешние признаки, так как они свойственны кому-либо постольку, поскольку нечто другое предполагают и к нему относятся.

§65.

Признаки, в-четвертых, делятся на постоянные и переменные. *Постоянные* — это те, которые всегда и необходимо содержатся в понятии вещи, как например, теплота есть постоянный знак огня. *Переменные* же те, которые, не нарушая сущности вещи или понятия, могут быть или не быть в вещи, например, белизна на стене — переменный знак.

Постоянные признаки или существенные, или свойства (essentialia vel. attributa). Существенные — самые первейшие признаки, которые считаются источниками прочих, а вместе взятые — являются сущностью вещи или понятия. Например, чувственность и разумность — существенные признаки человека. *Свойства* — это те знаки, которые проистекают и производятся из существенных. Например, способность к наукам, к учености — это свойство человека.

Постоянные признаки называются также нужными и непреременными, переменные же — случайными, потому что первые необходимо содержатся в понятии, а вторые — случайно. Например, разум есть необходимый знак, а быть ученым — только случайный знак человека.

Существенные признаки суть или основные (constitutivae), которыми определяется сущность вещи или понятия о ней, или последственные (consecutivae), которые проистекают из основных, например, животность и разумность — основные знаки (notae constitutivae) человека, а понятность или способность к приобретению познания в науках суть последственные знаки. Из существенного основного признака «животное» следует, что человек имеет органическое тело и чувствование, а из признака «разумное» следует, что человек создает себе понятия, рассуждает, умствует и предполагает цель.

Случайные признаки суть или *способы*, или *отношения* (*modi; vel- relations*): первые внутренние, а вторые — внешние признаки или определения вещей и понятий. Например, быть ученым — случайный, но внутренний признак и способ человека, а быть отцом — случайный, но внешний знак или отношение.

§66.

Количество (*quantitas*) понятия есть совокупность многообразий, составляющих понятие, например, количество понятия «человек» состоит в следующих многообразиях или признаках: животное, разумное. Количество понятий есть или распространительное (*quantitas extensiva*), или содержательное (*intensiva*). Первое есть собрание всех тех низших видов, которым приличествуют знаки, представляемые в понятии или, иначе, есть такое понятие, которое во всех своих низших видах находится как признак. Второе, которое можно также назвать совокупностью (*comprehensio*), есть собрание тех признаков, которые свойственны каждому нижайшему виду, содержащемуся в понятии. Например, распространительное количество понятия «человек» составляют люди белые, черные, желтые и медного цвета, поскольку все эти виды людей содержат в себе этот признак «человек», ведь и белые, и черные, и прочие люди называются людьми. Подобным образом распространительное количество понятия «*философ*» составляют данные представления: Сократ, Аристотель, Платон и прочие, поскольку каждое из них порознь содержит в себе понятие «философ» как признак. Напротив того, содержательное количество понятия, например *человек*, составляют данные представления «*животное*» и «*разумное*», поскольку они как признаки в человеке приметны. Распространительное количество понятия «*животное*» составляют четвероногие, птицы, насекомые и прочие, поскольку в их представлении содержится понятие *животного*; его же содержательное количество составляют жизнь и чувство, так как эти признаки составляют животность. Из этого следует, что: 1) чем больше низших видов содержится под некоторым понятием, тем большее будет его распространение. А чем больше признаков содержит в себе некоторое понятие, тем большее его содержание. 2) Содержание и распространение суть такого качества, что умножением одного уменьшается другое, напротив того, уменьшением одного — другое увеличивается. Например, если в понятии «животное», состоящем из признаков «*жизнь*» и «*чувство*», умножится

содержание или совокупность (*intensio vel. comprehensio*), прибавив признак, например, разум, то тем самым уменьшится его распространение. Ведь пока в животном рассматривались только жизнь и чувство, то смысл этого понятия был гораздо пространнее, чем с признаком «разум», ведь этим признаком данное понятие обозначает только людей, и наоборот.

§67.

Понятия по распространительному количеству делятся на понятия единственные, особенные, общие или повсемственные. *Понятие единственное* (*idea singularis*) — то, посредством которого представляется неделимый и совершенно определенный предмет, например, понятие об Аристотеле, Сократе, Цицероне и проч. *Понятие особенное* (*idea particularis*) хотя и имеет предметом неделимую вещь, но представляет ее некоторым неопределенным образом, например, некоторое животное, некоторый человек. *Понятие общее* (*idea communis*) представляет вообще то, что многим вещам свойственно: существо, животное, человек, добродетель и проч. *Понятие повсемственное* (*idea universalis*) есть общее понятие, но представляющее, по крайней мере, смешанно все предметы, которым оно свойственно, например, всякое животное, каждый человек.

Примечание. Кант, не признавая никаких единственных понятий, не принимает и такого их разделения. По его мнению, всякое представление неделимой и совершенно определенной вещи следует называть *воззрением*, а не *понятием*, потому что понятие всегда бывает умозаключительное (*conceptus àssursivus*), в котором находятся не всяческие признаки, а только отвлеченные от данных воззрений, сопрягающихся в единство сведения (*in unitatem Conscientiae*). Я замечаю, во-первых, что слово «воззрение», принятое Кантом, для выражения единственных понятий, зависящих от пяти чувственных органов, несправедливо и противно принятому употреблению слов (смотри §48). Неужели мы должны взирать на лошадиное ржание и овечьё блеяние, не понимая этих голосов, хотя и различая их между собою? Во-вторых, наши понимания и представления названы *понятием* не по той причине, что в них находятся только отвлеченные признаки данных воззрений, но потому, что посредством признаков, усматриваемых в предмете, нечто в душе бывает *понятым*, будет ли это нечто единственное или отвлеченное, все равно. От этого причастия, совершенно прошедшего времени,

изображено существительное имя «*понятие*». Круг одного понятия может быть меньше, другого - больше, а третьего еще больше, поэтому понятие делится на единственное, особенное, общее и повсемственное. В-третьих, Кант разделил рассуждения и предложения по количеству на единственные, особенные и повсемственные, но количество рассуждения и предложения зависит от подлежащего, а подлежащее есть то понятие, о котором нечто утверждается или отрицается, следовательно, подлежащее в единственном рассуждении есть понятие единственное, в особенном - особенное, а в повсемственном - повсемственное. Итак, Кант в науке о рассуждениях признает понятия единственное, особенное и повсемственное, которых, говоря о понятиях, не допускает.

§68.

Понятия, по содержательному количеству, делятся на простые и сложные.

Понятие *простое* есть то, которое на многие другие разделено быть не может или которое не имеет никаких признаков, например, понятие о единице, вещиности, также нечто, ничто и проч. *Сложное* же, которое может делиться на многие другие или которое имеет больше признаков, которыми от других отличается, например, человек имеет признаки «животное» и «разумное».

§69.

Под названием качества понятий понимается степень познания в нашем сведении, которая с понятиями или признаками оных сопряжена бывает, следовательно, здесь не спрашивается о множестве признаков, а спрашивается о том, имеем ли, и каким образом, о них сведение.

Это сведение или непосредственное, или посредственное. Первое называется, когда сведения, сопряженного с представлением или пониманием, бывает достаточно для различения этого представления от других. Второе есть то, которое столь слабо сопряжено с пониманием или представлением, что с его помощью нельзя отличать одного понимания от других. Поэтому наши понятия или ясные, или темные (*conceptus clari, vel obsuri*).

Ясным понятием называется то, которое сопряжено с непосредственным сведением, т. е. с помощью которого можно распознавать и отличать представляемую вещь от других вещей, например, я имею ясное понятие о запахе розы. Этот запах я могу отличать от запаха фиалки, гиацинта, лилии и других цветов. *Темным*

понятием называется то, которое сопряжено с посредственным сведением, т. е. посредством которого нельзя отличать одну вещь от другой. Следовательно, чем больше будет признаков в представляемом предмете, как и непосредственное о них сведение, тем яснее будет понятие. Например, чтобы врачу иметь ясное понятие о предписанном им для больного лекарстве, то он должен испытывать оное зрением, вкусом и обонянием, сопрягая данные признаки непосредственно в сведении.

Причина темных понятий иногда находится в самих вещах, которые слишком запутанны. Иногда — и в самих людях, которые, представляя себе вещи, не уделяют надлежащего внимания, или потому, что в то время заняты какими-нибудь страстями или размышлением о других каких-нибудь вещах, или представлением, в одно и то же время, многообразных вещей, поэтому не могут о них иметь непосредственного сведения.

Понятие ясное делится на подробное и неподробное (*in distinctum et non distinctum conceptum*).

Подробным понятием называется то, о признаках которого имеем такое сведение, что можем оные всегда перечислить, а предмет — от всех прочих — отличить. Например, подробное понятие будет о человеке, если я смогу порознь представить себе его признаки, как животность, разумность, смогу перечислить их. То же самое быть может и тогда, когда я имею сведение о признаках. Но если я не имею сведения ни о каких признаках понятия, следовательно, не могу их себе представить и перечислить, то мое понятие будет неподробное. Например, если кто-то в частных случаях знает и понимает, что это право, а это — нет, но сказать вообще, что правым, а что неправым называется, не может, то его понятие о правом и неправом будет неподробное. Из этого следует, что: 1) всякое подробное понятие, есть вместе с тем и ясное, поскольку посредством подробного понятия можно отличать одну вещь от другой — и этого уже достаточно для сущности ясного понятия. Однако не всякое ясное понятие бывает одновременно и подробным, ведь ясное понятие может оставаться и неподробным, потому что нельзя перечислить отличительных признаков в понятии, например, в понятии о красном цвете, нельзя перечислить отличительных признаков, о котором говорят *ruber color vibalum rapit in furorem, philosophum in admirationem*, т. е. что красный цвет приводит буйвола в бешенство, а философа — в удивление.

2) Мы тогда имеем подробное понятие о каком-нибудь предмете,

когда ясно понимаем сами его признаки, ведь тогда имеем подробное понятие о предмете, когда порознь перечислить можем его отличительные признаки, что не может быть без ясного понимания самих признаков.

3) Для приобретения подробных понятий необходимо внимание, так как для подробных понятий нужно, чтобы можно было представить себе ясно признаки вещи, а для этого необходимо внимание.

4) Кто-нибудь подробное понятие имеет тогда, когда может его сообщить другим посредством слов, поскольку мы тогда имеем подробное понятие о каком-нибудь предмете, когда можем перечислить порознь отличия и признаки вещи, но данные отличия имеют свои особенные названия или слова, следовательно, подробное понятие и прочее. Итак, неподробными понятиями бывают те, которых нельзя сообщить другим словами — запахи и разные цвета (colores).

Примечание. 1) Вольф и его последователи неподробные представления называют смешенными (conceptus confusi), но, по примечанию Канта, это выражение неприлично, так как смешению не противопоставляется подробность, но наиболее порядок (oppositum confusionis non distinctio est, sed ordo). Хотя правда, что все смешенные представления суть неподробные, однако нельзя сказать наоборот, чтобы все неподробные представления были смешены, поскольку неподробность может иметь другие основания, а не только отсутствие порядка, например, причиной неподробности в простых представлениях может быть недостаток многих признаков, а в сложных представлениях причиной неподробности может быть слабое сведение или познание признаков, содержащихся в представлении.

2) Понятие называется ясным еще и тогда, когда имеем сведение о целом понятии, но не имеем его о его отличительных признаках. Таким образом, простой человек хотя и познает правое и неправое, и отличает одно от другого, однако ни тому, ни другому не может показать отличительных признаков. Итак, простые понятия могут быть только ясными, поскольку не содержат в себе никаких признаков. Сложенное же ясное понятие, смотря по признакам, в нем содержащимся, называется *смешенным*. Если же мы не познаем признаков, в нем содержащихся порознь, то потому, что они не находятся в приличном порядке. Например, понятия «единица», «вещность», «ничто» и другие - ясные, хотя и нельзя показать их отличительных признаков, так как они их не имеют. Но понятие о правом

и неправом у простого человека будет смешенным.

§70.

Подробность понятия может быть двоякого рода, т. е. логическая и эстетическая. Первая бывает, когда отличительные признаки понятия усматриваем разумом и предлагаем, как видно в понятии «человек», когда его называем чувственно разумным существом. Данная подробность называется также и умозаключительной, потому что она производится умом или разумением.

Вторая же бывает, когда представляем понятие о каком-нибудь единственном предмете, следовательно, она называется иначе воззрительной подробностью и является произведением нашей вообразительной силы, что делается посредством сравнения, примеров и прочего. Например, если я, раздробляя понятие об органическом произведении природы на признаки, скажу: что оно есть такое произведение природы, в котором все бывает одновременно и целью, и средством, то это будет логической разностью. Но если я скажу, что листья на деревьях служат целью и одновременно средством, ведь хотя дерево и производит листья, но они сохраняют также и дерево, то это будет эстетической подробностью.

§71.

Подробность, или ясность в понятиях, можно произвести двояким образом или показанием непосредственных и сораспоряженных признаков (*notae coordinatae*), составляющих круг понятия. Например, человек есть животное, одаренное разумом. Или показанием посредственных признаков (*notae subordinatae*), содержащихся в непосредственных признаках. Итак, ясность понятий может быть разной степени. Ясность будет в первой степени, когда я представлю непосредственные признаки, во второй — посредственные, в третьей, если в посредственных или подчиненных признаках я какие-то новые представляю. Например, ясность моего понятия о человеке будет в первой степени, если я скажу, что он разумное животное. Если я признаки «животное» и «разумное» раздроблю на новые, то ясность будет во второй степени. Например, животное есть органическое существо, которое живет, чувствует, растет и самопроизвольные движения производит. Разумным называется то существо, которое способно усматривать связь вещей, если признаки «органическое существо», «живет», «чувствует»,

«растет», «самопроизвольно движется» я раздроблю на новые признаки, то ясность понятия будет в третьей степени.

§72.

Подробность понятий, в зависимости от способа, каким она приобретена, делится на *аналитическую* и *синтетическую*. Если мне прежде дано понятие о какой бы то ни было вещи, и я разбираю признаки, содержащиеся в нем, и тем сделаю понятие ясным, то эта ясность будет *аналитической*. Например, если мне дано понятие «характер», и я хочу знать, что значит характер, то я смотрю: в каких обстоятельствах используется это слово о каком-нибудь человеке и нахожу, что оно говорится о таком человеке, правила которого в деяниях постоянны и неизменны. Итак, характер — это способ действия по неперменным правилам. Таким образом, понятие о характере становится аналитически ясным. Напротив того, понятие *синтетически* ясным бывает тогда, когда оно вместе с признаками предлагается, что бывает при всех произвольных понятиях. Например, если я скажу, что трансцендентальным понятием называется то, которому никакая опытность не может доставить предмета.

§73.

Отношение (Relatio) — такое сказуемое, которое приличествует какой-нибудь вещи не потому, что она сама по себе рассматривается, а потому, что другая какая-нибудь полагается. Вещи, находящиеся во взаимном отношении, называются членами отношения. Понятия или относятся к законам мышления, или к предмету, или взаимно к себе самим, и по этому отношению делятся на истинные и ложные, которые бывают или логически, или вещественно (*materieliter*) такими. Логически-истинными понятиями называются те, которые не заключают в себе никакого противоречия и имеют довольную причину, иначе они будут логически-ложными.

Вещественно-истинные понятия — те, которые сходны с представляемыми предметами, иначе они будут вещественно-ложными понятиями. Например, понятие о *разумном существе* без чувственности — логически истинное, поскольку не содержит в себе противоречия, а понятие о круглом треугольнике — логически-ложное, поскольку признаки «круглый» и «треугольный» — противоречивые. Понятие о башне, виднеющейся издали круглой, на

самом деле четырехугольна, — существенно-ложное, как и понятие о сломанном весле, погруженном в воду. Понятие же о четырехугольной башне, которая на самом деле четырехугольна, будет вещественно-истинное.

§74.

Понятия по отношению делятся еще на тождественные (*conceptus identicos*), подобные (*similes*) и взаимственные (*reciprocus*).

Тождественные понятия — те, которые имеют одинаковые признаки. Эти понятия имеют или все, или только некоторые одинаковые признаки; в первом случае они совсем, во втором — отчасти тождественными называются. Например, понятия «треугольник» и «трехсторонняя фигура», «человек» и «разумное животное» тождественны, но понятия «человек» и «животное», «треугольник» и «четырёхугольник» — отчасти тождественны.

Подобные понятия — те, которые сходны в признаках, и чем больше или меньше будет признаков, в которых они сходны, тем больше или меньше они будут подобными. Например, лев подобен тигру.

Взаимственные понятия — те, одно из которых вместо другого поставить можно. Например, вместо треугольника можно сказать трехсторонняя фигура, а вместо человека — разумное животное.

Понятие, содержащееся в круге другого понятия, называется *подчиненным* (*subordinatus conceptus*). Например, птица и рыба — подчиненные понятия, поскольку они содержатся в круге понятия «животное».

Понятия же, которые вместе составляют или круг понятия, или само понятие, называются *сораспоряженными* (*conceptus coordinati*). Например, птица и рыба, независимо от самих себя, составляют части круга понятия о животном. Ученость и добродетель — сораспоряженные понятия, так как оба составляют признак почтенного человека.

Поэтому все виды, по отношению к своим родам, подчиненные понятия, и вещи, относящиеся к одному какому-либо роду, называются *однородными* (*Homogeneae*), а принадлежащие к разным родам — *разнородными* (*Heterogeneae*).

§75.

Разделительными понятиями (*conceptus disjunctivi*) называются те, которые, вместе взятые, составляют круг какого-либо понятия.

Например, животные, или разумные, или бессловесные, — разделимые понятия, так как они составляют круг животного.

Различительные понятия (conceptus disparati) — те, которые, как различные признаки, свойственны другим понятиям. Например, благоразумие и справедливость — различные понятия, поскольку они различные признаки понятия о совершенном человеке.

§76.

Понятия противоречные или противные (contradictoriae vel oppositae). *Противоречными* понятиями называются те, положением одного из которых уничтожается другое, например, разумное и неразумное. *Противные же*, при которых положением одного не только другое уничтожается, но и на его место полагается другое, например, желтое и зеленое.

§77.

Понятия делятся на утвердительные и отрицательные. *Утвердительным* называется то понятие, через которое нечто полагается, *отрицательным* — через которое нечто положенное уничтожается. Поскольку логика не занимается одним веществом понятий, а больше формой или их образом, то поэтому одно понятие логически или, смотря по форме, может быть утвердительным, смотря же по веществу — отрицательным. Например, понятие «*тьнь*» логически или по форме есть утвердительное, по веществу же — отрицательное. Ведь *тьнь* — недостаток света. Подобным образом порожность — понятие логически утвердительное, вещественно же — отрицательное. И наоборот, понятие может быть вещественно утвердительное, логически же — отрицательное, например, бессмертный.

Утвердительное или положительное понятие называется *вещностью* или действительностью (Realitas), отрицательное же — *отрицанием* (Negatio). Поэтому как вещьность, так и отрицание, могут быть двоякими, образными (логическими) или вещественными. Логическое отрицание на русском языке выражается частицей *не* и *без*: несмертный, бессмертный.

Логическая вещьность и логическое отрицание того же понятия вместе быть не могут, поскольку они противоположны, а по свойству нашего разума нельзя той же вещи полагать, а положенной — отрицать. Например, нельзя сказать: человек есть смертен, человек есть бессмертен.

Из этого понимаем, что прежде нужно мыслить о вещиности или действительности, чем об отрицании, ведь через отрицание убирается то, что в вещи положительно находилось. Прежде нужно иметь в мысли понятие «смертный», чем «бессмертный».

§78.

Способопонимаемость (modalitas) представления есть отношение этого последнего к представляющей способности. Здесь не спрашивается, какого свойства само представление, а как оно относится к представительной способности. Итак, способопонимаемость некоторого понятия есть его отношение к разумению, как способности понятий. Понятия по способопонимаемости делятся, во-первых, на *возможные* и *невозможные*. Первыми называются те, признаки которых могут быть вместе сопряжены, а вторые — признаки которых не могут быть вместе сопряжены, например, понятие «человек» — возможное, поскольку его признаки — «животное» и «разум» — могут быть вместе сопряжены. Но понятие «четырёхугольный круг» — невозможное, поскольку признаки «четырёхугольный» и «круглый» не могут быть сопряжены вместе. Во-вторых, понятия по способопонимаемости делятся на *необходимые* и *случайные*. Необходимыми понятиями называются те, признаки которых находятся в таком сопряжении, что никаким другим образом они не могут быть совокуплены. Например, *круг круглый*. Случайными же понятиями называются те, в которых признаки, по нашему произволу, сопрягаются, например, понятие «четырёхугольный стол» и «круглый стол».

Понятия необходимые суть или совсем, или условно необходимые. Понятиями (отнюдь) совсем необходимыми называются те, которые ни под каким другим видом иначе быть не могут, как они есть. Например, круг круглый.

Понятия же условно необходимые — те, признаки которых могут быть сопряжены иначе, чем теперь совокуплены. Например, понятие «круглый стол». Или, иначе, условно необходимым понятием называется то, которое необходимо предполагает другие понятия. Например, понятие о действии есть условно необходимое, коль скоро имею понятие о причине.

§79.

Сверх этого, понятия, смотря на их происхождение, делятся на

случайные и сделанные (conceptus adventitii et conceptus factitii).

Понятиями *случайными* называются те, которые мы получаем посредством чувственности: когда в чувственных органах движения производятся от чувствуемых вещей, при случае которых образуем себе понятия — о цветах, звуках, вкусах, запахах, тепле, холоде... *Сделанными* называются те, которые мы образуем из чувственных понятий посредством сложения, отвлечения, умствования и другим каким-нибудь образом. Например, понятие о крылатом человеке — ангеле, о золотой горе и прочем.

ОТДЕЛЕНИЕ I.

О естественных законах и причинах сопряжения и последования понятий

§80.

Сопряжение понятий (afsociatio idearum) есть такое их последование, по силе которого, при возвращении одного понятия в ум, возвращаются и другие, имеющие с ним некоторое сходство.

Опытность учит нас, что часто такое сопряжение понятий, какого душа желает или посредством внимания производит, бывает, но, по свидетельству той же опытности, часто происходит в нас и такое сопряжение понятий, какого наша воля не желает, даже от него отвращается. При этом мы также по опыту знаем, что даже и тогда, когда по своему произволению образуем себе понятия, избираем из многих только те, которые естественным образом одни за другими следуют или вместе соединяются, и, посредством внимания, делаем их ясными, следовательно, желая вызвать в уме какое-либо понятие, мы должны следовать тем самым путем и законом, которыми они естественно соединены были. Итак, естественный закон при сопряжении понятий следующий: *настоящее понятие, вызванное с помощью чувства или воображения, удобно возобновляет и соединяет как подобные, так и прежде вместе бывшие понятия.*

§81.

По этому закону очевидно явствует:

1) что такие понятия взаимно себя вызывают, они были

сопряжены в одно время или в одном месте;

2) часто вызываются понятия о противоположных вещах;

3) понятие действия вызывает понятие о причине, и наоборот — понятие причины вызывает понятие о действии. Понятие части вызывает понятие о целом или о других частях, словом, часто бывает переход от одного понятия к другому о вещах, мало между собою сходных потому, что такой переход и соединение вещей было или в порядке внешних происшествий, или в порядке мышления.

§82.

Из многих понятий, вызванных по этому закону в некотором человеке, наиболее вызываются те, которые:

1) с настоящим понятием имеют большее сходство;

2) теснейшее имеют соединение, произошедшее уже прежде от сопряжения;

3) свежи и столь сильно напечатаны в душе, что самой малой силой могут быть вызваны и представлены в уме;

4) больше схожи с состоянием души;

5) больше относятся к цели размышления;

6) сходны с общими правилами размышления, к которым кто привык, и сообразны с наиболее главными понятиями и как бы управителями прочих.

§83.

Из всего сказанного становятся ясными причина и способ, по которым:

1) рождается в нас воспоминание (*reminifcentia*), происходят всеобщие истины, сложные понятия и, наконец, всех наших понятий то ясность, то темность;

2) каким образом через частное повторение понятий рождается навык;

3) отсюда усматривается причина того, что один и тот же предмет в разных людях производит разные помышления и душевные страсти именно потому, что в разных людях различные помышления и разные душевные страсти теми же предметами произведены были;

4) отсюда также усматривается причина того, для чего люди в обычных разговорах начинают говорить о себе самих, что считается пороком, противным учтивости. Они это делают потому, что такой разговор бывает сообразен с их состоянием, например, радости или печали;

5) наконец, из этого видно еще и то, что множество идей и готовность к размышлению и умствованию препятствует ежедневному обращению с простыми людьми, поскольку размышление и умствование несходственно с состоянием простого народа.

ОТДЕЛЕНИЕ II.

О знаках мыслей, языке и писаниях

§84.

Когда тело ребенка мало-помалу укрепилося, и чувственные его органы стали способнее к действию, тогда оно начинает естественными знаками изъявлять свои единственные понимания, а потом изображать членобразные голоса и их между собою соединять, так происходит речь. Итак, в этом отделении поговорим о знаках понятий, свойстве слов и речи.

§85.

Знаком (signum) называется все то, о чем понятие, посредством чувств возбужденное, вызывает в нашей мысли понятие о другой вещи, от него различной. А *означаемым* (signatum) называется то понятие, которое вызывается в нас посредством знака. Например, примеченный нами дым вызывает в нас понятие как о себе самом, так и об огне, как означаемом. Подобным образом слезы являются знаком печали.

§86.

Знаки или *естественные*, или *произвольные*. Первые бывают с означаемой вещью необходимо сопряжены, как, например, дым с огнем, слезы — с печалью. Вторые не состоят в необходимой связи с означаемой вещью, но наиболее зависят от произвола человека. Например, гнусная одежда и необыкновенный наряд, отросшие длинные волосы и борода были приняты у римлян за знаки бесчестия. Произвольные знаки тройного рода: *доказательные* (Demonstrativa signa), которые обозначают настоящую вещь; *предвещательные* (prognostica), означающие будущую вещь; *воспоминательные* (rememorativa), означающие прошедшую вещь.

§87.

Слова (vocalula) суть знаки наших понятий, произнесенные членобразными голосами. Слова — произвольные знаки наших мыслей, доказательством чему служит то, что разные народы различными словами изображают свои мысли и понятия о вещах, которые у них приняты произвольно.

Поскольку слова суть знаки наших мыслей, то из этого явствует, что они изобретены для того, чтобы мы могли друг друга понимать. Мы понимаем других, когда соединяем со словами те же самые понятия, какие с ними обычно соединяют другие. Например, если я под словом царь (Rex) понимаю то, что понимал Ливий, то я понимаю Ливия, а Ливий понимал верховных правителей государства.

§88.

Философы называют слова по-другому терминами (определенными выражениями) потому, что посредством слов мы открываем и сообщаем другим известные и уже определенные понятия.

Термин гласный (termrnus vocalis) — слово, определенное для постоянного обозначения некоторого известного понятия наших мыслей.

Примечание. Поскольку термины — это знаки понятий, а понятия изображают вещь, которую имеют предметом, то посредством гласных терминов обозначаются как сами вещи, так и понятия о них, вот почему мы имеем право от людей, разговаривающих с нами, требовать, чтобы они говорили сходно и с самыми вещами, и со своей мыслью.

§89.

Термины по различию понятий или означаемых вещей, делятся на разные роды, которые перечислять здесь было бы излишне, однако не бесполезно будет заметить, что понимается под вещественным термином (Materialis) и образным (formalis).

Термин *вещественный* — это такое слово, которое приемлется само по себе или за членобразный голос. Например, Цицерон — трехсложное слово.

Термин «образный» есть тот, который берется за означаемую вещь, например, Цицерон — отец латинского красноречия.

Термин «образный» делится на *положительный* и *отрицательный*. Первый означает некоторое вещное понятие, например, Цицерон — человек. Второй же означает отсутствие

некоторого понятия, например, мрак, невежество, смерть, убожество и прочее.

Термин «пустой» (*terminus inanis*) есть слово, взятое на самом деле без всякого значения, например, деревянное железо.

Термин «постоянный» (*terminus fixus*) есть тот, который постоянно означает неперемutable некоторое понятие, например, Цицерон Аристотель.

Термином «собственный» (*proprius*) называется тот, который служит к обозначению только того понятия, для которого определен.

Термином «несвойственный» (*improprius*) называется тот, который от собственного значения переносится к обозначению другой вещи, для некоторого подобия между обеими вещами. Например, Луна — это небесное тело, светящее во время ночи, составляет собственный термин. Но если назвать человека луной из-за его непостоянства, то в этом случае «луна» будет составлять несвойственный термин.

§90.

Термином «единогласный» (*univocus*) называется тот термин, который хотя и употребляется для обозначения многих вещей, однако в одном и том же смысле. Например, человек, животное и все слова родов и видов.

Термином «двузначный» или «сомнительный» (*aequivocus*) называется тот термин, который не обозначает постоянно одного и того же понятия, иногда одно, иногда же другое значение представляет. Например, лев обозначает то известное животное, то известное на небе созвездие, то иногда человеческое имя.

Сомнительный термин тройного рода:

1) по случаю сомнительный (*casu aequivocus*), который только приемлется случайно в различном значении. Его причины нельзя представить, кроме первых изобретателей языка. Например, град означает город, как и капли воды, замерзшие в атмосфере и падающие на землю;

2) по намерению сомнительный (*consilio aequivocus*). Так называется тот термин, который употребляется для обозначения различных вещей по причине некоторого подобия или сходства, и потому называется аналогическим, например, **собственно говорится** — **дерево горит, но** также говорится и о человеке;

3) по ошибке сомнительным (*errore aequivocus terminus*) называется тот термин, который хотя многими и употребляется для

обозначения одной вещи, но это обозначение на самом деле относится к разным вещам, и именно по ошибочному их мнению о свойстве обозначаемой вещи, которым напоены употребляющие данное слово. Например, словом «Бог» идолопоклонники рукотворения называют статую Зевса, Спиноза называет Богом весь мир, а другие, наконец, существо, одаренное высочайшим разумением, могуществом, мудростью и благостью.

Термин «искусственный» (технический) — слово, употребляемое в какой-нибудь науке или искусстве. Например, в математике корень (Radix).

§91.

Голос (vox) есть звук, происходящий из уст животного для обозначения того, что в его душе происходит, например, внутренних ощущений.

Членообразным голосом (vox articulata) называется тот голос, который составляется из многих разным образом изменяемых и образуемых звуков, показывающих взаимные отношения между знаком и означаемым. Этот голос называется также словом или человеческим гласом, потому что только один человек, как разумное животное, различает и познает связь между знаком и означаемым.

Говорение (Loquela) есть произнесение слов, составленных из многих многообразно изменяемых звуков. Из этого следует, что говорение без голоса не может быть, но вообще взятый голос может быть без говорения. Поэтому немые люди хотя и имеют вообще взятый голос, однако поскольку они не в состоянии гласного звука изменять и внятно произносить, то они говорения не имеют. Итак, издавать голос свойственно всем людям и бессловесным животным, но говорить членообразно или внятно свойственно только человеку. Только этим, говорит Цицерон, мы превосходим бессловесных животных, что между собою разговариваем, что посредством говорения можем изображать свои чувства (Lib. de orat C. 8).

§92.

Речь (Sermo) есть совокупление многих слов, соединенных между собою, которыми открываются чувства и душевные помышления.

Язык (Lingua) есть речь, посредством которой какой-либо народ чувства и душевные помышления взаимно друг другу открывает и сообщает.

Поэтому речь — это способ открытия своих мыслей, всем народам и каждому человеку общий. А язык составляет наречие, диалект, свойственный одному какому-то народу, как замечает Нолтен в «Лексиконе латинского языка». Однако есть места у древних писателей, где речь и язык за одно и то же принимается.

§93.

Речь есть тройкая. Гражданская, философская и эстетическая. Первую употребляем в ежедневном обращении и общественном с людьми соединении, для исполнения своих дел и получения прочих выгод общественной жизни. Вторую употребляем в науках, когда мы или сами изобретаем истину, или уже изобретенную стараемся сообщить другим. Третью — в словесных науках.

Гражданская речь не требует большой точности, поскольку в обыкновенных житейских делах удобно мы других, а другие нас понимать могут. Правила же эстетической речи предписывает особенная этого же имени наука. Итак, остается предложить нечто об одной философской речи. Но, прежде всего, посмотрим, нужно ли было изобретение языка для человеческого общества?

§94.

Изобретение языка было необходимо для человеческого общества, ведь люди соединились в обществе, чтобы в безопасности соединенными силами могли сохранять свое благополучие и по возможности состояние друг друга делать совершеннейшим. Но чтобы в обществе одни могли пользоваться помощью и силами других, нужно было, чтобы одни другим объясняли свои мысли, душевные чувствования, а также и недостатки, какими кто угнетался. Но это, без помощи языка, не могло произойти, следовательно, изобретение языка было необходимо для человеческого общества.

Посредством языка мы совокупаем с нашим познанием других людей, познание, приобретенное великими трудами, которым ни наши силы, ни лета несоизмеримы, и через это совокупление распространяем наше познание не иначе, как будто бы мы на самом деле всех людей видели и слышали.

Посредством речи человеческий разум раскрывается и изощряется, за неимением же ее последовал бы недостаток и самого разума. Это доказывают примеры взрослых людей, с самого рождения находившихся среди диких животных. В таких людях не было замечено почти никаких следов человеческого разума, и это

приписывают только недостатку речи, поскольку, когда такие люди были пойманы и обучены языку, они стали разумными животными, как и прочие люди, обычным образом воспитанные (по свидетельству Гердера о происхождении языка).

§95.

Писать — значит не что иное, как произнесенные или произносимые слова изображать начертаниями на бумаге, свойственными буквам, или на другой какой-либо вещи, способной к изображению на ней букв.

Правильно же писать, значит приличными буквами изображать слова и при их разделении должным образом употреблять слоги, ударение и знаки. Итак, *писание* (*scriptura*) есть способ изображать на бумаге произнесенные или произносимые слова свойственными буквам начертаниями.

Речь, а равно и *писание*, доставляют нам средства к величайшему распространению человеческой мудрости, ведь как *посредством речи* понимаем мысли присутствующих людей, так *посредством писания* познаем не только мысли отсутствующих и живших в древности мужей помышления, но и созерцаем особенные по ученой части изобретения, как бы глазам нашим представленные. От этого происходит, что, соединив с нашим знанием знание других, достигаем такой способности ума, какую составляют в совокупности многие люди. Подобно как человек может сильнее действовать соединенными силами многих людей, так и человеческая мудрость может с помощью речи и писания усиливаться, распространяться и могущественнее делаться.

§96.

Главное употребление слов — то, что они служат: 1) к сообщению наших мыслей другим; 2) способствуют нашей памяти и вниманию; 3) доставляют некоторым образом средства к изобретению новых истин.

Причина тому следующая: поскольку слова теснейшим союзом сопряжены с понятиями, то от этого происходит, что мы почти никогда даже и в самом молчании не размышляем без употребления слов, а иногда приходят на мысль и сами слова прежде, чем понятия о них. Мы часто прежде выучиваем слова, чем познаем их силу, ведь первое употребление слов служит для того, чтобы понятия закреплять в памяти, между собою их соединять, и посредством этого соединения

открывать новые истины.

Все это могут нам доставить слова, когда ими будут вызваны чистые, полные и, насколько возможно, — подробные понятия.

§97.

Чтобы слова служили для этого, нужно наблюдать следующее.

1. *Философ* должен употреблять слова в собственном их значении, а переносное их значение предоставлять ораторам и пиитам, потому что обязанность *философа* — обучать и убеждать, переносные же значения больше увеселяют, чем учат, так как они сильно отвлекают дух от обращения внимания на истину.

2. *Философ* не должен употреблять двусмысленных слов, поскольку посредством них никто не сможет проникнуть в наши мысли, понять предложенных нами истин, что противно цели слов.

А если из-за недостатка слов в некоторых выражениях заблагорассудится употреблять также и двузнаменательные слова, то наперед следует предложить ясное и подробное определение такого слова, и этим образом составить постоянный термин, читателя же в том уверить, да и употреблять это слово всегда в том же самом значении и смысле. Если же поступить иначе, то никто его не будет понимать ни в разговоре, ни в сочинении.

3. *Мы должны* принимать слова в таком значении, в каком говорящий или пишущий их употребляет, так как иначе мы будем не в состоянии иметь правильного суждения о его чувствованиях и помышлениях.

4. *Философ* не должен употреблять чужестранных слов, не известных слушателю, и терминов, не имеющих определенного значения, прежде чем объяснит их, поскольку слова нам служат к сообщению наших мыслей другим, а этого нельзя сделать посредством слов, заимствованных из неизвестного языка.

5. *Философу*, насколько возможно, нужно избегать грубых выражений, которыми изобилует схоластический век. Впрочем, слова, принятые уже философами и служащие для краткого объяснения и открытия наших мыслей другим, можно употреблять, предположив их определение, например, сущность, существо, вещьность, подлежащее и прочие.

Двусмысленность слов бывает от их недостатка. Этот недостаток происходит от того, что мы имеем в нашем уме больше понятий, чем слов, сообразно которым можно бы было обнаруживать наши понятия. Когда произносится двусмысленное слово, тогда с одним и

тем же словом один — одно, а другой — иное понятие сопрягает, и таким образом появляется повод к пустым спорам об имени.

ГЛАВА II.

О рассуждениях и предложениях

I. О рассуждениях

§98.

Рассуждение (*tudicium*) — действие нашего ума, посредством которого он утверждает или отрицает сходство двух представлений между собою. Например, когда я имею представление камня и твердости и усматриваю, что твердость свойственна камню, я утверждаю: *камень есть тверд*, тогда я сужу. Итак, во всяком рассуждении бывает или утверждение, или отрицание. *Утверждать* значит показывать, что одно представление сходно с другим, а *отрицать* — значит показывать, что одно представление не сходно с другим.

Рассуждение отличается от простого понимания вещей тем, что в простом понимании мы ничего не утверждаем, не отрицаем, что, однако, всегда находится в рассуждении.

§99.

Из понятия о рассуждении явствует, что три потребности необходимы для его составления: представление *подлежащего*, *сказуемого* и сходства или несходства между ними или, иначе, *связь*. Ведь невозможно чего-либо утверждать или отрицать, если прежде ум не узнает как того, о чем нечто утверждает или отрицает, так и того, что утверждает или отрицает. *Подлежащее* (*subjectum*) — представление, о котором нечто утверждается или отрицается. *Сказуемое* (*praedicalum*) — то представление, которое утверждается или отрицается. *Связь* (*copula*) есть умственное признание сходства или несходства между подлежащим и сказуемым. Например: *воздержание есть добродетель*. *Воздержание* будет *подлежащим*, *добродетель* — *сказуемым*, а *есть* — *связью*.

Рассуждение не состоит в одном только понимании сходства или несходства представлений, как думал Локк и Клерик. Ведь когда наш ум рассуждает, то он некоторым образом определяет, что понятое сходство, или несходство представлений, на самом деле существует, следовательно,

этим определением нечто будто бы добавляет к пониманию. Мы понимаем много рассуждений, произносимых другими, но из этого одного понимания не следует, чтобы мы таким же образом судили, пока не воспоследует наше утверждение. По этому основанию не будет хорошим определением рассуждения, называемое соединением или разделением каких-либо понятий, между собою снесенных, поскольку соединение или разделение понятий само по себе существовать может, хотя в нас никакого о том суждения не будет.

§100.

Рассуждение не состоит из представлений подлежащего и сказуемого, а также их сходства и несходства. Оно состоит в простом утверждении или отрицании усмотренного сходства между данными представлениями, ведь хотя понятия о подлежащем и сказуемом могут уму представляться и между собою сличаться, однако еще не составляют рассуждения, пока не воспоследует утверждение или отрицание усмотренного между ними сходства, то есть пока не воспоследует внутреннее некоторое согласие или несогласие, которое изображаем посредством существительного глагола *есть* или *не есть*. Из этого следует, что понятия о подлежащем и сказуемом, а также их сходство и несходство — только потребности (*requisita*), но не составные части (*Constitutiva*) рассуждения, ведь не все то, без чего нечто быть не может, должно быть его составной частью. Например: действие не может быть без причины, однако причина не является составной частью действия. **Следовать, но к рассуждению, поскольку оно есть в нашем уме, и состоит в одном простом утверждении или отрицании, не принадлежит количество** подлежащего, ни отношение, ни модальность (способовидимость), поэтому и разделение рассуждений по этим категориям места иметь не может¹.

§101.

Правило, наблюдаемое в рассуждениях, следующее: мы не должны высказывать рассуждения прежде, пока точнее не рассмотрим сходства или несходства представлений. Цицерон в кн. 1 о должностях напоминает: неизвестных вещей не следует принимать за известные. Если кто-то желает избежать этого порока, которого должны все

¹ *Примечания.* Хотя понятия «подлежащее» и «сказуемое», «сходство» или «несходство» нужны для изображения рассуждения, однако не как его части, а как вещество, которым занимается рассуждение. В противном случае все болезни, которыми занимается медицина, были бы ее частями, чего никто утверждать не может.

избегать, тот должен тратить время и прилежание на рассматривание вещей. Сколько раз пренебрегаем этим напоминанием, столько раз подвергаемся величайшим заблуждениям, нередко притом обнаруживая свою чрезвычайную безрассудность¹.

Хотя предложение (как ниже увидим) есть рассуждение, выраженное словами, но при всем том оно, сверх рассуждения, должно еще выражать и подлежащее, и сказуемое, и представления о них. Ведь цель изобретенных слов — это сообщение наших мыслей. К этой цели весьма мало способствовало бы предложение, если бы оно выражало то, что человек внутри себя утверждает или отрицает, если бы оно одновременно не показывало, что и о чем утверждаем или отрицаем. Следовательно, не все то составляет рассуждение, что выражается предложением, тем более сходство или несходство, которое выражается связью *есть* или *не есть*.

§102.

II. Объяснение предложения

Предложение есть рассуждение, выраженное словами. Итак, предложение отличается от рассуждения тем, что это последнее есть только внутреннее действие души, а предложение — действие душевное, которым обнаруживается рассуждение, следовательно, для всякого предложения нужны три понятия, т. е. *подлежащее*, *сказуемое* и *связь*.

Но надо заметить, что эти три понятия не всегда в предложениях выразительно полагаются, особенно связь, которая иногда содержится в глаголе. Например: *Вольтер говорит*. Данное предложение равно

¹ Это чаще случается с теми, кто, прочитав газеты, судит легкомысленно о важнейших государственных делах, о намерениях и советах при дворах, скрытным образом производимых, не имея обо всем том никаких других достаточных сведений. Таким образом, люди, во время войны, будучи невежами в военном искусстве и не зная настоящих обстоятельств и хитростей, предпринимаемых неприятелем, судят о лености военачальника, его медленности или безрассудной торопливости, о других подобных погрешностях. То же бывает и в ученом свете, когда люди судят о таком знании, в котором они не сделали ни малейшего успеха, или когда рассуждают о Боге, религии, внешнем богопочитании и других священных вещах, сообщая простому народу свои безрассудные заключения. Итак, всякий философ, желающий достичь совершенного успеха в науках, а также отвратить от себя неудобства как гражданской, так и нравственной жизни, должен удерживать стремительность к рассуждению, стараться никогда не судить прежде, пока подробно и ясно не усмотрит сходства или несходства представлений.

следующему: Вольтер есть говорящий. Иногда подлежащее, сказуемое и связь заключаются в одном слове, например: *Пишу читаю*, т. е. я есть пишущий, читающий. Нередко случается, что связь ни в каком слове предложения не содержится, выразительно не полагается, а только подразумевается, например: *конец жизни смерть, начало премудрости — страх Господень*. И в том, и в другом примере подразумевается связь «есть».

Все в предложении встречающееся, кроме сказанных частей, относится или к подлежащему, или к сказуемому, так как его качество, или определенность, показывает не что иное, как сложное понятие: *познание самого себя есть надежное лекарство от гордости*.

Связь должна изображаться только одним глаголом существительным *есть* и именно в настоящем времени, так как связь должна показывать то согласие, которое душа имеет теперь при сходстве двух понятий, например, предложение: *этот мрамор был круглый*, имеет следующий смысл: этот мрамор есть тот, который был круглый.

§103.

Какой термин должен быть подлежащим или сказуемым в предложении? Это обычно познается следующим образом: первый термин, в котором что-нибудь утверждается или отрицается, называется подлежащим, а тот, который утверждается или отрицается, — сказуемым. Впрочем, этот способ не всегда бывает надежен, поскольку этот порядок терминов может перемениться или по произволу, или по незнанию, или по нерадению.

Но лучший способ — следующий: если обратим внимание на обширность или пространство слов, то термин, значение которого обширнее, будет сказуемым, а тот, значение которого теснее, будет подлежащим, в каком бы, впрочем, порядке не были расположены такие термины. Причина в том, что особенные и единственные понятия не происходят от всеобщих, напротив, всеобщие от особенных и единственных посредством отвращения составляются. Поэтому всеобщие понятия должны утверждаться относительно к единственным, а не единственные — относительно ко всеобщим.

Если оба термина имеют равную обширность, тогда не будет никакой ошибки, какой бы из них ни был взят за подлежащее или сказуемое, что весьма употребительно в точных определениях, в которых определение и определяемое бывает одинаковой обширности. Подлежащее и сказуемое называются обычно *терминами*, потому что ими выражается уже определенная вещь, а

крайними терминами — потому что они по большей части занимают крайние места в предложении.

ОТДЕЛЕНИЕ I.

О внутренних основаниях предложений, их различии и законах, происходящих отсюда

§104.

Все внутреннее различие предложений утверждается на четырех главных основаниях, находящихся в самом действии предложения, которые суть следующие: подлежащее, сказуемое, взаимное их отношение и сила предложения касательно рассуждающего человека, то есть вообще нужно определить: *во-первых*, что есть подлежащее относительно к своему сказуемому как всеобщему представлению? *Во-вторых*, что есть сказуемое относительно к подлежащему, рассматриваемое как его свойство? *В-третьих*, что есть отношение, находящееся между ними? *В-четвертых*, какая сила всего предложения в человеке, его произносящем? Следовательно, все внутреннее различие предложений основывается на количестве, качестве, отношении и способовидимости (*quantitate qualitate Relatione et modalitate*).

§105.

I. Разделение рассуждений по количеству

Количество предложений есть обширность или их пространство. Обширность предложения происходит от обширности подлежащего, которая определяется по большинству или меньшинству нижних видов, относящихся к кругу подлежащего. Подлежащее каждого предложения бывает или неделимое (единственные вещи), или всеобщее (т. е. роды и виды), и в этом последнем случае подлежащее принимается или во всем своем пространстве, или в некоторой его части. Итак, предложения, смотря по их количеству, делятся на единственные, особенные, или частные, и повсемственные, или всеобщие (*in propositiones singulares, particulares et universales*).

§106.

Повсемственным предложением называется то, в котором подлежащее выступает всеобщим термином, во всем его пространстве принимаемым.

Повсемственное предложение бывает иногда совершенно, иногда — несовершенно повсемственным (*complete et incomplete universalis*). В первом случае сказуемое сходно с каждым неделимым, порознь содержащимся в понятии подлежащего. Во втором же — не с каждым неделимым сходно, а только с каждым видом, содержащимся в понятии подлежащего. Например, *всякая добродетель похвалы достойна. Нет ни одного честного порока. Данные предложения совершенно повсемственные, но следующее: всякое животное было в Новом ковчеге, совершенно повсемственное.*

§107.

Повсемственные предложения не все одинакового рода и одинаковой силы. В одних усматривается совершенная логическая или метафизическая повсемственность, а в других — только сравнительная, эмпирическая или физическая. Первая состоит в столь необходимом сходстве или несходстве понятий, составляющих предложение, противоположного чему никакая опытность доказать не может. Вторая же состоит во всегдашнем сходстве или несходстве понятий, входящих в предложение, но усматриваемом только по *выводу* (*inductio*) и подобию опытностей.

Примерами первому служат следующие аксиомы: *ничто не может быть без довольной причины. Противоречивые вещи не могут быть одновременно истинными. Начало есть главнее своего начинаемого.* А второму — *следующие: тело, приведенное в движение, сообщает его всем, ему встречающимся телам. Тело не само собою, но другими приводится в движение.*

§108.

Опытность и основывающийся на ней вывод не может быть источником совершенной, только одной сравнительной повсемственности предложений, потому что предметы опытности — случайные и переменные. Следовательно, она только показывает, что нечто существует, но не доказывает того, что оно необходимо существовало и иначе быть не могло. Поэтому Кант думает, что источник и причины совершенной повсемственности предложений — это познавательная способность и ее природное расположение, и в этом смысле такие предложения называет заимствованными от разума (*a priori*). Правда, что довольная причина и основание должны быть, для чего некоторые предложения *суть совершенно всеобщие или повсемственные, и совершенно необходимые*, но назначать тому

довольной причиной познавательные способности и их расположение, значит умствовать без основания. Ведь некоторые предложения повсемственны и необходимы не для того, что наш ум познает их такими. Наоборот, наш ум для того познает некоторые предложения повсемственными и необходимыми, что они таковы по своему качеству и сущности. Например, *целое больше своей части, круг есть круглый* и прочее.

Необходимые и совершенно повсемственные предложения рождаются в нашем уме необходимо по причине полной ясности, находящейся в понятиях подлежащего и сказуемого, для того, что по причине простоты и неизменяемости подлежащего и сказуемого только одно между ними отношение может быть. Или, наконец, для того, что сказуемое есть нечто такое, что оно в подлежащем по силе сущности должно находиться или не может находиться. Но простоты понятий и единого только между ними отношения, а сверх того — и сущности вещей — считать формами разумения ни под каким видом нельзя. Поэтому принятое Кантом основание необходимости предложений, называемых им синтетическими и от разума заимствуемыми (*a priori*), не может быть допущено¹. Итак, мы с Баумгартемом утверждаем, что все то должно приличествовать подлежащему и произноситься о нем с совершенной повсемственностью и логической необходимостью, что принадлежит к его сущности или имеет в ней свое основание, как существенные признаки и свойства вещей (*essentialia, et attributa rei*).

§109.

Предложением, в приспособительном смысле повсемственным (*in sensu accomodo universalis*), называется то, в котором сказуемое не каждому порознь, а только многим низшим видам, содержащимся в понятии подлежащего, приличествует. Например, *все люди пекутся только о своих выгодах*. Этим предложением не означает то, чтобы совсем не было ни одного человека, избавленного от этого порока, но только о весьма немногих можно сказать это безошибочно, ведь мы обычно обо всех вообще говорим то, что очень многим свойственно. Такие предложения весьма часто встречаются в исторических и догматических книгах, которые обычно называются *нравственно-повсемственными*. Подобное предложение есть у Курция: *никакое могущество, злодеянием приобретенное, не может быть*

¹ Смотри §128. Примечание 2.

долговременно.

§110.

Предложением *особенным* или частным называется то, в котором подлежащее хотя и является всеобщим понятием, однако таким, которое только по некоторой части своей обширности приемлется так, что сказуемое не со всеми, а только с некоторыми неделимыми, порознь взятыми, сходствует. Например: *некоторые люди учены.*

Признаки повсемственных предложений следующие: *всякий, каждый, никакой, никто*, особенно — *некто, некоторый* и проч. Особенное предложение называется *определенным*, когда все неделимые, заключающиеся в понятии подлежащего, которым сказуемое полагается приличным, сами по себе уже суть определены. Например, *некто зажжет это здание*, но если неделимые сами по себе еще не определены, а только некоторые из всех возможных, раздельно взятые, понимаются, то предложение будет *неопределенным*. Например, *некоторое перо подходит для писания. Некоторый корабль нужен для мореплавания.*

Неопределенное предложение отличается от определенного с помощью сказуемого, то есть, если это сказуемое изображает необходимость, долг, хотение или желание, удовлетворить чему можно многими вещами, относящимися к одинаковому роду, то в этом случае предложение будет неопределенным. Например, *некоторый глаз подходит к видению. Некоторое перо подходит для писания.* Но если сказуемое выражает некоторое действие или страдание, то предложение будет определенным. Поскольку никакая вещь не может действовать или страдать, кроме той, которая действительно существует, которая всячески определена и неделима. Например, *некоторый философ наставил великого Александра в разных науках.*

§111.

Единственным предложением называется то, в котором подлежащее является всячески определенным термином. Например, *Цицерон — отец латинского красноречия. Это здание построено по всем правилам зодчества.*

Примечание. Некоторые предложения показывают вид повсемственных предложений, но на самом деле они единственные, то есть частицы *всякий, все* иногда представляют подлежащее в *разделительном смысле*:

когда сказуемое сходствует с каждым низшим видом в понятии подлежащего, содержащимся порознь взятым. Например, *всякая добродетель похвалы достойна*.

Иногда же в *собирательном смысле*, когда сказуемое не с каждым порознь, а со всеми вместе взятыми низшими видами только сходно. Например, *всех апостолов числом было двенадцать*. *Все буквы составляют азбуку*. *Все части составляют целое*. В этих примерах слово «все» употребляется только для того, чтобы понять, что нужно брать все части вместе или все собрание частей, букв и апостолов, чтобы можно было произнести правильно о них сказуемое. В первом смысле предложение есть *повсемственное*, а во втором — только *единственное*.

§112.

Если в предложении встретятся знаки повсемственности, например, *всяк, никто, каждый* или знаки особенности: *некто, некоторый* и прочие, положенные перед подлежащим, тогда предложение называется *ограниченным* (definitum). Если нет этих знаков, тогда предложение будет *неограниченным* (indefinitum).

§113.

Здесь надо заметить, что неограниченные предложения иногда равняются ограниченному повсемственному, иногда же — особенному, и это узнается следующим образом: если сказуемое необходимо свойственно каждому неделимому порознь, содержащемуся в понятии подлежащего, или если предложение будет необходимо само по себе (in materia necessaria), тогда предложение неограниченно равняется ограниченному повсемственному. Например, *добродетели желать нужно*. *Люди смертны*. Но если сказуемое есть переменный и непостоянный знак, или предложение будет само по себе случайное (in materia contingenti), тогда неопределенное предложение равняется определенному и притом особенному. Например, *люди учены*, значит то же самое, что и сказать: *некоторые люди учены*.

§114.

II. Разделение предложений по качеству

Качество (qualitas) вообще есть внутреннее определение всего того, что находится в самостоятельных вещах, и для чего они называются именно теми, а не другими. Качества суть или первоначальные, которым никакие другие не предшествуют,

например, разумность в человеке, или второначальные, которые производятся из первоначальных: ученость в человеке.

Качество, относительно к логике, есть такое определение предложения, по которому назначается отношение сказуемого к данному подлежащему, и тем отношением нечто произносится о подлежащем или утвердительно, или отрицательно, или, наконец, нескончаемо. Следовательно, предложения по качеству делятся на *утвердительные, отрицательные и неоконченные* (affirmativa, negativa et infinita).

§115.

Утвердительным предложением называется то, в котором сказуемое о подлежащем произносится положительно. Например, *слава, законными деяниями приобретенная, непреложна. Отрицательное*, в котором сказуемое отделяется от подлежащего, например, *душа не есть тело*.

Во всяком отрицательном предложении следует примечать, чтобы отрицательная частица «не» всегда относилась к связи, а не к подлежащему или сказуемому, ведь в отрицательном предложении уничтожается сходство сказуемого с подлежащим, которое изображается посредством связи, следовательно, отрицательная частица «не» должна относиться к связи.

Такие же предложения, в которых отрицательная частица «не» относится к подлежащему или сказуемому, а не к связи, не могут считаться за отрицательные, а только за имеющие некоторый вид отрицательных предложений, будучи на самом деле утвердительными. Например, *человек не зверь*. Здесь такой смысл: человек есть нечто другое, а не зверь, поэтому такие предложения называются *неокончательными*, ведь в них можно задавать вопрос до бесконечности.

§116.

Во всяком утвердительном предложении сказуемое особенно приемлется, то есть не по всей своей обширности, а по некоторой его части, ведь для истинного утверждения не требуется, чтобы все то вместе и порознь было сходно с подлежащим, что принадлежит к обширности сказуемого. Достаточно уже и того, если некоторые вещи, содержащиеся в обширности сказуемого, будут совокуплены с подлежащим. Например, *воздержание есть добродетель*. Воздержание есть некоторая добродетель, следовательно, нельзя

сказать, что оно скромность, прилежание, трезвость, все это понимается под одним словом «добродетель».

Напротив того, *во всяком отрицательном предложении сказуемое приемлется повсемственно* или по всей его обширности. Ведь чтобы сказуемое можно было правильно отрицать о подлежащем, то необходимо, чтобы совсем не было никакой связи между подлежащим и сказуемым. Но это бывает тогда, когда из всего того, что содержится в обширности сказуемого, ничто не сходствует с подлежащим, следовательно, когда сказуемое отрицается повсемственно. Например, *праздность не есть добродетель*. Смысл этого предложения такой: праздность не может быть ничем из всего того, что заключается в понятии сказуемого «*добродетель*», поэтому праздность не есть ни скромность, ни воздержание, ни храбрость и проч.

§117.

Поскольку в предложениях и количество, и качество их рассматриваются вместе, то из этого происходят четыре формы, или образца предложений, давно уже известных в логике: 1) повсемственно утвердительные; 2) повсемственно отрицательные; 3) особенно утвердительные и 4) особенно отрицательные. Все это обозначается буквами А. Е. I. О, как логическими знаками, которые произносятся в следующих стихах: Afserit A, negat E, verum generaliter ambo. Afserit I, negat O, sed particulariter ambo. Первое означает А, второе — Е, третье — I, четвертое — О.

§118.

III. Разделение предложений по отношению

Отношение предложений есть определение, которое находится между подлежащим и сказуемым, т. е. определение того, как относится сказуемое к подлежащему в утвердительном или отрицательном виде. Все то, что относится к подлежащему или какой бы то ни было вещи, сходственно или несходственно с ней безусловно или под некоторым *условием*, или, наконец, в *разделительном* смысле. Следовательно, предложения по отношению делятся на безусловные, условные и разделительные (Cotegorica, Hypothetica vel conditionalia, et Disjunctiva).

§119.

Предложением *безусловным* (категорическим) называется то, в котором сказуемое утверждается или отрицается о подлежащем без всякого условия. Например: *добродетели делают человека бессмертным*.

§120.

Предложением *условным* называется то, в котором сказуемое утверждается или отрицается о подлежащем при некотором условии. Например: *если мир управляется провидением, то существует Бог. Если человек имеет разум, то он должен усматривать связь истин*.

Условие — это то обстоятельство или причина, положением которой сказуемое утверждается или отрицается о подлежащем.

Условное предложение имеет две части: одна предыдущая или условие, а другая — последующая или условное (*Conditio et conditionatum*). Первой предшествуют частицы «*ежели*», «*есть ли*», а второй — «*то*». Например: *если науки делают человека благороднее, то нужно в них рачительно упражняться*. Часть первая называется условием, вторая — условным.

Условное предложение тогда бывает правильным, когда довольная причина условного содержится в условии, и в этом случае, коль скоро утверждается условие, то также и условное должно утверждаться, по силе начала довольной причины. Но если условие отрицается, то условное только тогда можно правильно отрицать, когда оно имеет только ту причину, которая изображается в условии. Но если причин, которые не изображены в условии, будет больше, то, отвергнув условие неправильно, отвергается условное, поскольку условное может быть истинным по другим причинам, которые не выражены в условии. Например: *если бы шел снег, то воздух был бы холоден*, было бы неправильно данное заключение: *снег не идет, следовательно, воздух не холоден*. Ведь воздух может стать холодным от мороза, дождя, северных ветров и прочего, а не только от снега.

По той же причине, утвердив условное, не всегда правильно утверждается условие, ведь условное может быть истинным по другим каким-либо причинам, которые не изображены в условии. Например: *если Семпроний — человекоубийца, то он злонравен*. В этом предложении из этого утвержденного условного «*Семпроний злонравен*», неправильно будет данное заключение, следовательно, он человекоубийца, поскольку Семпроний может быть злонравным по другим причинам: по пьянству, воровству, роскоши, а не по одному человекоубийству. Однако отвергнув условное, и условие правильно

отвергается.

Притом надо заметить: 1. что положением условия ничего еще действительного ни утверждается, ни отрицается. Например: *если Семпроний учен, то он достигнет великих достоинств*. Здесь я еще не утверждаю, что Семпроний учен действительно, ниже говорю, что он достиг уже высоких достоинств. 2. Невозможное условие имеет силу отрицания, т. е. условное в таком случае отрицается. Например: *если вчерашний день сделаешь сегодняшним, то я сделаю тебя наследником моего имени*, т. е. не сделаю тебя наследником имени.

Возможное условие — то, которое можно выполнить, а невозможное — выполнить которого нельзя.

§121.

Предложением разделительным (*judicium disjunctivum*) называется то, в котором много сказуемых или подлежащих соединяются разделительными частицами или, либо. Например: мир есть или сущее необходимое, или случайное. В разделительных предложениях или все члены совершенно исчисляются, или только некоторые. В первом случае будет *полное*, во втором же — *неполное* разделение. Например: *человеческая душа или погибает с телом, или после отделения от него будет жить вечно*. В этом предложении разделение полное, но в следующем: Семпроний живет или в Петербурге, или в Москве, или в Риге — неполное.

К истине разделительных предложений требуется: 1) чтобы перечисление членов было полным, 2) разделительные члены должны быть в такой противоположности, чтобы не могли вместе состоять и быть допущены как истинные.

§122.

Бывает еще разделение предложений на простые и сложные. *Простыми* называются те, в которых бывает только одно подлежащее и одно сказуемое. Например: *несчастия всегда постигают преступников*. *Сложными* же (*composita*) называются те, в которых встречается или больше подлежащих, или больше сказуемых. Например: *угождение приобретает друзей, а правда — ненависть*. Или следующее: *благородство, слава, честь и великие богатства без добродетели — пустые слова*.

Следовательно, сложные предложения могут быть разделены на многие предложения, но в простых этому разделению нет места.

§123.

Сложные предложения делятся на *выразительные* (explicita) и *невыразительные* (implicita). В первых сложность явственно изображается, во вторых — не выражается, но по одному смыслу и их значению понимается. Пример первого: *благоразумный человек не гордится в счастье, не унывает в несчастьях*. Пример второго — *один Бог зависим. Тиций умеет только злословить*.

§124.

К выразительным предложениям относятся условные, разделительные, совокупительные, винословные и способовидимые. О первых двух уже сказано в §§120 и 121.

Предложение *совокупительное* (copulativa), в котором больше подлежащих или сказуемых сопрягается соединительными частицами *и, ни, ниже*. Например, *чтобы жизнь и тело в настоящих опасностях защищать всевозможным образом, в этом и ученого наставляет разум, и варвара — необходимость, и обыкновение — народы, и самих зверей — природа*.

Предложением *винословным* (causalis) называется то, в котором представляется причина посредством винословных частиц, ведь, **понеже**, поскольку, для которой сказуемое бывает сходно с подлежащим. Например, *человеческая душа неразрушима, поскольку она простое существо*.

Предложение *способовидимое* (propositio modalis) — то, в котором выражается способ, показывающий сходство или несходство сказуемого с подлежащим. Слова, выражающие эти способы, следующие: *нужно или должно, случайно, возможно или быть может, невозможно, или быть не может*. Например, *при блеске солнечных лучей, мир должен освещаться. Случается, что некоторые упражнявшиеся в философии впали в атеизм. Может быть, что науки нередко бывают вредны для их любителей. Быть не может, чтобы человек, следующий разуму, желал худого*.

Поэтому те предложения, в которых выражается способ, называются *нечистыми*, а те, в которых не выражается способ, — *чистыми*.

§125.

К невыразительным предложениям относятся: *исключительные*,

выключительные, ограничительные или стеснительные, усугубительные, именительные и уравнивательные. *Excerptivae, exclusivae, restrictivae, reduplicativae, fpecificativae et comparativae.*

Предложениями исключительными называются те, в которых все другие сказуемые из подлежащего или подлежащие из сказуемого изымаются посредством частиц: кроме, разве, например, *всякое сущее, кроме Бога, есть случайное.* Все люди, кроме Адама, рождены от жены.

В этих предложениях исключительные частицы относятся или к подлежащему, или к сказуемому. В первом случае они называются предложениями *изъятельного подлежащего*, во втором — *изъятельного сказуемого*: пример первого — *один Бог независим, второго — Кай умеет только злословить.*

То же самое разумеется и о выключительных предложениях, в которых некоторое сказуемое произносится о некотором подлежащем с выключением всех прочих подлежащих и называется предложением выключительного подлежащего (*Exclusiva subjecti*). *Один Бог всемогущ.* А когда все другие сказуемые того же рода выключаются из подлежащего, то предложение называется выключительного сказуемого (*Eclusiva praedicati*). *Кай искусен только в феологии.*

Предложениями ограничительными или *стеснительными* называются те, посредством которых в понятиях подлежащего или сказуемого выразительно частицами обозначается то понятие, которому подлежащее или сказуемое приличествует с исключением других. Эти предложения познаются из следующих частиц: *поскольку, касательно, смотря, на, относительно* и проч. Например, *поскольку государь выше всех своих подданных, человек касательно души бессмертен.*

Предложения ограничительные делятся на усугубительные, именительные и сравнительные. *Усугубительным* (*reduplicativa*) называется то, в котором целому сложному понятию подлежащего или сказуемого нечто может так приличествовать, что все прочие способы рассматривания исключаются: *король, как король, считается первым лицом в государстве.*

Предложением именительным (*specificativa*) называется то, в котором можно обозначить именно то простое понятие, содержащееся в сложном, которому приличествует подлежащее или сказуемое с исключением всех прочих. Например, *государь, рассматриваемый как человек, равен всем своим подданным.*

Предложениями сравнительными (comparativa) называются те, в которых взаимное отношение подлежащего и сказуемого выражается посредством сравнительных частиц: больше, меньше, более чем, например, *атеизм более пагубен, чем суеверие. Лучшие смиренный мужик, чем гордый философ.* Все эти предложения вообще называются изъяснительными или истолковательными (propositiones exponibiles).

§126.

Главные правила изъяснительных предложений

I. Всякое изъяснительно-утвердительное предложение равно соединительному. Например, *благородство есть единственная добродетель.* Смысл такой: и добродетель есть благородство, и все относящееся к добродетели есть благородство.

II. Всякое изъяснительно-отрицательное предложение равно разделительному: не один Платон мудр. Смысл такой: или Платон не мудр, или другой еще кто-нибудь мудр.

§127.

IV. Разделение предложений по способовидимости

Способовидимость (modalitas) предложений есть определение, которым означается, какую силу имеет некоторое предложение в уме человека, произносящего его.

Данное некоторое предложение в уме рассуждающего есть: 1) или сомнительное (проблематическое), или решительное (afsertorium); 2) или чистое раздробление (analysis), т. е. объяснение простого, или сложение многообразий (Synthesis), т. е. распространение некоторого познания; или 3) наконец, чистый образ суждения или практическое правило деяния. Следовательно, к разделению предложений по способовидимости их принадлежит больше, чем полагает Кант.

Поэтому предложения по способовидимости делятся на проблематические, или сомнительные, и решительные.

Проблематическими предложениями называются те, в которых нечто, как только быть могущее, произносится по причине неявной невозможности или возможности, случайности или необходимости, например, *быть может, что Кай учен.*

Предложениями решительными называются те, в которых нечто

подлинное или вероятное произносится по известной довольной или только преимущественной причине. Например, *Земля имеет свое движение вокруг Солнца. Покраснело небо, вероятно, будет дождь*. Подлинные предложения или совершенно, или только обыкновенно и нравственно-подлинные.

Предложениями совершенно- или метафизически-подлинными называются те, в которых наш ум усматривает столь необходимое сходство или несходство между подлежащим и сказуемым, считая себя в том без всякого обмана. Например, *круг есть круглый; целое больше своей части*.

Предложением нравственно-подлинным называется то, в котором наш ум усматривает столь сильное сходство или несходство между подлежащим и сказуемым, что в том, при благоразумном рассмотрении, считает себя без обмана. Например, *Рим существует. Цицерон был римским оратором. Петр Великий утвердил Российскую Империю*.

§128.

Аналитическими предложениями называются те, в которых нечто такое прилагается к подлежащему или отделяется от него, что уже в понятии или его сущности или совсем, или только отчасти содержится. Эти предложения суть единственно объяснительные, либо совсем, или отчасти тождественные. Они основываются на начале противоречия, следовательно, все категорические или безусловные, например, *всякое тело есть протяженное; всякий ученый имеет учебные познания*.

Синтетическими предложениями называются те, в которых такое сказуемое утверждается о подлежащем, которое не содержится в понятии или его сущности. Данные предложения основываются отчасти на опытности, а отчасти — на очевидности отношения, находящегося между подлежащим и сказуемым, и, наконец, на заключениях, заимствованных от разума или черпаемых из опытности. Например, *между всеми животными один человек смеется, всякое тело тяжело*.

Примечание. Это разделение предложений на аналитические и синтетические — новое не по самому делу, а только по их названию. Ведь уже де Сория первым называл предложениями тождественными (*Propositiones identicae*), а вторые — поучительными (*instructivae*), а Статлер в §183 своей «Логике» первые называет определенными

предложениями, вторые — неопределенными (*propositiones determinatae et inde terminatae*), поскольку довольная причина сказуемого подробно или только смешанно выражается или не выражается. Например, *Бог справедлив*, *Бог не лжив* — определенные предложения, а следующие: *камень теплый*, *камень не теплый* — неопределенные.

Свойства этих предложений, по Канту, следующие: 1) аналитические предложения не увеличивают наших познаний, а только объясняют их. Они сами по себе истинны, не требуют подтверждения от опытности, так как происходят из понятия о подлежащем. Основываются на начале противоречия, ведь с понятием сказуемого, заключающемся в понятии о подлежащем, то же вместе полагается и отъемлется — подтверждается и отрицается, допускается быть вместе и не быть. Следовательно, если будут утвердительные, то называются тождественными предложениями (*Judicia identitatis*). Если отрицательные — различительности (*Distinctionis*). 2) Синтетические же предложения утверждением такого сказуемого о подлежащем, какое не включено в нем, распространяют наше познание. Предложения этого рода хотя и не противны началу противоречия, но истина их от этого начала не происходит, ниже сама по себе очевидна, следовательно, должна иметь другое какое-нибудь начало или основание. В предложениях этого рода не утверждается тождество, а только неотлучное пребывание (*inhaesio*) того, что в данном подлежащем включается сверх признаков самим понятием о подлежащем изъясляемых. 3) Истина синтетических предложений утверждается на опытности. И по ней ясно, если они будут (эмпирические) опытственные, как, например, истина следующего предложения: *тело тяжело*, но если эти предложения — необходимые и повсемственные, то они не могут быть эмпирическими. То есть их нужно производить только от умозрения (*a priori*), такое, например, следующее предложение: *всякая перемена имеет причину*. 4) Мы имеем синтетические предложения — необходимые и повсемственные, которые должны происходить от умозрения (*a priori*), поскольку никаким образом не могут зависеть от опытности. Например, *тело имеет протяжение* — это аналитическое предложение (*a priori*), а *тело тяжело* — синтетическое (*a priori*) и все предложения чистой математики — синтетические (*a priori*). Напротив того, господин Цаллингер доказывает, что: 1) как первое, так и второе предложение — аналитические, потому что их сказуемые включаются в своих подлежащих; 2) они эмпирические, так как их подлежащие эмпирические, от опытности отвлеченные. Поскольку мы называем телом всякую протяженную, мягкую или твердую, тяжелую, непроницаемую, движимую вещь, то все эти признаки познаем по опытности. А так как, по учению

Канта, опытность не доставляет ни повсемственности, ни необходимости познания, то и эти его предложения не могут быть приняты за повсемственные и необходимые, что, однако, несправедливо; 3) Кант утверждает, что все геометрические предложения — синтетические, и что аналитические не увеличивают нашего познания. Но Цаллингер геометрически доказал, что предложение: *в каждом прямолинейном треугольнике все углы равны двум прямым*, аналитическое, подобным образом и другие теоремы называются аналитическими, но при всем том они распространяют наше познание. Смотри его *Disquisitionum Philosophiae Kantianae. Lib. I. §. 14* и следующие.

§129.

Эти предложения или: 1) *теоретические* (умозрительные), в которых произносится одно сходство или несходство сказуемого с подлежащим, или произносится только то, что есть, или 2) *практические* (деятельные), в которых произносится то, чему должно или позволено быть по свободной человеческой воле, например, *бледная смерть равно стучится у дверей низкой хижины бедного, как и у дверей гордых палат царских. Pallida mors aequo pulsat pede pauperum tabernas, Regumque turres. Horatius. Столько нужно употреблять пищи и питья, чтобы укрепить, а не ослабить силы. Цицерон.*

Предложение *теоретическое*, как и практическое, есть или доказательное, или недоказательное, поскольку соединение, или разделение терминов, само по себе не явственно или явственно и очевидно. Например, *человеческая душа неразрушима. Невозможно, чтобы одно и то же вместе было и не было.*

§130.

Предложения *теоретические* или *аксиомы*, или *теоремы*. Первые не требуют никакого доказательства, например, *целое больше своей части; то, что уже сделано, не может быть не сделанным*. Вторые требуют доказательства, например, *простое сущее не имеет величины*, что можно доказать определением простого сущего и величины.

Во всякой теореме нужно замечать сугубое: положение и доказательство. *Положением* (thesis) называется то самое, что доказывается, а *доказательством* (probatio) — те приводимые причины, которыми ясно и обстоятельно доказывается связь или противоречие посредством некоторых понятий, например, положение

будет: *человеческая душа есть дух; человек не есть всеведущее сущее*. Но причины, приводимые в доказательство этих положений, составят доказательство.

§131.

Практическое предложение не доказываемое или не требующее никакого доказательства, называется *требованием* (postulatum), исполнение которого предполагается как возможное, например, *проводи жизнь твою сообразно разуму; от одной точки к другой можно провести прямую линию*. Но доказываемое практическое предложение будет *проблема*, например, *к данной прямой линии через данный пункт провести параллельную линию, будет проблема*.

Во всякой проблеме встречаются три части: 1) *задача* или вопрос, которым выражается то, что следует доказать; 2) *решение* (Resolutio), то есть способ, по которому можно достигнуть желаемой цели; 3) *доказательство* (Demonstratio), которое есть не что иное, как причины, по которым при помощи решения можно доказать, что задача есть истинная.

§132.

Сюда еще относятся леммы (заимствованные положения), примечания и следствия. *Лемма* есть занятое из других наук положение, служащее для доказательства нашего положения, например, для доказательства многих истин в естественном праве и нравоучительной философии заимствуем в психологии данное положение: *человеческая воля свободна*.

Прибавления (Scholia) суть примечания, которыми объясняется то, что в предыдущих предложениях казалось еще темным. Здесь по большей части объясняется польза и употребление, показывается автор и обстоятельство изобретенного положения и прочее.

Следствие (corollaria, consecretaria vel porismata) суть положения, которые проистекают из определений или других положений, прежде уже доказанных. Например, из доказанного данного положения: *страсти возмущают внимание, будет такое следствие: следственно и гнев возмущает внимание*.

ОТДЕЛЕНИЕ II.

О внутренних основаниях предложений и непосредственных заключениях или умствованиях, основывающихся на законах этих предложений

§133.

Все внешнее различие предложений основывается на их: 1) *противоположении*, 2) *подчинении*, 3) *превращении* и 4) *единозначении*. А на правилах данных предложений основываются непосредственные заключения, которые в критической философии называются умозаключениями (*ratiocinia intellectus*).

§134.

I. Противоположение предложений

Противоположение вообще есть сношение противных между собою предложений. А *противные предложения* те, которые не могут состоять вместе, потому что одно о том же подлежащем утверждает то, что другое отрицает, и наоборот. Предложения по противоположению делятся на противоречивые, противные и подпротивные.

Предложениями противоречивыми (*contradictoriae*) называются те, в одном из которых то же сказуемое о том же подлежащем утверждается повсемственно, а в другом отрицается особенно. Например, *всякая добродетель есть честная; некоторая добродетель не есть честная*. *Противные предложения* — те, одно из которых утверждает повсемственно то, что другое повсемственно отрицает. Например, *всякий порок достоин презрения; никакой порок не достоин презрения*. *Предложения подпротивные* (*Subcontraria*) — те, одно из которых утверждает в частности то, что другое, в частности, отрицает. Например, *некоторые люди суть ученые; некоторые люди не суть ученые*.

Все данные предложения сходны в том, что одно из них во всех трех случаях утвердительное, а другое — отрицательное. Различны же они в том, что в противных предложениях оба повсемственные, в

подпротивных — оба особенные. Наконец, в противоречивых одно повсемственное, а другое — особенное предложение полагается. Из этого ясно, что количество и качество предложений служат основанием их противоположности.

§135.

Закон противоречивых предложений

Противоречивые предложения никогда не могут быть вместе истинными, ниже — вместе ложными.

1. Не могут быть вместе истинными, ведь к истине предложений требуется то, чтобы в них сказуемое было сходственно с подлежащим. В противоречивых предложениях нет сходства, поскольку одно и то же сказуемое об одном и том же подлежащем вместе утверждается и отрицается, следовательно, не могут быть вместе истинными. Это можно объяснить примером: предположим, что следующие предложения: *всякий логик пишет; некоторый логик не пишет*, суть вместе истинные, то в этом предположении и тот логик должен будет писать, который не писал, что делает истинным данное предложение: *некоторый логик не пишет*, иначе не будет истинным другое предложение: *всякий логик пишет*, следовательно, тот же логик будет одновременно писать и не писать. Какая нелепость!

2. Не могут быть вместе ложными, ведь и в этом случае одно и то же было бы и не было вместе. Это можно объяснить тем же самым примером: *всякий логик пишет; некоторый логик не пишет*. В предположении, что эти предложения одновременно ложные, тот же логик, который не писал, создает данное предложение ложным: *всякий логик пишет*, должен будет вместе писать, иначе предложение *некоторый логик не пишет*, будет истинным, следовательно, тот же логик будет вместе писать и не писать. Это гораздо яснее показывается в двух единственных предложениях, по одному качеству противоречивых, следовательно, то же вместе утверждающих и отрицающих. Например, *Цицерон красноречив; Цицерон не красноречив*. Отсюда происходит следующее неоспоримое правило для умствований: по истине одного противоречивого предложения можно делать выводы без всякой погрешности о ложности другого, и по ложности одного — об истине другого.

§136.

Закон противных предложений

1. *Противные предложения не могут быть вместе истинными.* Если бы два противных предложения могли быть вместе истинными, то, поскольку они всеобщие и, следовательно, подчинительные, были бы вместе истинны, ведь что в подчинительном повсеместно, то же самое в подчиненном предложении в особенности о том же подлежащем произносится. И, таким образом, произойдут четыре истинных предложения, в которых содержатся две пары противоречивых предложений, следовательно, два противоречивых предложения были бы вместе истинными, что противно закону противоречивых предложений (§135). Например, если бы эти два противных предложения были бы вместе истинными: 1) *Всякий человек лжив*, 2) *никакой человек не лжив*, то бы и их подчиненные были вместе истинными, 3) *некоторый человек есть лжив*, 4) *некоторый человек не есть лжив*. Поэтому первое с четвертым, а второе — с третьим будут противоречивыми предложениями и одновременно истинными, что само по себе неприлично.

II. *Противные предложения могут быть вместе ложными в случайном веществе, но не в необходимом.* Ведь то, что только случайным образом сходствует с видом, в некоторых неделимых находится, а в других не находится, поэтому как утвердительное всеобщее, так и всеобщее отрицательное предложение может быть одновременно ложным. Например, эти предложения: *всякий человек учен; никакой человек не учен* — на самом деле ложны.

Во-вторых, поскольку то, что считается необходимым для целого вида, должно быть сообразно и всем неделимым, которые содержатся под тем видом. Например, эти два предложения: *всякая добродетель есть честная; никакая добродетель не есть честная* — не могут быть вместе ложными.

Поэтому в необходимом веществе по справедливости одного противного предложения правильно заключается о ложности другого и, наоборот, — по ложности одного — о справедливости другого. Наоборот, в случайном веществе хотя и можно заключать по справедливости одного о ложности другого предложения, однако по ложности одного о справедливости другого заключать нельзя, ведь в случайном веществе оба предложения

могут быть вместе ложными.

§137.

Законы подпротивных предложений

Подпротивные предложения не могут быть вместе ложными, потому что они подчиненные. Следовательно, и их подчинительные были бы вместе ложными, что никогда не может быть, и мы это докажем ниже. Например, если бы данные предложения: *некоторые люди суть ученые; некоторые люди не суть ученые*, были вместе ложными, то и их подчинительные: *все люди суть ученые; никаких людей нет ученых* — были вместе ложными. Между этими четырьмя предложениями два противоречивые, которые были бы вместе ложными, что противно §135.

Подпротивные предложения могут быть вместе истинными в случайном веществе, но не в необходимом.

Первое — потому что сказуемое, приличествующее виду только случайным образом, может некоторым неделимым приличествовать, а другим — нет. Следовательно, оба могут быть вместе истинные, как следующие: *некоторые люди суть ученые; некоторые люди не суть ученые*.

Второе, потому что сказуемое, приличествующее или не приличествующее целому виду необходимо, так же необходимо сходствует или не сходствует с каждым неделимым под содержащимся видом, например, эти предложения не могут быть вместе истинными: *некоторая добродетель есть честная; некоторая добродетель не есть честная*.

Поэтому по несправедливости одного подпротивного предложения правильно заключаем об истине другого. Но по истине одного — о несправедливости другого, только в необходимом веществе, но не случайном, бывает правильное заключение.

§138.

Подчинение предложений и их законы

Подчинение (subalternatio) — такое свойство предложений, по силе которого пространнейшее или большой обширности предложение заключает в себе предложение теснейшее или меньшей обширности. Первое называется *подчиняющим*, которое повсеместно нечто утверждает или отрицает, например, *всякий человек есть смертен*.

Второе же *подчиненное*, которое особенно нечто утверждает или отрицает, например, *некоторый человек смертен*. Следовательно, всякое повсеместное предложение есть подчиняющее, а особенное — подчиненное, но оба должны быть утвердительными или отрицательными. Например, *всякая добродетель похвальна; некоторая добродетель похвальна*.

§139.

Правила подчинения

1. *Если подчиняющее предложение — истинное, то и подчиненное будет истинным*. Ведь если подчиняющее предложение истинное, тогда сказуемое приличествует всему тому, что только содержится в подлежащем, следовательно, должно приличествовать и некоторым в том же подлежащем содержащимся. Например, если это предложение — *некоторый человек учен* — истинно, то и следующее: *некоторый человек учен*, должно быть истинным.

2. *Если подчиненное предложение ложно, то и подчиняющее будет ложным*. Поскольку когда подчиненное предложение ложно, тогда сказуемое некоторым не приличествует, следовательно, тем меньше может приличествовать всем, а потому и подчиняющее предложение будет ложно. Например, *некоторый порок честен*. Данное предложение ложно, следовательно, и подчиняющее — *всякий порок честен* — должно быть ложным.

3. *Подчиняющее предложение в случайном веществе может быть ложным, но его подчиненное — истинное*, поскольку переменчивый признак может некоторым приличествовать, хотя и не всем. Например, *всякий человек учен; некоторый человек учен*. Но в необходимом или невозможном веществе, если подчиняющее предложение ложное, то и его подчиненное будет ложным. Например, *всякой добродетели нужно избегать; некоторой добродетели нужно избегать*.

4. По той же самой причине в случайном веществе подчиненное предложение может быть истинное, хотя бы его подчиняющее и не было таким, например, *некоторый человек живет добродетельно; всякий человек живет добродетельно*. Но в необходимом веществе этого быть не может, например, *некоторая добродетель есть честная; всякая добродетель честна*.

§140.

Обращение предложений

Обращение предложений (*conversio*) есть перемена подлежащего на сказуемое, а сказуемого — на подлежащее, без нарушения истины предложения. Например, *никакой человек не есть камень*, меняется на: *никакой камень не есть человек*. 1. Во всяком обращении нужно замечать два предложения, одно из которых называется *обращенным* (*conversa*), термины которого меняются, или *обращающее* (*convertens*), которое происходит из правильно перемещенных терминов, как видно из выше предложенного примера. 2. Во всяком обращении должны оставаться одни и те же термины, одно и то же качество, иначе не было бы одной и той же связи терминов. 3. Обращающее предложение следует принимать в таком смысле, какой имело обращенное, т. е. если одно имеет условный или необходимый смысл, то и другое должно иметь такой же смысл.

Данное обращение может быть двояким образом просто (*simpliciter*), случайно (*per accidens*) и противоположительно (*per contrapositionem*).

Простое обращение есть перемена терминов без нарушения их прежнего количества. Например, *никакой человек не есть дерево; никакое дерево не есть человек*. *Случайное* обращение есть перемена терминов с переменной их количества, например, *всякий философ есть человек; некоторый человек есть философ*. *Противоположительное* обращение — перемена терминов, таким образом учрежденное. Что оба термина преобразовываются из ограниченных в неограниченные, с прибавлением обоим отрицательной частицы «не», например, *некоторый человек справедлив; нечто несправедливое есть не человек*.

§141.

Правила обращательных Предложений содержатся в следующих принятых Логиками стихах:

fEcl simpliciter convertitur EvA per accid. AstO per contra sic fit converfio tota. mo esmb:

Во 1) Е. Означает-то, что предложение повсеместно

отрицательное, а I. предложение особенно утвердительное обращаются просто. *Никакой Богохульник не есть праведник*; обрати: *никакой праведник, не есть Богохульник*. Особенности же: *некоторый человек есть животное*, обрати: *некоторое животное есть человек*. Во 2) Е. А. Означает то, что предложение повсемственное как отрицательное так и утвердительное обращается случайно. Напр. *Всякое счастье человеческое сопряжено с несчастьем*. – Обрати: *нечто сопряженное с несчастьем есть счастье человеческое*. *Никакой добродетельной не есть обманщик*. – Обрати: *некоторые необманывающие суть добродетельны*. Во 3) А О означает то, что предложение повсемственное утвердительное и особенное отрицательное обращается посредством противоположения. Напр. *Всякой грешник в день*. – Обрати: *все небедное не грешник*. – Сие обращение очень редко употребляется.

§142.

Осторожности касательно обращения предложений суть следующие. 1. Есть ли подлежащее и сказуемое в предложении повсемственном утвердительном суть одинаковой обширности в значении, то можно оное обратить просто; но сие обращение только вещественно будет правильное. Ибо не всякое предложение утвердительное всеобщее принимает подобное обращение. – Напр. худое бы было сие обращение: *Всякой человек есть животное*, обрати: *всякое животное есть человек*. Ибо сказуемое в утвердительном предложении приемлется особенно, а по сему не имеет одинаковой обширности в значении с подлежащим предложения всеобщего. – Напротив того сказуемое предложения отрицательного всегда приемлется повсемственно или во всей его обширности, а по сему в обращении терминов можно его принимать за подлежащее всеобщее, и тем еще более особенно. 2. Чтобы обращение было правильное, должно разобрать обращенное предложение, коего подлежащее или сказуемое не выразительно; или когда глагол находится в будущем, или прошедшем времени, то разбор бывает посредством глагола существительного, в настоящем времени изъявительного наклонения напр. *старик был отроком*. – худо бы было обращено так: *отрок был стариком*. Но надобно разобрать: *Старик есть тот самой, который был отроком*, следственно никто бывший отроком есть старик. – *Всякой грешник ненавидит света* – не хорошее было бы обращение: *следственно некоторый свет ненавидит Грешника*. Но надобно обратить некто

ненавидящий света, есть Грешник.

Употребление обращений служит как к тому, чтобы истину скрывающуюся в одном предложении более делать известною в другом; так и к тому, чтобы силлогизм не совершенный переменить на совершенный, и удобнее узнать, правильно ли одно предложение выводится из другого.

§143.

Единознаменование предложений

Предложения *единознаменательные* (aequipollentes) называются те, которые хотя различествуют словами, но один и тот же имеют смысл. Напр. *Не всякая надежда сопряжена с боязнью, некоторая надежда сопряжена с боязнью.* Единознаменательность (aequipollentia) есть приведение двух противоположенных предложений к одному и тому же смыслу посредством частицы *не*. Сие единознаменование противоположенных предложений бывает следующим образом.

1. Противоречивые предложения приводятся к единознаменанию, когда перед подлежащим одного из обоих предложений поставляется частица, отрицательная *Не*, напр. *Всякая надежда сопряжена с боязнью, некоторая надежда не сопряжена с боязнью.* Первое предложение с вторым будет иметь тоже значение, ежели оно произнесется следующим образом: *Не всякая надежда сопряжена с боязнью.*

2. Противные — Когда за подлежащим поставляется частица *не* напр. *Всякая надежда имеет сопряженную боязнь, ни какая надежда не имеет сопряженной боязни,* второе с первым тоже будет значить, ежели так переменится: *Никакая надежда не имеет сопряженной боязни.*

3. Подчинительные — когда частица *не* поставляется перед подлежащим одного какого-либо предложения из обоих. Напр. *Всякая надежда сопряжена с боязнью, некоторая надежда сопряжена с боязнью.* Вторая с первой будет иметь тоже значение, ежели произнесется так: *не некоторая надежда сопряжена с боязнью.*

Примечание. Обращение и приведение предложений к единознаменанию почти ни какого не имеет употребления в наши времена, но у одних Софистов и Схоластиков имели большую цену для поддерживания или окончания споров.

ГЛАВА III.

О умствовании и главнейших оного родах

ОТДЕЛЕНИЕ I.

О умствовании вообще и его началах

§144.

Как тело человеческое возрастает постепенно, так и силы душевные вместе с телом увеличиваются, а способности и действия обнаруживаются. Между сими действиями ума, первое было понятие, или простое понимание вещей, второе рассуждение и выражение оного словами т. е. предложение; теперь следует главнейшее действие ума нашего, которое называется умствованием;

Сие действие свойственно одним разумным существам, коим они особливо отличаются от прочих бессловесных животных, следственно наука об умствованиях тем более достойна нашего внимания, чем известнее, что без правильного умствования жизнь человеческая строптива и многим заблуждениям подвержена.

Умствование (:Ratiocinium vel Ratiocinatio:) есть действие ума нашего, посредством которого он понимает взаимное сходство или несходство двух понятий между собою для понятого сходства или несходства оных с третьим некоторым понятием. Напр. когда я имею понятие о *свете* и понятие о *теле*, то еще не могу назвать свет телом, пока не сыщу третьего понятия, посредством коего можно бы усмотреть некоторое сходство между светом и телом. Напр. таковое понятие сыщу в природе тела; ибо всякому телу свойственно то, что оно *касаться* и *прикосновенным быть может*, но поелику о свете примечаем, что он касается и прикосновенным быть может, то из сего заключаем, что свет есть тело, ибо оба они в понятии прикосновения сходственны, что вкратце изображаем так:

Все то есть тело, что касается и прикосновенным быть может, но свет касается и прикосновенным быть может, следственно свет есть тело. Подобным образом и о воздухе умствовать можно.

§145.

Из сего явствует, что ум наш тогда умствует, когда он сравнивает два понятия с третьим, и увидя сии два понятия сходственные с третьим заключает, что они и между собою сходственны; есть ли же приметить, что два понятия несходственны с третьим, то он заключает, что они и между собою несходственны, следственно в трех только случаях умствование может иметь место: 1) Когда два понятия сходствуют с одним третьим, 2) Когда одно понятие сходствует, а другое не сходствует с третьим, и 3) Когда оба понятия не сходственны с третьим. В первом случае ум наш утверждает взаимное сходство двух понятий, во втором не сходство, в третьем же ни утверждения, ни отрицания не бывает.

§146.

Отсюда происходят аксиомы следующие.

I. Ежели две вещи сходствуют с третьею; то они между собою сходственны.

II. Ежели из двух вещей одна сходствует с третьею, а другая не сходствует; то они и между собою не сходственны.

III. Ежели из двух вещей ни одна не сходствует с третьею, то таковые могут быть между собою сходственны или не сходственны.

Напр. хотя мы видим, что понятия *Павел* и *человек* не сходствуют с третьим понятием *Лев*, но они между собою сходственны, ибо Павел есть человек. 2. *Человек* и *Лев* не сходствуют с третьим понятием напр. *Камень*, но они и между собою несходственны.

Первая аксиома служит, основанием для утвердительных умствований, вторая для отрицательных, по третьей же никакое заключение не производится; поелику не известно взаимное сходство или не сходство двух понятий.

Пример умствования утвердительного:

1. Каждый человек есть смертный, Иван человек; ибо Иван смертный.
2. Всякое сущее простое неразрушимое, душа человеческая есть сущее простое; Ибо душа человеческая есть неразрушимая.

Пример умствования отрицательного:

1. Всякое тело есть сущее сложное, дух не есть тело; ибо дух не есть сущее сложное.
2. Всякий грех делает нас неблагополучными, Воздержание не есть грех; ибо воздержание не делает нас неблагополучными.

§147.

Хотя тот человек судит, который умствует, однако ж различие между умствованием и рассуждением из самого качества и того и другого ясно усматривается; оно состоит в том, что мы понимаем сходство или не сходство двух понятий в каком-нибудь рассуждении без всякого сравнения оных с третьим понятием; А в умствовании всегда употребляется сравнение двух понятий с третьим, для усмотрения сходства или несходства тех же понятий.

§148.

Во всяком умствовании три только понятия находятся. Ибо мы тогда умствуем, когда понимаем взаимное сходство или несходство двух понятий, по причине их сходства или не сходства с третьим понятием. Но поелику сие сходство ищется посредством сравнения двух понятий с третьим, сравнение же бывает в рассуждениях; следственно и три рассуждения находятся в умствовании, которые называются его частями, и именуются: 1) Предыдущею (*Antecedens*), 2. Последующею (*consequens*) и 3) Последованием (*consequentia*).

Предыдущая часть есть сложение двух рассуждений, в которых сходство или несходство двух понятий с третьим изображается.

Последующая часть есть третье умствование рассуждение, в котором изображается сходство, или несходство двух понятий между собою.

Последование есть связь предыдущей части с последующею, основанная на той причине, которую предыдущая в себе заключает, и для которой последующая бывает истинною и правильною.

Из сего следует, 1. что в умствовании никакого не бывает последования, ежели последующая часть не проистекает из предыдущей; ибо в таком случае предыдущая часть не содержит в себе причины последующей части, напр. Палка в углу стоит, следственно дождь идет.

2. Последование никогда не может быть различаемо, ибо мы обыкновенно различаем слова или предложения сомнительные, последование же не есть слово, ни предложение сомнительное; следственно различать оного не можно. А по сему.

3. Последование только утверждается, или только отрицается; ибо последование есть связь, которая или находится или не находится в умствовании: ежели в нем находится, то последование утверждается, есть ли же не находится, то последование отрицается.

§149.

Поелику умствование содержит в себе три рассуждения и последование, то есть, связь между оными; то оное рассматривается как бы нечто сложное, коего одну часть составляют три рассуждения, и называются *веществом* умствования (*materia*), вторую же часть, которая называется *образом* (*forma*), составляет последование или связь, находящаяся между предыдущею и последующею частями.

Из сего удобопонятно, что последующая часть называется *образно-истинною* (*consequens formaliter verum*;) тогда, когда в предыдущей части содержится довольная причина, для которой последующая есть истинная; а *вещественно-истинною* бывает тогда, когда она есть истинная только касательно вещества, т. е. поелику она как суждение в особенности рассматривается, то для того сама по себе есть истинная, а не для тех причин, которые содержатся в предыдущей части. Напр. *всякое сущее простое есть не разрушимое, но душа человеческая есть сущее простое, ибо душа человеческая есть неразрушимая*, В сем умствовании последующая часть есть образно истинная; Но в следующем только вещественно-истинная: *Душа человеческая есть вещество, а всякое вещество есть существо, следственно душа человеческая есть существо*. Ибо душа есть существо по другим причинам, а не для того, что всякое вещество есть существо.

§150.

Из сего следует: I. что последующая часть может быть образно-истинною, а вещественно-ложною. Поелику рассуждение, составляющее последующую часть и рассматриваемое в особенности, может быть ложным, хотя по образу (форме) и сопряжено с предыдущею частью, как в следующем умствовании. *Всякий порок есть презрения достойный, но воздержание есть порок, ибо воздержание есть презрения достойно*. II. Последующая часть может быть образно-ложною, а вещественно истинною, ежели последующая часть не будет иметь никакой связи с предыдущею частью, но как рассуждение, в особенности рассматриваемое, само по себе будет истинное, как-то показывает выше упомянутое умствование: *Душа человеческая есть вещество, но всякое вещество есть существо, ибо душа человеческая есть существо*. III. Последующая часть может быть ложною как образно, так и вещественно. Ибо может быть, что последующая часть не будет сопряжена ни с предыдущею частью, ниже сама по себе раздельно рассматриваемая есть истинною, напр. *некоторый человек есть Христианин, но всякой жит есть человек*,

ибо жит есть Христианин. IV. Последующая часть может быть и образно и вещественно истинною, ежели будет связь между последующею и предыдущею частью, и ежели все рассуждения будут сами по себе истинные. Напр. *Всякое тело есть делимое на части, но камень есть тело, ибо камень есть делимый на части.*

§151.

Ежели последующая часть есть истинная по той причине, которую предыдущая в себе содержит; то последующая тайно уже включается в предыдущей части, а по сему то, что в последующей исключительно и явственно произносится, в предыдущей включительно и сокровенно уже было сказано, следственно все то должно быть истинным или ложным произнесенное исключительно, что было истинным или ложным включительно.

Отсюда происходят следующие правила (каноны), коих весьма великое употребление бывает как в изыскании истины, так и в предложении изысканной уже другим кем-нибудь.

- 1) Ложная последующая часть никогда не может правильно следовать из истинной предыдущей части.
- 2) Ежели последующая часть взирая на правила, есть ложная, то и предыдущая должна быть ложною.
- 3) Истинная последующая часть никогда не может правильно следовать из ложной предыдущей части.
- 4) Есть ли последующая часть есть правильно истинная, то и предыдущая должна быть истинною.
- 5) Все то, что может быть сходственным, или не сходственным с истинною предыдущие части, может сходствовать или не сходствовать с истинною правильной последующей.

Здесь надобно заметить, что понятие, с которым сравниваются два понятия, обыкновенно называется *средним*, поелику оно полагается между теми понятиями, которых ищется сходство или несходство.

§152.

Умствование есть или утвердительное, или отрицательное; в первом заключение бывает утвердительное, а во втором отрицательное; умствование словами изъясненное называется доказательством (*argumentatio*) Напр. *Всяк добродетельный живет благополучно, но Семпроний есть добродетельный, ибо Семпроний живет благополучно.*

Всякий грех разрушает человеческое благополучие, но воздержание не есть грех, ибо воздержание не разрушает человеческого благополучия.

Поелику доказательство (argumentatio) есть умствование словами выраженное, то следует из сего, что все сказанное о умствовании, должно разуметь и о доказательстве; я по сему доказательство будет или утвердительное или отрицательное.

§153.

Начала доказательств утвердительных

I. Все то, что утверждается о роде или о виде, утверждается и о всех тех вещах, которые содержатся под родом или видом.

II. Вещи сходственные с одною третьею должны быть и между собою сходны. Ибо вещи с одною третьею сходственные имеют то для себя общее, в чем они сходствуют с третьею. Напр. *Всякий человек есть животное, но Павел есть человек, следственно Павел есть животное.*

§154.

Начала доказательств отрицательных

I. Все, что отрицается о роде или о виде, должно так же быть отрицаемо и о его низших видах; ибо определения иди свойства, неприличествующие роду и виду, не могут также приличествовать и их низшим видам, напр. *Никакой человек не есть лев, но Павел есть человек, ибо Павел не есть лев.*

II. Ежели из двух понятий одно сходственно с третьим, а другое не сходственно; то таковые не могут быть и между собою сходственны, напр. *Золото есть руда, но мрамор не есть руда, ибо мрамор не есть Золото.*

Примечание. Ежели из двух понятий ни одно не сходственно с третьим, то они могут быть между собою сходны, или несходны; следственно заключение здесь не может иметь места.

§155.

Особые правила для произведения заключений из таковых суждений, в коих подлежащее и сказуемое бывают равной обширности в значении, как-то случается в определениях.

I. О чем утверждаемо или отрицаемо бывает подлежащее, о том должно быть утверждаемо или отрицаемо и его сказуемое. Напр. *Всякий человек есть животное разумное. 2. Всякое сущее простое есть неразрушимое, но тело не есть сущее простое, ибо тело не есть неразрушимое.*

II. О чем утверждается или отрицается сказуемое, о том и подлежащее должно быть утверждаемо или отрицаемо. Напр. *Всякий человек есть животное разумное, но Павел есть животное, разумное, ибо Павел есть человек. 2. Всякое сущее сложное имеет части, но душа человеческая не имеет частей, ибо душа человеческая не есть сложная.*

§156.

Особые правила для произведения заключений из таковых суждений, в коих подлежащее и сказуемое разной обширности в значении.

I. По положению вида заключается правильно и о положении рода; ибо в понятии вида содержится целое понятие рода. Напр. *Есть человек, следовательно есть и животное.*

II. По положению рода не правильно заключается о положении известного и определенного вида; ибо хотя целый род содержится в каждом виде, однако ж не один только род, напр. *Есть животное, следовательно человек.* Неправильно заключаю; поелику может быть вол, лошадь и проч.

III. По отрицанию рода заключается правильно и об отрицании всех видов. Напр. *Где нет никакого животного, там нет ни человека, ни волка, ни вола и проч.*

IV. По отрицанию одного или другого какого вида не правильно заключается об отрицании целого рода напр. *Где нет человека, там нет и животного;* Ибо где нет человека, там однако может быть волк, птица, следовательно животное.

V. Все то, что сходственно или несходственно с родом, так же сходственно иди несходственно с видом. Напр. *Всякое животное чувствует, следовательно и человек чувствует.*

VI. Что с видом сходственно или несходственно, то не может притом быть сходственно или несходственно с родом. Напр. *Человек есть разумный,* не можно заключить. *Следственно и животное есть разумное.* Примечание. Что здесь сказано о родах и видах, все то о видах и их неделимых или единственных вещах точно разумеется.

ОТДЕЛЕНИЕ II.

О силлогизме вообще и его правилах

§157.

Силлогизм есть умствование, словами выраженное, в котором три рассуждения изображаются тремя предложениями.

Хотя силлогизм называется умствованием, однако находится между ними некоторое различие, которое состоит в том, что умствование начинается с тех начал, из коих выводится заключение, следственно наиболее служит к изобретению новых истин; а Силлогизм начиная с заключения доходит до его начал, следственно употребляется уже для доказательства какой-нибудь истины — Смотри Hollmanni Logicam §447.

§158.

Вещество Силлогизмов

Веществом Силлогизмов называется то, из чего оные представляются — *Дальнейшее* вещество суть термины, а *ближайшее* предложения. — *Термины*, составляющие силлогизм, имеют свои собственные названия: один из них называется *большим* (terminus maior) означающим то, что посредством умствования хотим о вещи сказать, или который в заключении бывает сказуемым: второй *меньшим*, который означает вещь, о коей умствуем, следственно который в заключении бывает подлежащим. — Наконец *Средним* термином называется тот, в котором содержится довольная причина, для которой сказуемое в заключении сходствует с подлежащим. — *Большим* называется для того, что сказуемое бывает пространнее своего подлежащего. — Напр. *Всякая добродетель есть похвальна, но воздержание есть добродетель, следственно воздержание есть похвально.* — Здесь *хвалимая* есть термин больший, *воздержание* меньший, *добродетель* средний.

Поелику из сих терминов между собою совокупленных составляются предложения; то одно из них называется *большим*, другое *меньшим* а третье *заключением* — В большем предложении соединяется термин больший с средним — в меньшем предложении термин меньший с средним — а в заключении термин меньший с

большим совокупаются.

Меньшая часть Силлогизма обыкновенно начинается с частицы *но*. — Заключение же с частицы *Следственно*, или с краткого славянского союза *ибо*.

Термин больший и меньший вместе называются терминами *крайними*; поелику они занимают крайнее место в предложении, так, что одним начинается, а другим оканчивается предложение.

Предложение большее и меньшее одним именем называются *посылками* (:praemifsaе) поелику они предшествуют и как бы предпосылаются заключению; а именно большее предложение *большую* посылкою (praemifsa major), а меньшее *меньшею* (minor).

§159.

Термин средний познавается в данном каком-нибудь силлогизме, есть ли обращаем внимание на то слово, которое находится дважды в обеих посылках. Ибо никакое слово не может быть дважды в посылках силлогизма, кроме термина среднего; потому, что оба крайние термина соединяются в посылках с термином средним т. е. один в большей, а другой в меньшей посылке. Напр. Всякий *человек* смертен, но Павел *человек*, ибо Павел смертен. Здесь слово *человек* есть термин средний, поелику дважды находится в посылках.

2. Обратив заключение в предложение вопросное, можно посылки положить в ответе с наречием *понеже*, *ибо*, *поелику* и проч. таким образом слово, показывающее в ответе причину истинного заключения, будет термином средним, Напр. Всякий *человек* смертен, но Павел *человек*; ибо Павел смертен. Обратив же силлогизм в вопрос, будет: Для чего Павел смертен? должно отвечать: Поелику Павел человек, а человек смертен; итак слово *человек*, есть термин средний.

Ежели не сделан еще Силлогизм, тогда термин больший, меньший и средний узнать можно следующим образом: Ежели нет Силлогизма, то по крайней мере будет предложение, которое доказывается, или предложение, вопросное следственно подлежащее сего предложения будет термином меньшим, сказуемое большим, а то, слово, которое содержит в себе довольную причину, для которой сказуемое вопросного предложения сходственно или несходственно с своим подлежащим, будет термином средним.

§160.

О способе составлять Силлогизм

Из сего явствует, каким образом доказать можно некоторое предложение Силлогизмом? Напр. к доказательству сего предложения: *Великодушие имеет свою награду*. Надобно наперед узнать термин средний через вопрос: Для чего великодушие имеет свою награду? причина будет сия: ибо есть добродетель — Итак термин больший будут слова: *Имеет свою награду*, термин меньший *Великодушие* а средний *добродетель*.

Теперь совокупив термин больший с термином средним, произойдет большая посылка: *Всякая добродетель имеет свою награду*. Термин меньший с термином средним составит посылку меньшую: *Но великодушие есть добродетель*, а заключением будет самое доказываемое или вопросное предложение: *ибо великодушие имеет свою награду*. Таким образом составлены и сии силлогизмы: *Всякое движение имеет свою естественную причину, но земля имеет свое движение; ибо земля имеет естественную причину своего движения. Всякое животное движется самопроизвольно, но Камень не движется самопроизвольно; следовательно Камень не есть животное. Сквозь что видим, то прозрачно, но сквозь стекло видим, следовательно стекло прозрачно.*

§161.

Об образе Силлогизмов

Образ (:Forma:) Силлогизмов есть надлежащее расположение терминов и предложений для произведения правильного заключения. К образу Силлогизмов принадлежит фигура и способ оных. (:Figura et modus:).

Фигура есть надлежащее расположение термина среднего с терминами крайними. *Способ* есть надлежащее расположение трех предложений по их качеству и количеству для произведения порядочного заключения.

Из сего явствует, что посылки содержат в себе всегда довольную причину, для которой заключение бывает истинное. А по сему Силлогизм тогда называется *образно хорошим* (:fomaliter bonus:)

когда в посылках содержится довольная причина, для которой заключение есть истинное. *Вещественно же хорошим* Силлогизмом тогда бывает, когда заключение есть истинное по другой, а не по той причине, которая содержится в посылках.

§162.

Фигур Силлогизма столько быть может, сколько крат можно совокупить термин средний с терминами крайними, т. е. с подлежащим и сказуемым заключения. Совокупление же сие термина среднего с терминами крайними только четырежды быть может, следственно и фигуры Силлогизмов четыре только быть могут. Посему, ежели термин средний изобразим буквою М, подлежащее заключения буквою S, а сказуемое буквою Р, то в буквах произойдет следующее изображение сих четырех фигур.

Фигура 1.		Фигура 2.		Фигура 3.		Фигура 4.	
М.	Р.	Р.	М.	М.	Р.	Р.	М.
S.	М.	S.	М.	М.	S.	М.	S.
S.	Р.	S.	Р.	S.	Р.	S.	Р.

То есть Во 1-х Силлогизм будет в первой Фигуре, когда термин средний в большей посылке будет подлежащим, а в меньшей сказуемым. Напр. Всякая *добродетель* умножает наше благополучие, но воздержание есть *добродетель*, ибо воздержание умножает наше благополучие.

Во 2-х Силлогизм будет во второй фигуре, когда термин средний в обеих посылках будет сказуемым. Напр. Всякое сущее сотворенное *ограниченно*; но Бог не есть сущее *ограниченное*, следственно Бог не есть сущее сотворенное.

Во 3-х Силлогизм будет в третьей Фигуре, ежели термин средний будет подлежащим в обеих посылках. Напр. Всякий *дух* имеет разумение и волю, но некоторый *дух* есть сотворенный, следственно нечто сотворенное имеет разумение и волю.

В 4-х Силлогизм будет в четвертой Фигуре, ежели термин средний в большей посылке будет сказуемым, а в меньшей подлежащим. Напр. Никто добродетельный не *сластолюбив*, но все *сластолюбивые* суть люди, следственно некоторые люди не суть добродетельны. Между сими четырьмя фигурами первая всех превосходнее и сообразнее с самым качеством Силлогизмов, почему она одна по мнению некоторых и кажется

довольною, для соделывания порядочных Силлогизмов.

§163.

Каждая фигура содержит в себе столько способов, сколько крат три предложения различные качеством и количеством могут быть между собою расположены. Сие расположение бывает многоразличным образом, или различными способами, из коих диалектики избрали 19 Употребительнейших, для произведения порядочных заключений, и те способы для облегчения памяти изображают следующими Стихами.

bArbArA cElArEnt dArII fErIQue prioris
 cEsArE cAmErstrEs fEstInO bArOccO secundae
 tertia dArApeI sibi vindicat atque fElAptOn,
 adjungens dIsAmIs dAeIsI bOcArDO, fErIsOn
 brAmAneIp cAmEnEs dImArIs frEsApO frEsIsOn
 sunt quartae; et quini totidem generalibus orti
 nomen habent nulsum, nec si bene colligas usum.

Здесь надобно заметить, 1) что каждое слово означает некоторый способ фигуры, 2) в каждом слове Гласные буквы А, Е, I, О, суть знаки показывающие качество и количество предложения. 3) Первой слог в каждом слове определяет качество и количество большего предложения, второй меньшего, третий заключения. Итак способ первый в фигуре первой есть *bArbArA*.

bArb. Все люди смертны.

Ar. Но все ученые люди.

A. Ибо все ученые смертны. Итак о прочих смотри *Логику Киезеветера* §252.

§164.

О Силлогизме простом и его правилах

Силлогизм бывает или *подтвердительный* или *отрицательный* поколику заключение будет подтвердительное или отрицательное. *Простой* или *сложный*, поколику предложения бывают простые или сложные. *Совершенный* или *несовершенный*, поколику все три предложения выразительно предлагаются, или некоторое в них умалчивается.

Совершенный Силлогизм по разности того предложения, которое

полагается основанием или началом, бывает различный, то есть основное предложение есть или простое (категорическое) или сложное и сие последнее или условное или разделительное. Отсюда происходят три рода совершенных силлогизмов; *простой* (:категорический:) *условный* и *разделительный* (sullogismus categoricus, hypotheticus et disjunctivus).

§165.

Силлогизм простой (категорический) называется тот, в котором утвердительный или отрицательный признак сказуемого бывает также утвердительным или отрицательным признаком подлежащего или вещи.

Примечание. Кант утверждает, что понятие, которое ум человеческий по форме Силлогизма категорического производит о самостоятельном подлежащем (*absolutum subjectum*), каковым почитается всякий дух есть только образное (формальное), следственно такое, которому не соответствует никакой предмет в природе.

Но сие утверждение не справедливо; ибо как понятие о качествах неразлучно пребывающих (*qualitatum Inhaerentium*), а равно и понятие о телесных существах не есть только формальное, но паче действительное; так точно и понятие о самостоятельных подлежащих и о Стихиях яко соотношениях к вещным качествам неразлучно в них пребывающим, а также и понятие о телесном каком составе, не есть только формальное, но паче действительное; поелику понятие о самостоятельном подлежащем совести (т. е. о душе), а равно и понятие о самостоятельных подлежащих тел (: т. е. о Стихиях:) производится из свойства соотносительного к неразлучному пребыванию и сложению. Сие подтверждается самим качеством умствований наших; Ибо сущность умозаключений наших собственно состоит в том, что мы включение, или исключение сказуемого, находящегося в заключении усматриваем уже в подлежащем заключения посредством посылок, т. е. помощью сравнения с третьим понятием, а по сему самому заключаем следующим образом: Есть ли понятия и предложения, из коих составляются послылки, яко умопонятия и не посредственные умоположения предлежательно действительны, то и заключение по необходимости должно быть предлежательно действительное; Ибо из предлежательно действительных посылок, яко предлежательно действительного основания может только происходить предлежательно действительное заключение, наблюдая только притом

правильной образ умствования, дабы можно было уже в посылках действительно усмотреть включение или исключение сказуемого из подлежащего, в заключении находящегося; поелику же все Метафизические или Логические понятия от опытности отвлеченные явственно представляют возможный предмет, а повсемственные умоположения, кои составляют посылки для чистого умозаключения должны быть одни только аналитические, в которых подлежательное основание сказуемого в подлежательно действительном понятии подлежащего включенным усматривается; то разум по одним только достаточным подлежательным основаниям умствующий, со всем не может опасаться, чтобы он вместо действительной истины находил только подлежательное привидение (*apparentia*) и потому Кант весьма неправильно обвиняет только знаменитую познавательную силу человеческого разума, *яко бы оный по свойству своему тщетен и исполнен обманов, и будто бы нас поврежденной и неизбежной необходимости только обманывает пустыми привидениями*. Ибо разум человеческий бывает деятелен не по одному только желанию доставить своим понятиям подлежательное совершенство и систему, но также еще и по существенному испытательному своему духу сия деятельность его стремится к открытию подлежательного достаточного основания всех наших познаний, и деятельность сия может только удовлетворена быть достижением его цели т. е. достаточного подлежательного основания.

§166

Правила Силлогизма простого (категорического)

Правило I.

В правильном силлогизме три только термина должны находиться. Ибо Силлогизм есть умствование, а в умствования три только термина находятся

Сие правило преступают все те, кои употребляют в силлогизме четыре выразительных термина, кои не суть подобного значения. Напр. Всякое сущее простое есть неразрушимое, но душа человеческая есть существо, следственно душа человеческая есть неразрушимая.

Но привсем том ежели два термина будут подобного значения, то Силлогизм будет правильный напр. Всякое сущее мыслящее есть живое, но душа человеческая умствует, следственно душа человеческая есть живая. Здесь мыслить и умствовать одно и тоже значит.

Во-вторых погрешают против сего правила и те, кои хотя три только термина употребляют, но один между ними бывает двоякого значения,

как напр. *Кто пьяницу к воздержанию побуждает, тот Арапа мает, но кто Арапа мает, тот требует мыла; следственно кто пьяницу к воздержанию побуждает, тот требует мыла.* Здесь слова сии *Арапа мает* двоякое имеет значение; первое: *напрасно трудится*, а второе есть свойственно Грамматическое; и посему заключение есть сложное. — Подобным образом погрешителен и следующий силлогизм: *Мышь есть хлеб, но мышь есть один слог, ибо один слог есть хлеб.*

§167.

Правило II.

Термин средний не должен находиться в заключении.

Поелику с термином средним сравниваются два термина крайних для того, чтобы узнать, сходственны ли они между собою или несходственны; но поелику сие сравнение бывает в посылках, а не в заключении, следственно термин средний не должен находиться в заключении. Напр. всякий человек смертен, но всякое смертное есть животное, следственно всякое смертное есть человек. Но надобно заключить так: следственно всякий человек есть животное.

Неправилен будет Силлогизм и в таком случае, когда часть термина среднего входит в заключение, напр. *Всяк хороший солдат есть человек, но Семпроний хороший солдат, ибо Семпроний хороший человек.* Здесь слово *хороший* яко часть термина среднего вошла в заключение.

§168.

*О Количестве термина среднего**Правило III.*

Термин средний По крайней мере в одной посылке должен быть совершенно всеобщим.

Ибо в противном случае получит он разное значение, и тем самым войдут в Силлогизм четыре термина против правила первого. Получит же средний термин разное значение для того, что с сим термином сравниваются два термина крайних, кои всегда бывают разного значения. Напр. *Всякий человек есть животное, но осел есть животное, ибо осел есть человек.*

Притом же термин средний должен быть совершенно всеобщим, т. е. столь пространного значения, чтобы в нем не только род или вид, но и все вещи под родом и видом содержащиеся были изображены, иначе Силлогизм будет ложный, как напр. следующий: *Всякое животное было в*

Ноевом ковчеге, но я животное, следственно я был в Ноевом ковчеге. Но ежели термин средний будет единственный, то силлогизм будет хорош, хотя термин средний и не примется во всеобщем смысле; поелику термин единственный означает вещь в рассуждении всех своих частей определенную, следственно хотя и не возьмется всеобще, однако не переменит своего значения. Напр. *Платон был учение сократов, но Платон основал секту Академическую, следственно некоторый ученик сократов основал секту Академическую.*

§169.

О количестве терминов крайних

Правило IV.

Крайние термины не могут быть принимаемы в заключении во всеобщем смысле, ежели в посылках были взяты особенно. Иначе значение заключения было бы пространнее его посылок, чего никогда не можно допустить:

Поелику заключение содержится в посылках, а то, что содержится в другом, не может быть более оно, следовательно заключение не может быть обширнее своих посылок. А по сему крайние термины не могут быть принимаемы в заключении повсемственно, ежели в посылках были приняты особенно. Напр. *Все то имеет бытие, что мыслит, но никакое тело не мыслит, следственно никакое тело бытия не имеет.* Здесь слова: *бытие имеет*, в большой посылке особенно, в заключении же во всеобщем смысле взяты.

§170.

О качестве заключения

Правило V.

Ежели посылки утвердительны, то и заключение должно быть утвердительное.

Ибо ежели обе посылки утвердительны, то два понятия сходственны с третьим, а когда два понятия сходственны с третьим, то они и между собою сходственны; а как сие взаимное сходство двух понятий изображается в заключении, то и заключение должно быть утвердительное. Напр. *Всякий грех достоин презрения, но пьянство есть грех, следственно пьянство достойно презрения.*

§171.

Правило VI.

Ежели одна посылка отрицательна то и заключение должно быть отрицательное.

Ибо ежели одна посылка отрицательна, то одно понятие сходственно с третьим а другое несходственно; но есть ли из двух понятий одно сходствует а другое не сходствует с третьим, то они и между собою не сходствуют: Сие же взаимное несходство изображается в заключении; следственно и заключение должно быть отрицательное. Напр. *Никакое тело не умствует, но душа человеческая умствует, следственно душа человеческая не есть тело.*

§172.

Правило VII.

Обе посылки не могут быть вместе особенными, ни в Силлогизме утвердительном, ни в отрицательном.

В Силлогизме утвердительном

Ибо есть ли Силлогизм есть утвердительный, то обе посылки будут утвердительные; а ежели притом обе посылки будут особенны, то термин средний возьмется в них дважды особенно против правила III-го. Термин средний возьмется дважды особенно потому, что все термины в обеих посылках будут особенны, ибо два подлежащие будут в них особенные, поелику подлежащее особенного предложения всегда бывает особенное; а как сказуемое в предложении утвердительном всегда бывает особенное, то и два сказуемые будут особенные; между сими терминами дважды встречается термин средний, следственно термин средний в посылках дважды возьмется особенно. Напр. *Некоторый гнев есть добродетель, некоторая добродетель есть кротость ибо некоторая кротость есть гнев.*

В Силлогизме отрицательном

Ежели Силлогизм есть отрицательный, то одна посылка будет отрицательная и термин средний или будет подлежащим в посылке отрицательной, или сказуемым. — Есть ли будет подлежащим, то он дважды возьмется особенно: один раз в посылке отрицательной, поелику

подлежащее в особенном предложении бывает особенное, а другой раз в утвердительном предложении особенном, поелику в нем и подлежащее и сказуемое есть особенное – Против правила III. Напр. *Некоторая тварь есть человек, но некоторая тварь не есть разумная; ибо некоторый человек не есть разумный.*

Ежели термин средний в отрицательной посылке будет сказуемым, то хотя термин средний и возьмется во всеобщем смысле, однако заключение делается против правила 4-го, ибо в сем случае крайний термин больший в заключении возьмется повсемственно, хотя в посылках был только особенным; поелику тот же термин больший или будет подлежащим в отрицательном предложении, или сказуемым, либо подлежащим в предложении утвердительном, всегда будет особенным по свойству предложений особенных и утвердительных. А напротив того в заключении возьмется повсемственно потому, что заключение будет отрицательное, в котором сказуемое т. е. термин больший бывает всеобщий. Напр. *Некоторый нечестивый не был Философом; но некоторый Афей был Философом, ибо некоторый Афей не был нечестивый.* По тем же самим причинам есть ли одна посылка будет особенная, а другая единственная, то заключение не может быть правильное, напр. *Некоторый человек родился, но Антихрист есть человек, следственно Антихрист родился.*

§173.

Правило VIII.

Ежели одна посылка особенная, то и заключение должно быть особенное как в Силлогизме утвердительном так и отрицательном.

В Силлогизме утвердительном

Ежели Силлогизм будет утвердительный и одна посылка в нем особенная, то в сем случае оба термина крайние в посылках возьмутся особенно, то есть: подлежащее особенного предложения и два сказуемые по свойству предложений особенных и утвердительных, а одно только подлежащее предложения всеобщего будет всеобщий термин, и сей должен быть термин средний по правилу 3-му, а по сему три термина возьмутся особенно, между которыми будут два термина крайние, следственно заключение должно быть особенное, в противном же случае заключение было бы пространнее свих посылок, что противно правилу 4-му напр. *Всякая добродетель честна, но некоторый. Гнев есть добродетель,* теперь не можно заключить во всеобщем смысле: *Следственно всякой*

гнев честен, но особенно; следовательно некоторый гнев честен.

В Силлогизме отрицательном

Ежели в Силлогизме отрицательном одна посылка особенная, то опять два только термина возьмутся повсемственно т. е. Есть ли отрицательная посылка будет всеобщая, то и подлежащее ее и сказуемое будут термины всеобщие; а есть ли посылка утвердительная будет всеобщая, то ее подлежащее, и сказуемое отрицательной посылки будут термины всеобщие, между которыми один должен быть термин средний по правилу 3-му, а другой будет один из терминов крайних; следовательно один крайний останется еще особенным, но и тот в заключении возьмется повсемственно; поелику заключение не переменено будет отрицательное, а ежели к сему будет всеобщее, то в нем оба крайние термины возьмутся повсемственно, следовательно и тот термин будет в заключении всеобщим, который в посылках был особенным, а потому и заключение должно быть особенное. Напр.

1-е *Все честное есть добродетель, но некоторый гнев не есть добродетель; следовательно некоторый гнев не честен, но не повсемственно, ибо никакой гнев не честен.*

Или 2-е *Никакой добродетели не должно презирать, но некоторый гнев есть добродетель; ибо некоторого гнева не должно презирать, но не повсемственно: ибо никакого гнева не должно презирать.*

ОТДЕЛЕНИЕ III.

О Силлогизмах сложных и их правилах

§174.

Силлогизм сложный (Syllogismus compositus) есть тот, в котором или все, или по крайней мере одно предложение есть сложное. Между таковыми Силлогизмами первый есть *условный* (Syllogismus hypotheticus), в котором или все или по крайней мере одно предложение находится условное. Напр. Цицерон говорит: *Ежели человеку должно быть мудрым, то должно рачительно трудиться в Философии, но должно быть мудрым, следовательно должно рачительно трудиться в Философии.*

§175.

*Силлогизма условного**Правило 1-е.*

Ежели условие утверждается в меньшей посылке, то условное должно утверждать в заключении.

Ибо условие всегда содержит в себе довольную причину условного, следственно условие принимается как причина довольная, а условное как причиненное, но положивши довольную причину необходимо полагается причиненное и потому ежели в меньшей посылке утверждается условие, то условное должно утверждать в заключении. Напр. *Ежели мир управляется провидением, то Бог существует; но мир управляется провидением, следственно Бое существует.*

Примечание. Есть ли условие бывает отрицаемо в меньшей посылке, то условного не можно справедливо отрицать в заключении. Ибо отрекши условие в меньшей посылке, тогда только справедливо отрицаю условное в заключении, когда одна только причина справедливости условного будет та, которая содержится в условии. — Есть ли же больше будет причин, кои в условии не выражены, тогда хотя условие и будет отрицаемо в меньшей посылке, однако ж условное несправедливо отрицается в заключении, поелику оно может быть истинным для других причин не выраженных в условии. Напр. *Есть ли бы снег шел, то бы было холодно, но теперь снег не идет, следственно теперь не холодно.* Заключение ложно; ибо может быть холодно по другим причинам, хотя бы и снег не шел.

Правило 2-е.

Ежели условное отрицается в меньшей посылке, то условие должно отрицать в заключении.

Ибо довольная причина истинного условного всегда содержится в условии; следственно, ежели условное как причиненное есть ложное, то и причина Его, или условие должно быть ложное, а по сему и условие должно быть отрицаемо в заключении. — Напр. *Ежели душа человеческая есть тело, то она имеет части, но душа человеческая не имеет частей, следственно душа человеческая не есть тело.*

Примечание. Есть ли же условное утверждается в меньшей посылке, то условия не можно справедливо утверждать в заключении; ибо условное

может быть истинное по другим причинам, кои в условии не выражены, следственно, хотя условное утвердится в меньшей посылке, однако ж условия не можно справедливо утверждать в заключении. Напр. *Ежели Семпроний человекоубийца, то он злонравен, но Семпроний злонравен, следственно Семпроний человекоубийца*. Несправедливо заключение, ибо Семпроний может быть злонравен по другим причинам, напр. по пьянству, воровству и проч. –

Правило 3-е.

Когда в Силлогизме условном все предложения суть условные, тогда в точности наблюдать должно, чтобы условное меньшей посылки не было противным условию большей;

Поелику в таком случае произошло бы заключение противоречивое, в котором условное меньшей совокупляется с условием большей. Напр. *Есть ли кто станет воровать, тот будет повешен, но есть ли будет повешен не станет воровать; следственно, видели кто станет воровать, тот не станет воровать*.

И так ежели все условия и условные будут истинны, то условное меньшей посылки можно справедливо утверждать или отрицать под условием большей, ибо причина Причины есть также причиною Причиненного. — Напр. *Есть ли кто много желает, тот много требует, есть ли кто много требует, тот бывает беден, следственно есть ли кто много желает, тот бывает беден*.

§176.

Производится ли понятие о самостоятельной причине из формы условного умствования или Силлогизма ипотетического? Кант утверждает, что понятие о самостоятельной и высочайшей причине содержится в одной форме ипотетического Силлогизма, и следовательно что оно есть только формальное понятие, одно только свойство и закон человеческого ума, который по своему свойству стремится достигнуть совершенства и предела своего познания. – Но утверждение сие не справедливо. Ибо форма ипотетического умствования единственно состоит в том, чтобы разум утвердивши условие, утверждал условное, а не допустивши условного допускал бы и условия, из чего понятие о самостоятельной высочайшей причине никаким образом происходить не может. А когда о существовании самостоятельной высочайшей причины посредством условного умствования заключение делается, то понятие

об одной уже предполагается.

К понятию же о высочайшей причине, яко о самостоятельном некотором условии, ум человеческий возвышается необходимо от познания подчиненных и случайных причин; следственно понятие о самостоятельной причине также не может быть только формальное, как и понятие о причинах подчиненных и случайных не есть только формальное, ибо оно есть соотносительное первому понятию.

§177.

О Силлогизме соединительном и его правилах

Силлогизм соединительный (Syllogismus conjunctivus) есть тот, в котором одна посылка бывает предложением соединительным, коего члены столько себе противны, что они не могут быть вместе истинными. Напр. *Никто не может вместе следовать разуму, и повиноваться страстям, но некоторые повинуются страстям; следственно некоторые не последуют разуму.*

Правила Силлогизма соединительного

1. К правильности Силлогизма соединительного потребно, дабы его члены были в такой противоположности, чтобы им никогда не быть вместе истинными, следственно чтобы положением одного все прочие необходимо были отрицаемы. Сего требует самое свойство Силлогизма соединительного.

2. Есть ли один какой-нибудь член будет утверждаем в меньшей посылке; то прочие должны быть отрицаемы в заключении; и напротив есть ли один член будет отрицаем в меньшей посылке, то прочие должны быть утверждаемы в заключении. Ибо члены Силлогизма соединительного никогда не могут быть вместе истинными, следовательно коль скоро один утверждается как истинный, или как ложный, то прочие должны быть утверждаемы как ложные или истинные.

Напр. *Никто не может вместе и сидеть, и стоять, и лежать, но Кай стоит, следственно ни сидит, ни лежит, или отрицательно: Но Кай не сидит, следственно или стоит, или лежит.*

3. Все противоположные члены должны быть выразительным образом исчислены, в противном же случае хотя и утверждается один член в меньшей посылке, а прочие справедливо отрицаются в заключении; однако ж отрекши в меньшей посылке один член,

заклучение утвердительное и соединительное всегда будет ложное.

Напр. *Никто не может быть вместе в Петербурге и в Москве и в Риге*, правильно заключу так: *Но Кай в Петербурге, следовательно ни в Москве, ни в Риге*. Но заключение будет неправильно, да еще ложно, когда скажу; *Но Кая нет в Петербурге, следовательно он или в Москве, или в Риге*, что однако ж ложно; ибо он может быть в Киеве, или в Астрахане и проч.

О Силлогизме разделительном и Дилемме

§178.

Силлогизм разделительный (Syllogismus disjunctivus) называется такой, в котором одна посылка есть предложение совершенно разделительное, т. е. таковое, в котором все члены разделения исчисляются. Напр. *Душа человеческая или есть вещь созданная, или сам Создатель, но душа человеческая не есть сам создатель, следовательно душа человеческая есть вещь созданная*.

Правило

Силлогизма разделительного

Ежели один какой-нибудь член в меньшей посылке утверждается, то прочие члены должны быть отрицаемы в заключении и напротив, есть ли один член будет отрицаем в меньшей посылке, то прочие члены должны быть утверждаемы в заключении.

Ибо члены предложения совершенно разделительного не могут быть вместе ложными; следовательно коль скоро один утверждается, тем самым узнавается быть истинным, а по сему прочие должны быть ложными; истинные же вещи мы утверждаем, а ложные отрицаем; как-то выше сказано в самом правиле, напр. *Теперь или весна, или лето, или осень, или зима, но теперь весна, следовательно теперь ни лето, ни осень, ни зима*.

Примечание. Как в соединительном так и разделительном Силлогизмах внимания достойно то, что, когда один член в меньшей посылке утверждается, тогда заключение должно быть соединительно отрицательное; когда же в меньшей посылке один член отрицается, то заключение должно быть разделительно утвердительное, как-то выше приведенные примеры очевидно доказывают.

§179.

Дилемма есть умствование условно-разделительное, в котором из каждого члена предложения совершенно разделительного, нечто против соперника заключается, напр. На случай указа, изданного Императором Траяном против Христиан, защищение Тертулиана состояло в следующей дилемме: Или Христиане виновны, или не виновны; Есть ли виновны, то для чего отыскивать их запрещаешь, есть ли же не виновны, то для чего отысканных подвергаешь наказанию.

Подобным образом Скифы говорили Александру великому: *Или ты Бог, или человек; ежели ты Бог, то ты должен делать благодеяния смертным, а не похищать собственное их имя; а есть ли ты человек, то не забывай человечества.* Курций кн. 7. гл. 33. —

Дилемму некоторые называют умствованием условно-разделительным, то есть таковым, в котором условное есть предложение разделительное с отречением коего отрицается и условие. Напр. *Есть ли сущее простое естественным образом происходит из другого, то она происходит или из сущего простого, или сложного, но сущее простое не происходит из сущего простого, ниже сложного, следственно сущее простое естественным образом не происходит из другого.* Но сие определение дилеммы не показывает ничего отличительного от условного умствования, кроме того, что в условном умствовании условное может быть разделительное, которое по правилу 2-му о силлогизме условном ежели не допустится в Меньшей посылке, то и условие не допускается в заключении.

Некоторые опять определяют: что дилемма есть вообще умствование, в котором предложения условные с разделительными вместе помещаются. — Но и сие объяснение еще не изражает сущности дилеммы, потому что в дилемме из каждого члена разделительного предложения нечто заключается против соперника.

Правила Дилеммы

1. Разделение должно быть совершенное т. е. в основном разделительном предложении Дилеммы все члены должны быть исчислены; — Ибо в противном случае соперник не допустив

предыдущей уничтожить силу Дилеммы — Напр. Цицерон погрешил, доказывая дилеммою сие предложение: *Люди не должны бояться смерти, потому, что душа или погибнет с телом, или по смерти тела будет наслаждаться благополучием.* — Ибо душа по разлучении с телом может быть также и несчастною.

2-е Все то, что из некоторого члена заключается, должно в том же члене иметь довольную причину, по которой из оного производится сие заключение; иначе же соперник не допустив выводимого заключения как ложного и не имеющего довольной причины в члене, уничтожит силу дилеммы. Напр. *Мы не должны смерти бояться: потому что душа или погибнет с телом, или останется по смерти тела; ежели душа по смерти тела погибнет, то мы не должны бояться смерти, поелику душа не будет ничего больше чувствовать; А ежели душа по смерти тела останется, то мы опять не должны бояться смерти, поелику душа по смерти тела будет наслаждаться благополучием.*

В сем умствования можно не допустить обоих заключений; ибо в первом случае мы должны бояться смерти по причине жестоких болезней, кои бывают при разлучении души с телом; во втором же для того, что душа по смерти тела может быть также и несчастною.

3) Дилемма не должна быть обратною т. е. должна быть таким образом составлена, чтобы противник не мог оную оборотить против нас, и уловить нас нашими собственными словами. Поелику таковая дилемма не имеет никакой силы на утверждение нашего мнения.

— Не правильна будет дилемма следующая; *Не желай, ниже принимай гражданской должности; ибо ты будешь отправлять принятую на себя должность или хорошо, или худо; ежели хорошо, то навлечешь на себя гнев людей; а ежели худо, то ты прогневишь Бога.*

Противник может оборотить сию дилемму следующим образом; или хорошо, или худо буду отправлять принятую должность есть ли хорошо, то будет приятно Богу, есть ли худо, то людям будет приятно.

Подобная была Дилемма Протагорова против Эватла, о которой пишет Гелий (in nosubns atticis Lib. V. Cap. 10). Молодой и богатый человек именем Эватл просил ученого Юрисконсульта Протагора, чтобы он дал ему наставление в науке прав, обещая зато некоторую сумму денег, коих половину обещался тогда заплатить, когда защищением спорного дела в суде на первой случай оное выиграет. Протагор на то согласился; объясняет Эватлу законы и права, ученик, имея хорошие способности, делает большие успехи, но Эватл по

окончании курса, через долгое время не принимается за практику; Протагор настаивает в требовании себе другой половины денег, Эватл не хочет отдать; Сия претензия Протагорова отдана в суд, в котором Протагор против Эватла сделал дилемму следующего содержания: *Или судий тебе припишут победу, или мне; ежели тебе, то ты должен мне отдать другую половину условленной награды, по силе нашего договора; а ежели мне, то ты также должен мне отдать другую половину условленной награды по приговору судей.* Эватл отвечает говоря: *Или тебе судии припишут победу, или мне; ежели тебе, то я не должен отдать другую половину условленной награды, по силе нашего договора, а ежели мне, то я также не должен отдать другой половины условленной награды по приговору судей.*

§180.

Дилемма различается от Силлогизма разделительного тем, что в Силлогизме разделительном не заключается ничего нового, а только один какой-нибудь член, или утверждается, или отрицается в меньшей посылке, прочие же члены отрицаются или утверждаются в заключении; в Дилемме же напротив того из каждого члена делается новое заключение против противника, что очевидно объясняют примеры выше приведенные.

Примечание: Дилемма называется также *Силлогизмом рогатым* (Syllogismns cornutus), потому, что из всякого члена выводится против соперника заключение неприятное и как бы бодливое: ибо оспариватель полагает ответчика как бы между двумя рогами, откуда не можно ему ни на правую и на левую сторону убежать, также называется *Крокодильским Силлогизмом*. Сему названию поддала случай следующая баснь: Некоторая Египетская женщина, видя похищаемого Крокодилем своего сына, молила Крокодила, чтобы он его отпустил. Крокодил отвечал: отпущу, ежели скажешь истину. На сие отвечала женщина: *Ты мне не отдашь сына.* Крокодил же отвечал образом Дилеммы так: *Или ты сказала истину, или ложь; есть ли ты сказала истину, то я не могу отпустить твоего сына, иначе слова твои не были бы истинны против условия; есть ли же ты сказала ложь, то не исполнила условия, следовательно я не обязан отпустить тебе сына.* На сие крокодилово заключение возразила Мать: *или я сказала истину, или ложь; есть ли истину, то ты должен возвратить мне моего сына по условию; а ежели я сказала ложь, то ты должен также возвратить мне моего сына, дабы то сделалось ложным что я сказала.*

Сей Силлогизм называется Дилеммой, когда в разделительном предложении будут только два члена; а есть ли три, трилеммой и проч. — сей способ умствования употребляется по большей части в отражениях соперника.

О несовершенных Силлогизмах.

§181.

Несовершенный Силлогизм значит такое умствование, в котором не находится выразительного образа умствования, или выразительного способа производить заключения. Сюда относятся 1) Скрытные или сокращенные Силлогизмы (Syllogismi cryptici) какова есть напр. Энтимема (Enthymema).

2) *Полисиллогизм* или сложное умствование, в котором многие умствования как причины и причиненные между собою сопрягаются; — Сюда принадлежит Епихерама и Сорит (Epicherema et Sorites).

3) *Аналогическое умствование*, каков есть напр. вывод (Inductio).

§182.

Скрытные умствования называются те, в которых или посылки неправильно расположены, или одна посылка пропущена, или только термин средний с заключением сопрягается, и сей способ умствования называется Энтимемой.

Пример неправильного расположения посылок.

Некоторые люди прощают своих врагов; прощать врагов значит совершать нравственные деяния: следовательно некоторые люди совершают нравственные деяния. Здесь предложение меньшее, на первом месте; а большее на втором находится против порядка первой фигуры.

Пример пропущенной одной посылки.

Всякое тело есть сущее сложное, следовательно всякое тело имеет части. Здесь пропущено большее предложение и именно: всякое сущее сложное имеет части.

Первое предложение в Энтимеме называется предыдущею частью (antecedens), второе же последующею (consequens). — Обе посылки могут быть пропущены; средний же термин, только вкратце выраженный,

сопрягается с заключением. Напр. *Всякое тело имеет части, ибо есть сущее сложное*. Сии способы умствования именно называются *сокращенными Силлогизмами* (Syllogismi contracti:). Дабы сей сокращенный способ умствования не подавал случая к прикрытию обманов, то должно и без затруднения можно привести оный способ под форму Силлогизма совершенного. Из всего сего явствует, что непосредственные заключения и следствия (:corollaria:) составляют некоторый род Энтимемы.

§183.

Эпихерема есть Силлогизм, в котором к одной или к обоим посылкам прилагается сокращенным образом доказательство, или довольная причина. Напр. *Всякое сущее простое есть неразрушимое, поелику не имеет частей, на которые могло бы разрушиться; но душа человеческая есть сущее простое, ибо сущее сложное мыслить не может, следственно душа человеческая есть неразрушимая*.

Правила как Энтимемы так и Эпихеремы суть те же самые, как и Силлогизма простого.

§184.

Сорит есть умствование; в котором многие предложения совокупаются таким образом, чтобы сказуемое предыдущего, предложения было подлежащим следующего, а в последнем предложении или заключении подлежащее первого совокупилось со сказуемым последнего предложения; или таким образом, чтобы подлежащее предыдущего предложения было сказуемым следующего, а в заключении подлежащее последнего совокупилось со сказуемым первого.

Напр. *Душа человеческая есть сущее простое, сущее простое есть неразделимое, сущее неразделимое есть неразрушимое, сущее неразрушимое всегда пребывает, ибо душа человеческая всегда пребывает*.

Когда в Сорите начиная от ближайшей причины поступаем к отдаленнейшей, тогда Sorites называется *progressivus*; а когда от отдаленных причин поступаем к ближайшей, тогда Sorites называется *regressivus*. Первый можно назвать *восходящим*, второй *нисходящим*;

употребление сего последнего редко бывает.

Пример предыдущей может быть примером восходящего Сорита; а нисходящего следующий. *Все сущие, имеющие чувственность желают благополучия, все сущие конечные живущие имеют чувственность, все человеки суть сущие конечные живущие, Кай есть человек, следственно Кай желает благополучия.*

Нисходящий Сорит превратится в восходящий, начиная от последнего предложения обратным следующим образом:

Кай есть человек, все человеки суть сущие конечные живущие, все сущие конечные живущие имеют чувственность, все сущие имеющие чувственность желают благополучия; следственно Кай желает благополучия.

§185.

Правила Сорита

I-е Правило общее для восходящего и нисходящего Сорита, и именно следующее:

В Сорите никакое предыдущее предложение не может быть ни сомнительное ни ложное, поелику из предыдущей сомнительной, или ложной части, не может правильным образом следовать истинная последующая. Смотри §151.

II-е Правило для Сорита восходящего

В каждом восходящем Сорите, все предложения должны быть всеобщие, исключая первое, которое может быть и особенным; Ибо 1) каждое предложение Сорита превращаемого в Силлогизмы составляет большую посылку или всеобщее правило. 2) Все предложения, исключая последнее, которое может быть отрицательным, должны быть утвердительные; поелику качество заключения от них зависит. 3) Заключение всегда должно быть утвердительное, ибо оно составляет меньшую посылку для следующего заключения.

III-е Правило для Сорита нисходящего

1) В каждом Сорите нисходящем все Предложения, исключая последнее, которое может быть особенное, должны быть всеобщие;

поелику заключение служит большею посылкою для следующего заключения, следственно должно быть всеобщее; притом же количество заключения всегда определяется большею посылкою. 2) Все предложения исключая первое, которое может быть отрицательное, должны быть утвердительные; поелику они служат для меньших посылок.

Подлежащее последнего предложения делается подлежащим в заключении, а сказуемое первого предложения сказуемым в заключении же, следственно заключение получает количество от последнего, а качество от первого предложения.

§186.

Сорит как восходящий так и нисходящий есть или Категорический, или условный, поелику предложения составляющие оный, или будут Категорические, как в примере: душа человеческая есть сущее простое и проч. Смотри §184. — Или будут условные.

Напр. Ежели душа человеческая есть сущее простое, то она есть сущее неразделимое; ежели душа есть сущее неразделимое, то она есть сущее неразрушимое, ежели душа есть сущее неразрушимое, то она всегда пребывает, следственно ежели душа человеческая есть сущее простое, то она всегда пребывает.

Сорит условный может быть чистый и нечистый, поелику состоит или из одних условных предложений, или поелику входят в оный предложения Категорические. Пример первого есть предыдущий второго же следующий:

Ежели душа есть простая, то она неразделимая, ежели неразделимая то и неразрушимая, ежели неразрушимая, то всегда пребывает, но душа есть неразрушимая, следственно душа всегда пребывает.

§187.

Сорит восходящий переделывается в порядочные Силлогизмы первой фигуры посредством просиллогизмов. — *Просиллогизм* есть такое умствование, которого заключение составляет меньшую посылку нового умствования. Из Сорита столько произойдет порядочных Силлогизмов, сколько будет в нем предложений, исключая первое и заключение Сорита.

Силлогизмы образуются из Сорита следующим образом: I) Для первого

Силлогизма второе предложение Сорита должно составлять большую посылку, а первое меньшую, заключение же из совокупления обоих производится. II) Третье предложение Сорита составит большую посылку второго Силлогизма, заключение же предыдущего Силлогизма будет меньшею посылкою, а из совокупления оных произойдет новое заключение, итак далее.

Напр. Из Сорита: душа человеческая есть сущее простое и проч. Смотри §184 будут следующие Силлогизмы:

- 1) Всякое сущее простое есть неразделимое, но душа человеческая есть сущее простое, ибо душа человеческая есть неразделимая.
- 2) Всякое сущее неразделимое есть неразрушимое, но душа человеческая есть неразделимая, ибо душа человеческая есть неразрушимая.
- 3) Всякое сущее неразрушимое есть всегда пребывающее, но душа человеческая есть неразрушимая, ибо душа человеческая есть всегда пребывающая. Первый Силлогизм относительно ко второму, а второй относительно к третьему называется Просиллогизмом.

§188.

Сорит нисходящий переделывается в порядочные Силлогизмы первой фигуры посредством Эписиллогизмов. – *Эписиллогизм* есть умствование, которого заключение составляет большую посылку нового умствования. Сие переделывание бывает следующим образом:

I. Первое предложение нисходящего Сорита составляет большую посылку, а второе меньшую образуемого первого Силлогизма, из совокупления же обоих изображается заключение и первый Силлогизм.

II. Выведенное заключение должно составлять большую посылку второго Силлогизма, а третье предложение Сорита меньшую, итак вообще всякое выводимое новое заключение бывает большею посылкою следующего образуемого Силлогизма, а всякое предложение Сорита составляет меньшую посылку, исключая первое предложение, которое, как сказано под №I составляет большую посылку первого Силлогизма.

Напр. из сего нисходящего Сорита: *Все сущие имеющие чувственность желают благополучия, Все сущие конечные живущие имеют чувственность, Все человеки суть сущие конечные живущие, Кай есть человек: следственно Кай желает благополучия.* По данному предписанию произойдут следующие Силлогизмы первой фигуры.

- 1) Все сущие, имеющие чувственность желают благополучия, но все сущие

конечные живущие имеют чувственность, ибо все сущие конечные живущие желают благополучия.

2) Все сущие конечные живущие желают благополучия, но все человеки суть сущие конечные живущие; следственно все человеки желают благополучия.

3) Все человеки желают благополучия, но Кай есть человек; следственно Кай желает благополучия.

Здесь первый Силлогизм относительно ко второму, а второй относительно к третьему называется Эписиллогизмом.

§189.

Вывод (Inductio) есть таковой способ умствования, в котором все то утверждается или отрицается о целом роде или о виде, что было утверждаемо или отрицаемо порознь о всех видах одного рода, или о всех неделимых одного вида.

Напр. *Золото, серебро, медь, олово, железо, свинец и проч. в огне растапливаются, следственно всякая руда в огне растапливается.*

Ежели в выводе все неделимые вида или рода исчисляются, то вывод называется *совершенным* или *полным* (inductio perfecta vel plena). — Но ежели только некоторые неделимые рода или вида будут исчислены, то вывод будет *несовершенный* или *неполный*. Пример первого: *Младенчество, юношество, возмужалость и старость имеют свои пороки; следственно все лета человеческие имеют свои пороки.* Пример второго: *Мы не наблюдаем самопроизвольного движения ни в земле, ни в воде, ни в камнях, ни в деревьях, ни в рудах, ниже в других каких ни есть телах, до сих пор нам известных, следственно никакое тело не имеет самопроизвольного движения.*

§190.

Совершенный вывод всегда бывает сильнее для уверения нас в истине чего-нибудь доказываемого, нежели несовершенный; Ибо никаким образом быть не может, дабы то не сходствовало с целым родом или с целым видом, что было сходственно с неделимыми под родом, или под видом содержащимися; однако ж и несовершенный вывод, когда оный порядочно расположен и сделан, толикую силу имеет для уверения нас в истине, что никто не может сомневаться об оной, кроме только одного безрассудного человека, иногда же только бывает убедителен что равняется совершенному. Напр. посредством несовершенного вывода познаваем, что человек с нами говорящий

также имеет в себе душу, как и мы; что живое теля так же имеет в себе легкое, сердце, почки, и прочие внутренние части, как и то, которое уже убито и распластано.

Сей способ доказывания называется доводом *Аналогическим*, в котором заключение производится от подобного на подобное. Физики часто употребляют его в исследовании общих свойств телам приличествующих, и в утверждении всеобщих естественных законов. Поелику в сих случаях не можно иметь совершенного вывода. — Итак нет сомнения в том, что заключения, которые производятся от совершенного, или полного вывода, имеют силу подлинности, и убежденности. Всеобщие же заключения, кои основываются на неполных выводах, иногда бывают подлинны, иногда только вероятны, а иногда ложны, смотря по свойству сказуемого, которое или есть существенное, или естественное или наконец случайное.

§191.

Правила вывода

I. Ежели посредством вывода должно утвердить существование некоторого естественного закона, то сей закон должен быть таковой: 1) Чтобы он имел место во всех случаях, могущих подлежать опытам; 2) Чтобы число случаев было не малое, иначе же не можно бы было утвердить повсемственности закона. 3) Есть ли таковой закон сперва покажется недовольным к истолкованию всех случаев, то тем еще не нарушится его повсемственность, есть ли только теже случаи, будучи подвержены точному испытанию, в последствии времени окажутся сходственными с утвержденным законом.

Таким образом Физики приметив 1-е, что непроницаемость (:impenetrabilitas:) есть свойство всех таковых тел, над которыми они делали опыты, из того заключили, что непроницаемость есть свойство и тех даже тел, над которыми не можно делать опытов по причине или отдаления их, или малости. А хотя по утверждении непроницаемости, как всеобщего тел свойства, и было примечено, что вода проникает в губку, а масло деревянное в мрамор и проч., однако ж таковое примечание не опровергло истины сего утвержденного всеобщего свойства; ибо как вода вместе с телом губки, так и деревянное масло вместе с телом мрамора не занимали в одно время одного и того же места, но только вошедши в скважины и того и другого содержались в оных.

II. Когда некоторое свойство найдется и утвердится совершенным

свойством (:absoluta proprietas:), то оно должно относиться не только к малейшим и нечувствительным частицам тел, но даже и к стихиям оных, есть ли не будет некоторой положительной сему противной причины. Напр. Поелику тяжесть и непроницаемость находятся во всех чувствам подлежащих телах, то оные по справедливости относятся даже к самым малейшим частицам тел, хотя б они и не были понимаемы чувствами. — Сказано пока не будет положительной причины т. е. пока посредством учиненных точных исследований не окажется, что таковое свойство в некотором неделимом действительно не находится.

III. Есть ли некоторое свойство будет примечено в больших телах только относительным свойством, то его не можно также присваивать и к непостижимым телам, а особливо, когда та причина не находится в непостижимых телах, для которой оное свойство приличествует большим телам. Напр. хотя тела составленные из частей суть протяженные, но стихии оных, или первоначальные частицы не могут назваться протяженными, ибо в первых есть положение частей вне частей, для которого приличествует им протяжение, в последних же нет оно.

Свойство совершенное называется то, которое не зависит от множества частиц, составляющих тело, ниже от известной некоторой пропорции тел с нашими чувствами.

Относительное же напротив того, называется то, которое зависит от множества частиц, составляющих тело.

Прибавление. В §190 сказано: сей способ доказывания (:т. е. вывод) называется доводом Аналогическим и т. д. Но при всем том вывод и Аналогия различаются между собою в самих началах или основаниях, на которых они утверждаются. Ибо начало вывода есть следующее: род или вид значит одно и тоже, что и все неделимые под родом или видом содержащиеся, следственно все вообще, что прилично многим вещам к одному роду или виду принадлежащим, или что им противоречит, то прилично или противоречит также и целому роду или виду, под которым оные неделимые содержатся. А начало Аналогии (:сходства:) есть следующее: Есть ли две, три, четыре и т. д. вещи принадлежащие к одному роду или виду сходственны между собою в столь многих существенных частях, сколько можно было открыть оных; то они будут также сходственны и в прочих существенных частях, которые еще совершенно не открыты.

Из сих начал явствует во 1-х Что в выводе по утверждению или отрицанию

чего бы то ни было о неделимых одного рода или вида, делаем заключение о целом роде или виде; а во 2-х, в Аналогии по утверждению или отрицанию сходства многих вещей в некоторых существенных частях делаем заключение о сходстве оных и в прочих еще совершенно не открытых частях. Напр.: По многим опытам известно, что Ртуть четырнадцать раз тяжелее воды, (:принимая количество одного и другого в равном объеме (sub aequali volumine)). По сему и делаем заключение общее. Ртуть тяжелее воды четырнадцать раз. Сие заключение, сделано по выводу. Но есть ли врач по многим припадкам (symptoma), в лихорадке уже воспоследовавшим, заключает, что и прочие припадки воспоследуют, то он делает сие заключение по Аналогии.

Для чего мы умствуя по Аналогии, надежно и решительно заключаем о будущем действии? — Напр.: Есть ли одна, две, три итак далее зажженные свечи горели, то посему заключаем, что и прочие непременно будут гореть; есть ли выстреленное из пушки ядро четыре раза попадало в известное какое место, то почему заключаем, что оно и впредь в означаемое место попадет и прочие сим подобные? — Причина тому есть следующий неперменный закон: *Где все вместе взятые приготовления, необходимо нужные к произведению какого действия, точно те же самые бывают, там должно необходимо следовать и тоже самое действие.* Сей закон хотя извлечен из опытности, однако ж неоспоримая истина его основывается на начале противоречия. Ибо есть ли бы при всех приготовлениях, необходимо нужных к произведению какого действия, не следовало тоже самое действие, тогда сии приготовления и были бы по предположению те же самые, и вместе не были бы те же самые, ибо не следует тоже действие, что составляет очевидную нелепость; следовательно должно непременно следовать тоже самое действие.

**ЛОГИКИ
ЧАСТЬ II
ПРАКТИЧЕСКАЯ.**

**ЧАСТЬ II
ЛОГИКИ
О правильном употреблении разума.**

ГЛАВА I-я.

О понятии, разделении и главных признаках истины

§192.

Цель практической, Логики состоит в том, чтоб она научала нас правильно употреблять разумение; следственно она должна не только открывать и показывать то, что истинным или ложным почитается в познании человеческом, вообще рассматриваемом, но также должна

объяснять то, что правильно и что неправильно во всяком роде познания человеческого, а равно и в способе приобретать оное, и наконец все сие приводит к началам и правилам; О чем не только Скептики с Догматиками, но и сии последние различным образом между собою спорили.

Поелику правильно действовать (:recte agere) не что иное есть, как все состоящее во власти нашей, соображать с неперменными Законами природы и разума; то по сему тот правильно употребляет разумение, кто соображается с законами основанными на его природе, или иначе: кто соображается с законами мышления, коими определяется природа разумения и вещей.

§193.

А дабы знать, что в употреблении человеческого разумения и познания вообще правильно, и что неправильно; то должно прежде всего объяснить свойство *истинного*, потом свойство *ложного*, его источники, и средства нужные к уклонению себя от оного.

Истинным (verum) вообще называем все то, в чем утверждение и отрицание совместно быть не может, или в чем усматриваем отсутствие противоречия, а где нет противоречия, там должно быть сходство. Итак истина (veritas) вообще есть отсутствие противоречия. Сие отсутствие противоречия или усматривается 1) в *вещах действительно существующих* и нами представляемых, или 2) в *мыслях* наших, или 3) Наконец в наших *словах*. В первом случае истина называется *метафизическою*, во втором *Логическою*, а в третьем *Нравственною*. По сему *Метафизически-Истинным* называется все то, что имеет все вместе взятые принадлежности, по которым оно есть тем а не другим сущим. Напр. метал будет метафизически-истинным. Золотом, есть ли он будет иметь желтость, плотность, ковкость, и в определенном куске тяжесть яко существенные свойства золота. А *метафизическая истина* есть сходство сущего со всеми вместе взятыми принадлежностями, или свойствами сущность его составляющими¹. *Истина Логическая* есть

¹ Вольф (in Ontolog. methodo scientif. pertract. – §495) говорит: что истина Метафизическая, «которую он называет Трансцендентальною, есть порядок в разновидности вещей, совместных или иначе порядок тех вещей, кои приличествуют сущему». Но сие определение несходственно с обыкновенным наречием ни с законами правильного определения, ибо истина метафизическая и там быть может, где не виден никакой порядок, в разновидности: а порядок разновидности быть может, где нет никакой Метафизической истины; следственно слово порядок совсем не должно

сходство мыслей наших с предметами оных. Истина сия называется также подлежательною или предметною (objectiva) и вещественною (materialis).

Истина Логическая *формальная* (образная) есть сходство мыслей наших с правилами мышления, которая иначе называется подлежательною (subjectiva) и отвлеченною (:abstracta).

Истина Логическая есть еще или внутренняя или внешняя. *Внутренняя* (:interna) есть сходство мыслей наших с таковым предметом, который не имеет действительного бытия вне нашего ума. Напр. предсысканием Америки предложение сие: *Находятся Антиподы*; составляло у нас истину Логическую только внутреннюю.

Истина Логическая *внешняя* (externa) есть сходство мыслей наших с таковым предметом, который действительно существует вне нашего ума. Напр.: *Земля менее солнца*; будет истина внешняя, поелику предметы находятся вне нашего ума.

Из сего следует: 1) доколе мы имеем только внутреннюю истину о вещах, доколе не можем заключать о действительном существовании оных; напротив того по внешней Истине справедливо заключаем о действительном существовании предмета. 2) Поелику истина логическая состоит в сходстве мыслей наших с такими предметами, кои или не имеют действительного бытия вне ума нашего, или действительно существуют вне оногo; то по сему в первом случае истина Логическая называется *именною* (nominalis), а во втором *вещною* (realis). Из сего явствует, что истина какой-нибудь вещи, до тех пор будет только именною, пока существование предмета в одной только мысли нашей, не будет в самом деле известно.

Истина *нравственная* есть сходство слов с мыслями говорящего человека. Отсюда пословица: *у него что на языке; то и на уме*.

Истина *физическая* есть сходство действий естественных с механическими законами природы, напр.; с восхождением солнца на горизонт начинается день.

§194.

Из сего всего явствует, что мы полагая главным предметом и целью Логики познание истины, предполагаем в сем случае истину Логическую внутреннюю, иначе подлежательную, и отвлеченную, т. е. все наставления и правила умствования должны к тому единственно клониться, чтобы мы посредством оных могли рассуждать и

умствовать, сколько возможно сходственнее с вещами представляемыми, и чтобы нам можно было предостерегать себя от погрешностей в познаваемых всякого рода вещах. Ибо Логика обыкновенно называется искусством правильно размышлять, следственно целью Логики есть то, чтоб заниматься единым образованием способностей наших, служащих к правильному размышлению, не входя впрочем ни в какие другие предметы, о коих размышлять будущие обстоятельства времени могут нас заставить.

А посему истина Логическая внешняя или предметная не может быть целью, ни предметом Логики, иначе Логика была бы не что иное как совокупность всех тех истин, кои находятся во всех знаниях и науках, или кои собственными нашими силами могут быть познаваемы, что само по себе было бы не прилично.

Истине противопоставляется *ложность* (falsitas). По сему надобно объяснить, что есть ложное? – *ложным* (falsum) называется все то, в чем содержится противоречие, следственно когда утверждаемое отрицаем, а отрицаемое утверждаем, следственно ложность есть присутствие противоречия. Ложность противопоставляемая 1) логической или образно, или вещественно рассматриваемой истине, называется *погрешностью* (Error), 2) нравственной – (Mendacium), 3) Метафизической *Химерою, мечтою*, 4) Физической – *вымыслом* (fictum).

§195.

Признаки образной Истины

Истина мыслей наших обнаруживается посредством известных признаков (criteria), в коих содержится довольная причина, по которой мы понимаем нечто быть истинным, или по которой усматриваем сходство или несходство сказуемого с подлежащим.

Поелику причина истины, содержащаяся в признаках, может быть довольная или недовольная; то и признаки могут быть довольные или недовольные. Первые ни в каком случае нас не обманывают, вторые же иногда обманывают нас. Кто имеет довольные признаки истины, тот называется убежденным в оной; напр.: мы убеждены в истине сей аксиомы: целое больше своей части, а кто имеет недовольные признаки об истине, тот неубежденным в оной называется. Напр.: мы не убеждены в том, чтобы в планетах так точно, как и на земном шаре находились поселенцы. — Кто наконец никаких признаков не имеет об истине, тот в неведении оной находится.

§196.

От довольных признаков истины происходит такая степень нашего об одной познания, которая называется убеждением или подлинностью (*certitudo*).

Подлинность есть такое состояние ума, в котором он признает истину, усматриваемую и предлагаемую помощью довольных признаков, без всякой боязни в рассуждении всего, ей противоположного.

Подлинность есть тройкая: Метафизическая, физическая, и нравственная.

Подлинность Метафизическую составляют такие довольные признаки истины, коими ни в каком случае обмануты быть не можем Н. П. о сем начале: не возможно той же вещи быть и вместе не быть тем, чем она есть. *Подлинность физическую* составляют такие довольные признаки Истины, кои при ненарушимости законов природы не могут нас обмануть. Н. П. мы Физически удостоверены в том, что тело ничем не поддерживаемое упадет, что вода в решето налитая вытечет из оного.

Подлинность нравственную составляют такие довольные признаки истины, кои при ненарушимости Законов благоразумия человеческого, не могут нас обмануть. Н. П. мы имеем подлинность нравственную о том, что Рим существует, что Петр великий победил шведов под Полтавою и проч.

Подлинность иногда называется *предметною* (*objectiva*), иногда же *подлежаательною* (*Subjectiva*) или образною (*formalis*). Первая называется тогда, когда некоторое предложение само по себе хотя и истинно но сия истина нам еще не совсем известна; напр.: сие положение: *Находятся Антиподы*, у древних составляло предметную только истину, вторая же называется тогда, когда некоторое предложение само по себе истинно, и сия истина нам также известна или подлежит познанию нашему.

§197.

Из сего явствует, что к составлению подлинности потребны три вещи: 1. Сходство мыслей наших с предметом; потому что всякая подлинность предполагает истину, которая есть сходство мыслей наших с предметом.

2. Усмотрение сходства мыслей наших с предметом; ибо много вещей есть таких, кои снабжены довольными признаками, следственно они сами по себе подлинны, но таковая предлежательная подлинность в отношении к нам не полезна, есть ли мы не узнаем оной. 3. Усмотрение сходства мыслей наших с предметом должно быть таковое, чтоб сему сходству противное не могло случиться никаким образом; ибо в противном случае никакой не будет подлинности.

Из сего всего удобопонятно, что один человек в одной и той же истине может быть убежденным, а другой неуверенным; ибо может случиться, что иной усматривает довольно признаков, а другой оных не видит. Н. П. Люди в древности не были удостоверены в истине сего предложения. *Находятся Антиподы*; Мы же по предпринятию плавания на Океане, в существовании оных совершенно убеждены.

§198.

Ежели подлинность сопряжена с особливою ясностью, помощью которой ум будь то бы глазами усматривает истину или ложность предмета, то ясность сия называется *Очевидностью* (:perspicuitas:). Таковая очевидность есть или посредственная, или непосредственная. *Непосредственная* называется та, посредством которой ум наш точно усматривает сходство или несходство сказуемого с подлежащим, по одному взаимному сравнению обоих между собою. Напр.: в сем предложении: *Круг есть Круглый*, усматриваю истину с непосредственною очевидностью, Поелику понятие сказуемого в понятии подлежащего включенное, ясно понимаю.

Посредственная же есть та, с которою ум наш усматривает ясно, что в понятии подлежащего содержится довольная причина, по которой сказуемое сходственно, или несходственно с подлежащим, напр.: я усматриваю ясно, что душа человеческая неразрушима, но здесь очевидность есть только посредственная, поелику в душе человеческой подробно усматриваю простоту, которой разрушение никак не может приличествовать, потому что в сущем простом нет никаких частей. Из сего явствует что очевидность предполагает подлинность; а посему всякое рассуждение или предложение очевидное есть притом и подлинное, но не всякое рассуждение подлинное может быть притом и очевидным.

§199.

От недовольных признаков истины происходит неподлинность

(*incertitudo*), которая есть среднее состояние нашего ума между подлинностью и неведением, коими она яко крайними пределами ограничивается.

Недовольные признаки истины суть троякого рода: 1) такие, кои чаще не обманывают, нежели обманывают; 2) такие, кои толикократно не обманывают, колико кратно обманывают; 3) Наконец такие, на коих полагаясь, чаще бываем обмануты, нежели не обмануты. В первом случае бывает вероятность; во втором сомнительство, а в третьем невероятность.

Вероятность (:*probabilitas*;) есть такое состояние ума, в котором нечто принимаем за истинное по таковым недовольным причинам, кои больше подходят к истинным, нежели те, коими поддерживается противоположное мнение, или иначе есть такое состояние ума, в котором чаще не бываем обмануты, нежели обмануты, по причине присутствующих признаков истины, хотя впрочем недовольных, но более подходящих к довольным, нежели те, кои клонятся к противоположному мнению. Н. П. Есть ли рано краснеет небо, то вероятно будет дождь, потому, что сей признак чаще уверяет нас об истине сего приключения.

Сомнительство или сомнение (*dubium*) есть такое состояние ума, в котором находятся недовольные, но равные признаки истины, кои толикократно обманывают нас, коликократно и не обманывают.

Невероятность (:*improbabilitas*;) есть такое состояние ума, в котором находятся такие недовольные признаки истины, кои чаще обманывают нас, нежели не обманывают.

Неведение (*ignorantia*) рассматриваемое как предел неподлинности, составляет такое состояние ума, в котором нет никаких признаков истины; следственно *состояние вероятности* содержится между подлинностью и сомнительством, а от сего последнего постепенно увеличивается, приступая к подлинности.

Неподлинность содержится между сомнительством и неведением, которая удаляясь от сомнительства и сближаясь к неведению всегда увеличивается.

Сомнительство же ни увеличивается, ни уменьшается, поелику в нем равные признаки как для истины, так и ложности находятся.

Мнение (*opinio*) есть соглашение на предложение недовольно доказанное, следственно такое, которое имеет только вероятные признаки истины, неисключающие всякой боязни быть обманутым, и причины, кои приклоняют человека во мнении только пребывающего, суть недовольны, и только внутренние.

Подозрение (:Suspitio:) Есть склонность к произнесению суждения, которое однако ж не произносится потому, что побудительные причины недовольны к произнесению благоразумного суждения.

Уверение (:persvasio:) Есть такое состояние ума, в котором некто по одним ему подлежательным или внутренним причинам почитает нечто за истинное. Н. П. Простолюдимы легко уверяются в том, что домовые в самом деле существуют, кои однако ж в одном воображении только их существуют.

§200.

Основания Логической формальной или образной истины, по которым некоторое познание усматривается как истинное, суть следующие:

Первое основание истины есть *начало противоречия*, которое показывает, что познание наше должно быть логически возможное.

Второе есть *начало довольной причины*, которое показывает, что познание наше должно быть логически вешное или действительное.

Третье основание есть начало *исключительного среднего* (exclusi medii), которое показывает, что познание наше должно быть логически необходимое.

§201.

Первое основание логической истины есть начало противоречия. — Чтобы всякое познание наше было истинное, то оно должно исключать всякое противоречие, должно быть сходственно с законами мышления. — По сему когда бы я сказал: что видел круг четверугольный, сие мое познание было бы ложное, поелику быть круглым, и притом четверугольным есть противоречивое. Начало противоречия показывает отсутствие противоречия следственно оно есть отрицательное основание Логической истины. Основываясь на сем начале, могу только заключать следующим образом: Сие утверждение противоречиво, следственно ложно; однако ж не могу так говорить: познание, которое не имеет в себе противоречия, всегда есть истинное; ибо где нет противоречия, там понимается только возможность, а что есть возможное, не всегда бывает вешное или действительное; следственно начало противоречия полагается основою одной логической, но не действительной возможности какого-нибудь познания.

§202.

Второе основание логической истины есть начало довольной причины, по которой понимается, для чего некоторое познание как истинное, а не как ложное принимается, следственно сим началом полагается присутствие довольной причины, по которой нечто есть паче, нежели не есть, а по сему начало сие есть положительный признак логической истины. На сем начале основываясь можно заключать следующим образом: Все то существует или есть действительно, что имеет довольную причину. Итак по началу довольной причины утверждается действительность логического познания.

§203.

Третье основание логической истины, показывающее логическую необходимость познания есть начало исключенного третьего, по которому усматривается следующий закон: между двумя познаниями противоречивыми, одно должно быть необходимо истинное, а другое необходимо ложное; ибо третий случай невозможный. По сему началу можно заключать по истине одного, о ложности другого познания, и напротив напр.: солнце или согревает тела, или простуживает оные. Есть ли из сих обоих предложений одно есть истинное, то другое должно быть необходимо ложным. Итак сие начало составляет основание логической необходимости познания.

§204.

Признаки логической истины понимаются из сходства и несходства познаний, кои суть следующие.

1. Познание, которое сходствует совсеми истинами, и никакой не противоречит, есть истинное, напротив же будет ложное. Ибо в круге истин не может быть противоречия, следственно все истины должны быть между собою сходственны.

Примечание. Часто случается, что некоторые познания кажутся нам противоречивыми и ложными, кои в самом деле не суть таковы; но сие может происходить от того 1) что предмет познания не представляем себе правильно; или 2) что других не понимаем совершенно, или наконец 3) что еще неподлинно и неочевидно, с чем изыскиваемое познание не кажется сходственным. В таком случае надобно остановиться при суждении о ложности познания, и не только познание но и себя самих рассмотреть: Понимаем ли вещь правильно, и имеем ли предварительные

необходимые познания для рассмотрения настоящего познания.

Подобным образом надобно иметь ту предосторожность, 1) чтобы не тотчас объявлять некоторое познание истинным, которое нам таковым представляется. Оно может быть в самом деле противоречивое, но противоречие будет скрыто. 2) Если нечто ложное следует из познания, то и само познание будет ложное. Ибо когда причина истинна, то и причиненное должно быть истинное. Притом надобно заметить, что такого познания не можно назвать истинным, из которого производится нечто истинное, потому что произведенное может быть истинное по другим причинам, кои не содержатся в познании. Напр. я по утру разгневался, а к вечеру впал в лихорадку, несправедливо заключаю: следственно утренний гнев есть причиную вечерней лихорадки; поелику вечерняя лихорадка может иметь совсем другие причины. Итак, хотя причиненное есть истинно, но причина его полагается ложная. Отсюда происходит правило: по ложности причиненного справедливо заключается о ложности причины, но несправедливо по истинному причиненному о истинной причине. 3) Ежели все то истинно, что следует из некоторого познания, то и само познание будет истинное. 4) Хотя из причиненного можно усматривать причину, но истинна ли сия причина, сие должно познавать из всех причиненных.

§205.

По изъяснении понятия об истине и подлинности, следует показать те способы, которыми в знаниях наших доходим до подлинности. Два суть главнейшие способы достигать до подлинности: первый способ есть разум или доказательство, а второй опытность (Experientia).

ГЛАВА II.

О доказательствах и погрешностях, случающихся в оных

ОТДЕЛЕНИЕ I.

О доказательствах

§206.

Тот утверждает истину, кто предлагает довольные причины или посредствующие понятия, помощью коих открывается сходство или несходство между двумя понятиями. — А посему *подтверждение*

(:probatio:) есть такое расположение и сопряжение средних понятий, по которому взаимное отношение двух понятий между собою познавается. *Началами подтверждений* называются предложения составленные из средних понятий, на которых всякое подтверждение основывается. Начала подтверждений (principia probationum) или суть подлинные и очевидные, или неподлинные, однако ж вероятные, или наконец испрошенные, заимствованные: (:prosaia:) кои приемлются без всякого утверждения, в первом случае бывает доказательство, во втором утверждение только вероятное, а в третьем нет никакого доказательства. Итак *Доказательство* (Demonstratio), есть подтверждение некоторого предложения основанное на подлинных и очевидных началах. –

Следственно началом доказательства ничто быть не может кроме очевидных и несомнительных предложений, каковые бывают определения, аксиомы, подлинные опыты, и предложения в другом каком-нибудь случае уже доказанные.

Всякое доказательство клонится к тому, чтоб истина неявная соделалась очевидною, следственно цель доказательства есть убеждение и знание. Мнение и вера философическая не терпят доказательства, поелику не имеют предлежательных причин.

§207.

Разделение доказательств

Доказательство есть или *простое*, которое состоит из одного умствования, или *сложное*, которое составляется из многих умствований между собою совокупленных.

Доказательства бывают или умозрительные или опытственные (a priori vel a posteriori), доказательство умозрительное есть подтверждение некоторого предложения, основанное на причинах выводимых из одних понятий, кои разумом и разумением образуются о вещах. Доказательство опытственное есть подтверждение некоторого предложения, основанное на причинах почерпнутых из опытности.

Н. П. Физика опытная заимствует свои доказательства от опытности, а чистая Логика, Математика, и Метафизика от умозрения напр. Есть ли бытие Бога доказываю из существования мира и других явлений природы, то мое доказательство будет из опытности заимствованное, но есть ли доказываю из понятия о совершеннейшем существе, то доказательство

будет от умозрения занято.

§208.

Доказательство, основанное на причинах почерпнутых из опытности, делается двояким образом: 1) когда по предыдущим вещам доказываем последующие, 2) когда по последующим заключаем о действии, а по действиям о причине и проч.

В доказательстве по предыдущем касательно последующего должно заметить, что оно тогда только неоспоримо, когда между предыдущими и последующими вещами необходимая связь находится. Н. П. Семпроний родился, следственно умрет. Солнце взошло, следственно есть день. — Но когда между предыдущими и последующими вещами нет необходимой связи; то заключение иногда только бывает истинное, напр. Теперь многоцветны деревья, следственно много будет древесных плодов. Заключение сие не всегда справедливо потому, что цветы по разным причинам могут пропасть, следовательно и никаких плодов не принесут.

По последующему в рассуждении предыдущего правильно заключается, есть ли будет одна только причина действия, но есть ли больше оных будет, то не можно делать определительного заключения.

§209.

Доказательство прямое или явное (*directa vel apodictica*) называется то, в котором сходство или несходство сказуемого с подлежащим доказывается из самые природы подлежащего, или из других предложений уже известных напр.: Павел смертен, поелику он есть человек.

Кто намерен делать прямое доказательство, тот должен иметь 1) подробное и полное понятие как о подлежащем, так и сказуемом доказываемого предложения, 2) сие понятие должен он изобразить посредством правильного определения. — 3) Из определения сделать аксиомы, и наконец собрать другие предложения, которые хочет употребить в доказательстве.

Н. П. кто хочет доказать прямо сие положение: *душа человеческая есть неразрушимая*. Тот следуя предписанию поступит в доказательстве следующим образом:

1. *Что мыслит, то сущее простое, но душа человеческая мыслит, ибо душа человеческая есть сущее простое*. Здесь 1-е предложение на другом

месте доказано, а 2-е есть определение души. II. *Сущее простое не имеет частей, но душа человеческая есть сущее простое; ибо душа человеческая не имеет частей.*

Здесь 1-е предложение есть определение а 2-е есть заключение 1-го Силлогизма.

III. *Что не имеет частей, то не может разделиться на части, но душа человеческая не имеет частей; следовательно душа человеческая не может разделиться на части.*

1-е Предложение есть аксиома, 2-е Заключение предыдущего Силлогизма.

IV. *Что не может разделиться на части, то неразрушимо, но душа человеческая не может разделиться на части, следовательно душа человеческая есть неразрушима.*

Доказательство не прямое (:demonstratio indirecta seu apagogica) называется то, в котором предложение, противное доказываемому, принимается в доказательстве как истинное, а после из него по правильному умствования производится заключение нелепое, которого не можно допустить самому даже противнику.

Н. П. Есть ли я хочу сие предложение: *ничто не может само себя произвести*, доказать по непрямому доказательству, то я должен взять противное оному предложение за истинное, Н. П. следующее: *ничто может само себя произвести*, и умствую следующим образом: *Есть ли ничто может произвести само себя, то оно должно иметь бытие и вместе не иметь бытия; должно иметь бытие, ибо то, что не имеет бытия, не может действовать, но то действует, что само себя производит, следовательно, что само себя производит, должно иметь бытие, и вместе не должно иметь бытия; Ибо то, что само себя производит, через произведение получает бытие, которого прежде не имело, поелику производить самого себя значит подать себе бытие, следовательно должно иметь, и вместе не иметь бытия; но так говорить нелепо, следовательно ничто не может само себя произвести.*

Доказательство прямое различается от *непрямого* тем, что первое показывает прямо, для чего вещь доказываемая так точно есть, как она сказывается; второе же показывает только то, для чего вещь другим образом быть не может. Из сего видим, что прямое доказательство ясно представляет истину предложения доказываемого, не прямое же более принуждает, нежели наставляет разумение наше и волю к перемене мнения. Но впрочем и не прямое доказательство убеждает нас в истине предложения доказываемого,

потому что предложения противоречивые никогда не могут быть вместе истинные, следственно по нелепым следствиям, производимым из ложности одного противоречивого предложения, заключается правильно о истине другого.

§210.

Доказательство наконец есть Аналитическое и Синтетическое.

Доказательство *Аналитическое* называется то, в котором начинается довод от предложения доказываемого, и оно доводится даже до тех первых начал, по которым истина его делается явственною. — Доказательство сие названо Аналитическим от греческого слова (analysis) т. е. разлагание, ибо в сем доказательстве целое на свои части, сложное на свои начала разлагается.

Доказательство *Синтетическое* называется то, в котором довод начинается от первых начал, которые столь долго полагаются за основание, пока не дойдем до предложения доказываемого. В сем доказательстве поступаем от простых вещей к сложным и будь-то бы вместе слагаем начала; от которых истина предложения доказываемого зависит.

Напр. сие предложение: *Бог не имеет страстей*, Аналитически доказывается следующим образом.

1. *Кто не имеет чувственных желаний, тот не имеет страстей, Бог не имеет чувственных желаний, следственно Бог не имеет страстей.*
2. *Кто не имеет смешанных представлений, тот не имеет чувственных желаний, Бог не имеет смешанных представлений, следственно Бог не имеет чувственных желаний.*
3. *Кто все представляет себе подробнейше, тот не имеет смешанных представлений, Бог представляет себе все подробнейше, следственно Бог не имеет смешанных представлений.*
4. *Кто одарен совершеннейшим разумением, тот представляет себе всякую вещь подробнейше, Бог одарен совершеннейшим разумением, следственно Бог представляет себе вещи подробнейше.*
5. *Кто есть суще совершеннейшее, тот имеет совершеннейшее разумение, Бог есть суще совершеннейшее, следственно Бог имеет совершеннейшее разумение.*

Тоже предложение доказать можно Синтетическим образом, есть ли начав от последнего Силлогизма поступим обратно даже до первого. Смотри Баумейстерову Логику Methodo Wolfii стр. 162.

§211.

Доказательство к человеку (argumentatio ad hominem) называется то, в котором принимаются за основание ложные начала, однако ж таковые, кои противник почитает истинными, и которые служат к опровержению мнения его.

Н. П. Атомисты защищали движение Атомов, но Перипатетики опровергали оное по началам Атомистов, говоря следующим образом: *По вашим началам в Физических вещах ничего не можно допускать такого, что не понимается чувствами, но движение нечувствуемых Атомов не понимается чувствами, следственно движения неподлежащих чувствами Атомов допустить не можно.*

Употребление сего доказательства бывает более для отражения чужого мнения, нежели для утверждения своего собственного; ибо мнение мое будет истинное не для того, что оно производится из мнения соперника как истинное, или что оно допускается признанием соперника, но может быть истинное по другим причинам, или как мнение соперника так и мое может быть ложное.

§212.

Есть ли кто избрет один какой-нибудь из предыдущих доказывания способов для утверждения своего мнения, тот должен иметь:

1. Непоколебимые основания и несомнительные начала. Ибо сама природа доказательства требует того, чтобы очевидная связь одного предложения с другими известными и подлинными началами была показана и утверждена из неподлинных же начал, ничего подлинного следовать не может.

2. В изображении заключений надобно поступать правильно; правильно же поступаем, когда в точности наблюдаем правила умствования и производим заключения образно и вещественно правильные.

ОТДЕЛЕНИЕ II.

О погрешностях случающихся в доказательствах

§213.

Всякая погрешность, случающаяся в доказательстве называется Софизмом. – Софизм есть всякое доказывание, которое по-видимому кажется истинное, но в самом деле бывает ложное, и тем самым

обманчивое, Н. П. *Все святые были подвержены грехам, но воровство есть грех, следственно все святые были подвержены воровству.*

Примечание. Софизм происходит от греческого слова Софиста. Софистами назывались все те, кои прославились было в мудрости, и коих в позднейшие времена называли философами, следственно название Софиста в начале было в великом почтении. Но понеже многие из них начали употреблять ложные умствования для обманывания других, то по сему почтенное сие название превращено в поругание и посмеяние; а из сего и воспоследовало, что в наши времена все обманчивые умствования называются Софизмами (хитрословиями).

§214.

Роды Софизмов бывают многообразны, между которыми считаются.

I. *Вопросное* или *оспариваемое начало* (Petitio principii:) есть погрешность, состоящая в том, когда кто полагает подлинным и неоспоримым началом в доказательстве такое предложение, которое само по себе столько же подлежит оспариванию, как и предложение по оному доказываемое.

Таковую погрешность Галилей приписывает Аристотелю, доказывающему, что земля есть средоточие вселенные таким образом: тяжелые тела по их свойству стремятся к средоточию вселенные, но опытность научает, что тяжелые тела стремятся к земле, следственно земля есть средоточие вселенные.

В сем доказательстве предложение большее есть сомнительное и спорное. Ибо здесь о том именно и спрашивается: для того ли тяжелые тела стремятся к средоточию вселенные, что оные падают на землю? Хотя опытность научает нас, что все земные тела стремятся к средоточию земли, но из сего не можно заключать, чтобы земля была средоточием вселенные; поелику одна земля не составляет вселенной, а по частному неправильно заключается об общем.

II. *Круг погрешительный* (circulus vitiosus) тогда бывает в доказательстве, когда одно предложение доказывается из другого, а последнее из первого Н. П. Если бы кто сие предложение: *Бог есть сущее необходимое*, доказывал тем, что Бог есть сущее вечное, и напротив: Бог есть сущее вечное, ибо он есть сущее необходимое.

III. *Неведение* или *переменение оспариваемого предложения*

(ignoratio, vel mutatio elenchi) в доказательстве бывает тогда, когда состояние вопроса переменяется. Здесь обман бывает в том, что не то доказывается или оспаривается, что должно доказывать, или оспаривать. В сию погрешность впали все те, кои, опровергая Невтоново притягивание сил, оспаривали тайные качества, допущенные некогда схоластиками; потому что они почитали Невтоново притягивание сил тайными качествами схоластиков, однако ж несправедливо; ибо Невтон рассматривал притягивание сил не как причину, но как феноменон или явление.

§215.

Так как погрешность, скрывающаяся в Софизме, обыкновенно состоит в недостатке термина среднего, или в том, что термины содержащиеся в посылках переменяют свое значение, или переменяют качество, или количество в заключении отсюда проистекают разные Софизмы или обманы, как-то: I. *Обман сложения* (:fallacia compositionis:). Оный случается, когда слова совокупаются в заключении, кои должны быть разделены. А посему одно и то же слово принимается в разделительном и соединительном смысле, Н. П. *Кто не имеет никакого препятствия в хождении, тот может ходить, но я не имею никакого препятствия в хождении, следовательно я могу ходить, хотя и стою.* II. *Обман разделения* (fallacia divisionis) случается, когда слова в заключении разделяются, кои должны быть соединены. Н. П. *Сидящему невозможно ходить; но я сажу, следовательно мне невозможно ходить.* — Здесь слово *ходить* в посылках берется условно т. е. *поколикую сидит*, в заключении же принимается без всякого условия, следовательно пространнее, нежели в посылках. III. *Обман случайности* (fallacia per accidens) бывает, когда сказуемое утверждается о подлежащем, как необходимо ему приличествующее, но которое случайно только приличествует оному. Н. П. Под сим плащом скрытого ты не узнаешь, но под сим плащом скрыт твой Отец, следовательно ты не узнаешь твоего Отца. — Здесь слово *не узнаешь* в посылках берется условно, а в заключении безусловно. IV. *Обман в последовании* (fallacia consequentis) бывает, когда в умствовании усматриваем нечто следующим из предыдущих, что однако ж никак из оных не следует. Н. П. Кто имеет язык, может говорить, следовательно кто не может говорить, тот не имеет языка. V. *Обман не причины как причины* (fallacia non causae pro causa) бывает в доказательстве, когда нечто принимается за причину чего-нибудь,

что однако ж не есть причиною оною. Н. П. Афеи всегда были высокоумные философы, следственно философия есть причиною Афеизма. VI. *Обман многосложных запутанных вопросов* (fallacia plurium interrogationum) случается, когда многие вопросы запутанно вместе предлагаются, на которые отвечая либо отрицательно, или утвердительно, всегда ошибаемся. Н. П. *Был ли Букефал животное и разумом одаренное существо, когда он великого Александра освободил от опасности бывшей в сражении?* Если на сие отвечаем отрицательно; то Софиста заключит: следственно Букефал Конь не был животное; а если отвечаем утвердительно, то Софиста заключит: следственно Конь умствует. Подобным образом не можно отвечать вообще на следующий вопрос: Целомудрие и пьянство почитаются ли пороком? Наконец *Обман в безусловном заключении по одному условному утверждению* (a dicto secundum quid ad dictum simpliciter:) сей обман бывает, когда производим безусловное заключение из того, что или другие, или мы сами утверждали, или отрицали только под некоторым условием, или с каким-нибудь ограничением. Напр. *Семпроний хорош Музыкант; следственно Семпроний хорош.*

Многие обманы происходят от разнонаменательных и сомнительных терминов. Напр. *Всякий Лев; рычит, но некоторое созвездие есть Лев, следственно некоторое созвездие рычит.*

§216.

Способ познавать обманы, и избавляться от оных

Сии и сим подобные обманы познаваются следующим образом: заключение обманчивого умствования предлагается в вопросительном виде, а посылки составляют ответ, и как скоро в ответе не видно справедливой причины, то умствование будет погрешительное.

2. А чтоб и без таковой развязки можно было узнать сделанную погрешность в умствовании, то надобно прилежно наблюдать все правила Силлогизмов как простых, так и сложных.

Способ же избавиться от сих и сим подобных обманов есть разный: 1) Есть ли посылки обманчивого умствования, или доказательства различаем, и толкуем, 2) Есть ли посылки допускаем, а последование отрицаем, и вместе показываем, что Силлогизм неправильно сделан. — Но здесь надобно остерегаться, чтобы не приписать другому такой погрешности, которой мы не в состоянии ему доказать; 3) есть ли отражаем довод, и хитрость уловляем хитростью. Как Н. П.

Эватлий уловил своего учителя Протагора. Смотри §179.

§217.

О началах или основаниях подлинности

При исследовании начал подлинности надобно прежде заметить, что подлинность есть либо именная, или вещная (*nominalis et realis*). *Подлинность* есть такое состояние нашего ума, в котором мы познаем мысль нашу столь сходственну с предметом, что она не может не сходствовать с оным; поколику же предмет или действительно не существует вне ума нашего, или действительно существует вне оногo, и есть всячески определен; потолику подлинность будет либо *именная, или вещная*.

Началом или основанием подлинности называется та причина, из которой познаем мысль нашу столь сходственною с предметом, что она не может не сходствовать с оным.

Началом или основанием именной подлинности суть точные определения и понятия о вещах, потому что в познании нашем, в одних понятиях ума состоящем, все то называется подлинным, что из данных понятий, и правильных определений подлежащего и сказуемого правильным образом производится.

В познании же, касающемся до самих вещей или свойства оных, начало или основание подлинности составляет опытность, или то, что по неоспоримой опытности заключается; ибо опытность и производимые по оной верные заключения столь сильно убеждают разумение наше, что мы даже о противном и подумать не можем. — Во-вторых свидетельство других людей есть также основанием вещной подлинности, ежели такового свидетельства не можно почестъ ложным без очевидного противоречия. А по сему начало, или основание вещной подлинности составляет опытность и свидетельство других людей.

§218.

О началах или основаниях вероятности

Как подлинность, так и вероятность есть двоякая: именная и вещная. Что есть вероятность, сказано уже в §199, нечто принимаемое нами за истинное для некоторых причин, может быть предметом или несуществующим вне нашего ума, или действительно находящимся вне оногo; то посему вероятность есть или именная или вещная.

Началом или основанием *именной вероятности* суть понятия о вещах, и точные определения оных, потому что понятия и точные определения вещей содержат в себе причину, которая больше подходит к истине, нежели та, по которой утверждается противоположное мнение о предмете несуществующем вне ума нашего.

А *Вещной вероятности* началом или основанием есть опытность, которая доставляет нам причины об истине, хотя недовольные, однако ж такие кои больше подходят к истине, нежели те, по коим поддерживается противное мнение.

Опытность может быть основанием вероятности двояким способом: 1) Есть ли она непосредственно более уверяет нас о сходстве, нежели о несходстве мыслей наших с предметом, действительно существующим; 2) Ежели, по непосредственной опытности правильно умствуя, доказываем мысль нашу более сходственной, нежели несходственной с предметом существующим. Н. П. Мы вероятно заключаем, что душа имеет свое местопребывание в мозге, но сего заключения не делаем мы по непосредственной опытности, но паче заключаем посредством умствования, основывающегося на действиях, производимых душою, и нами познаваемых по опытности.

§219.

Поелику мы обыкновенно называем вероятным все то, что хотя еще и неизвестно по настоящим обстоятельствам, однако ж примечено в других случаях, что почти всегда, или по крайней мере чаще с тем бывает в связи, что мы по неоспоримой опытности узнали совокупленным с подобными обстоятельствами; то из сего следует, что между началами вероятности считаются: 1) Естественное, и на опытности основанное ожидание подобных случаев; 2) Угадывание естественных частей; 3) Исследование всеобщих естественных законов.

I. *Ожидание подобных случаев* (Expectatio casuum similium) способствует нам в том, что мы видя те же самые обстоятельства вещей, с которыми известные случаи были сопряжены, ожидаем тех же самых случаев. Напр. я приметил что некто при развратной своей жизни промотал все свое имение, и для того довел себя до крайности. Теперь же видя кого-нибудь другого, ведущего жизнь подобным образом, *заключаю*; что и сей доведет себя до крайности. Ожиданием подобных случаев пользуются не только

люди, но и неосмысленные животные, напр. волы, пасущиеся на пространных лугах, сами возвращаются домой при захождении солнца, собака видя трость и шляпу в руках своего хозяина, ласкается около него, и прыгая собирается ему сопутствовать. Лисица придет к реке, покрытой льдом, не смеет переходить на другую сторону реки, но прежде прикладывает ухо ко льду, и ежели услышит шум воды протекающей под льдом, возвращается, а ежели оно не слышит, то без боязни продолжает свою дорогу.

Между ожиданием подобных случаев употребляемым людьми, и неосмысленными животными находится различие, которое состоит в том, что люди пользуются при оном подробными понятиями о вещах, скоты же и другие неосмысленные животные последуют одним чувственным понятиям (инстинкту), поелику они лишены разума и разумения.

К ожиданию подобных случаев относительно к животным требуется только: 1) чтобы они приметили настоящие некоторые обстоятельства, и поняли оные, 2) чтобы посредством настоящих обстоятельств могли возобновить прежде бывшие подобные обстоятельства; 3) чтоб узнали настоящие обстоятельства подобными прежним. — Первое узнают они внешними чувствами, второе воображением, а третье памятью но сими способностями произведенные понятия бывают только смешенные:

II. *Под угадыванием естественных частей*, (*per conjecturam partium naturalium*) разумеется то, что коликократно примечаем постоянное и неперемненное присутствие некоторых частей в каком бы то ни было теле, толикократно заключаем, что теже части непременно находятся и в таких телах, кои суть первому подобные, хотя они и не были еще подвержены испытанию.

III. *Испытание всеобщих естественных законов* (*indagatio legum naturae generalium*) бывает тогда, когда мы наблюдаем, что известные некоторые случаи бывают всегда сопряжены с известными некоторыми обстоятельствами; то из сего заключаем, и будь-то бы устанавливаем естественный закон, что и в настоящих обстоятельствах тот же случай воспоследует. Напр.: Поелику ученые люди дознали по опытности, что все тела в огне переменяются, то из сего заключили закон в природе: что огонь переменяет все тела; таким то образом физики открыли и утвердили физические законы, напр. что всякое тело тяжело, непроницаемо, делимое на части и проч. впрочем как угадывание естественных частей, так и испытание всеобщих естественных законов принадлежит к ожиданию подобных случаев.

Другое вероятности начало есть следующее: из многих действий могущих случиться в некоторых обстоятельствах, будет вероятнее то, к произведению коего действующая причина имеет больше способов и больше расположена. Ибо чем больше находится способов и расположений в причине к произведению действия, Тем больше есть признаков оно, а чем больше признаков чего-нибудь, тем оно вероятнее.

Из сего всего следует, что к вероятности некоторой гипотезы или условия потребны следующие вещи: 1) вещь вероятная сама по себе должна быть возможная, Поелику при всякой вероятности спрашивается о существовании вещи; существование же вещи предполагает возможность со всеми феноменами или явлениями существующими; иначе же если некоторые явления не будут сходственны с предложением, то оно не только не будет вероятно, но паче ложно.

3) Предложение вероятное не должно исключать всей возможности противного ему предложения, с которым могли бы те же феномены быть сходственными. Ибо как скоро некоторое предложение исключает всякую возможность противного; то оно не только будет вероятным, но паче будет подлинным.

4) Все то, что есть возможное, есть притом и вероятное. Ибо по возможному о бытии бывает правильное заключение, в вероятности же существование феномена предполагается, следственно все то, что есть возможное, должно быть притом и вероятное.

5) Поелику одной и той же вещи многие причины быть могут, а равно от той же самой причины, коея свойства нам неизвестны, могут происходить многоразличные действия; то из сего следует, что мы не всегда можем по действиям о бытии известной какой причины, ниже по некоторой причине о существовании определенного какого действия заключать таким образом, чтобы противное можно почесть невозможным.

Следственно одно предложение может быть вероятнее другого, ежели оно будет иметь больше признаков, кои составляют вид подлинной истины. — Силлогизм называется вероятным, коего посылки будут предложения только вероятные.

§221.

Вероятность и невероятность имеют степени, потому что вероятность поступаая от сомнительства к подлинности, а невероятность от сомнительства к неведению, непрестанно

увеличиваются, следственно тем большая будет вероятность или невероятность, чем больше, начиная с сомнительства, приближаемся к подлинности или к неведению, что тоже значит самое, как и иметь степени. — Предложение, которое всего менее отделено от подлинности, имеет высочайшую степень вероятности. — Предложение тем будет вероятнее, чем реже обманывают признаки, показывающие его истину. Напротив того предложение тем больше будет невероятное, чем чаще его признаки обманывают нас. — Высочайшая же степень невероятности тогда бывает, когда кто очень мало отдален от неведения.

Итак, чем больше признаков истины и чем важнее оные, тем они реже обманывают нас, в чем и самая опытность уверяет нас. А посему, чтоб некоторое предложение можно поставить между предложениями, кои почитаются вероятнее других, то необходимо нужно, чтобы представить или больше, или по крайней мере в равном числе те признаки, кои суть гораздо важнее; следственно весьма справедливо поступают те, кои не могли достигнуть подлинности, собирают многие доводы для утверждения предложенного мнения, поелику тем способом по крайней мере большую вероятность прибавляют своему мнению. Таким образом поступил Цицерон в защищении Милона, но здесь надобно заметить, чтобы не столько иметь в виду число доводов, сколько важность оных. Ибо часто один довод только силен бывает, что силу всех прочих доводов, представленных для противного мнения, уничтожает.

§222.

Признаки истинной и большой вероятности, как говорит Буфьер, суть следующие: 1) Когда то, что почитаем вероятным, величайшее имеет сходство с другими очевидными истинами; 2) Если сперва об истине некоторого предложения сомневаемся, но после чем чаще обращаем внимание наше на оное, и подвергаем его точному исследованию, то тем больше уверяемся в истине оного; 3) Когда к опытам, из коих первое рассуждение произошло, прибавляются новые до того времени не бывшие известными; 4) Когда изображаем суждения наши о таковых нами исследуемых вещах, кои мы очень часто употребляли; 5) Когда рассуждения, произнесенные о вещах одинакового роду, в течении времени находим истинными, наконец 6) Когда причины, по которым нечто почитаем вероятным, имеют очень близкое сходство с началами свойственными всякой науке.

Что касается до невероятности, то высочайшая степень оной есть

одна возможность вещи; ибо говоря в тесном смысле, степень сия различается от полного неведения, которое саму даже возможность соделывает неизвестною. Но между тем сия степень столь мала, что в практике одно познание возможности, когда речь идет о вероятности или невероятности, равняется неведению. Здесь вообще надобно иметь ту предосторожность, дабы предложение, только возможное, не считать между вероятными, ибо предложение может быть возможное, хотя его признаки всегда обманывают.

Степень вероятности в особенном случае назначается, ежели будет определено, коликократно не обманывают признаки в положенном известном числе случаев находящиеся; Ибо тем большая есть вероятность, чем реже обманывают нас признаки в положенном числе случаев находящиеся. — Итак вообще пропорция между вероятностью и подлинностью находится следующая: вероятность так содержится к подлинности, как число случаев, в коих признаки не обманывают, к числу всех случаев.

§223.

Знание (*scientia*) или относится к подлежащему познающему, или к предметам познаваемым. В первом смысле знание значит а) всякое истинное, подлинное и очевидное познание, а из сего изображаемое рассуждение называется *ученым* (*Judicium scientificum*) б) значит навык утверждать свои мнения, приобретенный помощью долгого употребления и упражнения.

Во втором смысле означает всякую очевидную истину, или также совокупность доказанных истин, какова Н. П. Геометрия, Метафизика и проч. По сим понятиям тот имеет Метафизическое или Геометрическое знание, кто имеет легкость в доказывании положений Метафизических или Геометрических и проч. Знание в подлежательном смысле взятое есть тройкое: 1) *Метафизическое*, которое есть столько подлинное, и очевидное познание, что оно исключает всякое сомнение о противном. 2) *Физическое*, которое исключает всякое противное мнение при нерушимости законов природы. 3) *Нравственное*, которое исключает благоразумное сомнение о противном при нерушимости законов человеческого благоразумия.

Подлинное и очевидное познание или происходит из одного сравнения понятий между собою, или посредством среднего некоторого понятия, в первом случае называется *Созерцательным* (*intuitiva*) во-втором *доказательным*, или *умозаключительным*

познанием (demonstrativa vel discursiva cognitio) Н. П. что я мыслю, что круг круглый, целое больше своей части и проч. Сие познание мое есть Созерцательное, но что душа неразрушима, сие познаваем помощью среднего понятия т. е. простоты.

Некоторые между древними Философами всякое познание о вещах отрицали, и посему думали, что о всех вещах надобно только сомневаться, но спрашиваемы известно ли: им по крайней мере то, что они сомневаются? отвечали: что они сомневаются даже и о том, сомневаются ли? между таковыми Философами считается Пиро Элеанин, который впал в то лихое безумие, что он не хотел уступить никакому животному, ниже дикому зверю им встреченному, сомневаясь о том, не обманывают ли его чувства, представляющие зверя в одном только воображении. Посему все те вообще называются Скептиками (Sceptici), кои отрицают человеку подлинность в вещах; а в тесном значении все те именуются Скептиками, кои спорят даже и о самой вероятности.

§224.

Об опытности

Второй способ, коим в знаниях наших доходим до подлинности, есть опытность. Опытность (:Experientia:) есть познание предметов чувствами понимаемых, которое получаем мы, обращая внимание наше на те перемены, кои производятся в чувственных органах, действом внешних предметов на оные.

Опытность есть или внутренняя, или внешняя. Первая приобретается чувствами внутренними, обращая внимание наше на те вещи, кои внутри нас, или в душе нашей случаются, а второе обращением внимания на те перемены, кои случаются во внешних чувственных органах действом внешних предметов. — Есть ли сие последнее свойственно, как простому народу так и ученым людям, то оно называется всенародным, или общим, но если оно свойственно одним ученым людям, то обыкновенно называется ученым (Experientia docta), напр. теплоту огня, сладость, кислоту, горечь, твердость, и мягкость вещей, как простой, так и ученой человек познают наравне. — Но что воздух тяжел, что он реже, или гуще быть может, это познают одни ученые люди.

§225.

Опытность бывает только о вещах единственных, или неделимых.

Поелику опытность есть познание предметов чувствами понимаемых, а чувствами понимаем только предметы единственные и неделимые, ибо они только одни могут действовать на органы чувственные.

Из сего следует, что предмет опытности составляют те только вещи, которые имеют бытие следственно, кои суть единственные и неделимые, а поему вещи, повсемственные не могут быть предметом опытности, поелику они вне ума нашего не существуют. Предметом опытности суть одни явления природы и опыты. *Феноменон* или явления природы все то называется, что происходит в природе без трудов человеческих одним действием природы напр.: радуга, землетрясение, молния, громы, огнедышащие горы и проч. *Опыт* есть всякое действие естественное, производимое трудами человеческими с содействием природы. Напр.: удар произведенный посредством Электрической машины.

§226.

Понятия, произведенные непосредственно опытностью, суть единственные и неделимые; ибо мы познаваем и представляем себе посредством опытности те только вещи, которые имеют бытие и суть всячески определены; представление же вещей, бытие имеющих и всячески определенных, называется единственное. Рассуждения, составленные из единственных, помощью опытности изображенных понятий, называются *Созерцаемыми* (*Judicia intuitiva*) напр. огонь сожигает тела.

Рассуждения *созерцаемые утвердительные* изображаются помощью опытности следующим образом: 1) вещь, чувствами понятая, берется за подлежащее; 2) то, что мы в понятой вещи на чувства действующей во время ее действия примечаем, берется за сказуемое. Напр.: я вижу огонь и примечаю, что он сжигает тела, то и делаю себе созерцаемое рассуждение сие: огонь сжигает тела; *созерцаемые же, отрицательные* рассуждения составляются следующим образом: понятую чувствами вещь полагаем за подлежащее, а то, что в других вещах примечено, и в настоящей не находится, займет место сказуемого со знаком отрицания *не*, и потому произойдет созерцаемое отрицательное рассуждение напр. наш Институт не есть четыре ярусный, следственно рассуждения помощью опытности изображенные суть единственные и неделимые: ибо рассуждения посредством опытности изображенные суть созерцаемые, в коих подлежащее бывает вещь чувствами понятая, а

вещи чувствами понятые суть единственные и неделимые, следственно в рассуждениях созерцаемых подлежащим бывает вещь единственная и неделимая, а рассуждение, в котором подлежащее есть вещь единственная, называется единственное, следственно и проч.

§227.

Хотя все рассуждения наши на опытности основанные суть единственные и неделимые; однако ж они могут преобращаться и во всеобщие или повсемственные, следующим образом: 1) Есть ли сделается столько рассуждений созерцаемых, сколько различается вещей в понятом предмете; 2) Есть ли опускаются сказуемые случайные, или переменяемые; 3) Есть ли сказуемые отделяются от особенных принадлежностей, которые по различию случаев переменяются; 4) Есть ли собирается много примеров, и делается примечание, в чем они непрестанно сходствуют или не сходствуют, и сие сходство или несходство составит существенные и отличительные признаки рассуждения напр.:

I) *Павел разломив забор у садовника, взял его плоды из саду в отсутствии его.* В сем примере содержатся следующие Созерцаемые рассуждения:

- 1) *Павел разломал забор садовника,*
- 2) *Павел взял плоды из саду,*
- 3) *Плоды были садовника,*
- 4) *Садовника дома не было, когда Павел взял плоды.*

II. *Семпроний разбил окошко, и взял часы из дому Тиция.* Отсюда опять произойдут следующие Созерцаемые рассуждения:

- 1) *Семпроний разбил окошко Тиция,*
- 2) *Семпроний взял часы Тиция,*
- 3) *Часы были Тиция,*
- 4) *Тиций дома не был, когда Семпроний взял часы.*

Теперь сравнив сии два случаи между собою можно произнести рассуждение созерцаемое, в котором представится определение *татья* или воровства, — в первом примере вижу, что *забор садовника разломание* оно и *сад*; а во втором *разбитие окошка* и *дом Тиция* суть только случайные сказуемые, а не существенные составления *татья*, и потому они совсем опускаются. Взятые *часы* и *плоды* суть определения особенные и переменяемые, коих можно назвать одним общим именем *вещь*, часы принадлежали Тицию; а плоды садовнику; посему Тиция и

садовника яко особенные определения можно изразить именем *чужий*, а то, что в обоих примерах встречается в рассуждении, должно поместить как существенное, наконец Павла и Семпрония яко особенные определения можно выразить одним именем *лице*. Посему определение или созерцаемое рассуждение будет следующее: *татьба* или *воровство* есть взятие чужой вещи за свою, неведущу господину, и не соизволяющую на оно. *А тат* или *вор* есть *лице* которое берет чужую вещь за свою неведущу и не соизволяющую господину. Подобным образом произошло сие рассуждение: *Похвала* есть *исчисление совершенств другого*. — Таким образом *Исаак Невтон* поступил вероятно в изображении следующего правила: естественным действиям однородным должно назначать однородные причины поколику возможно.

§228.

Основанием всего познания человеческого суть чувства вообще. Ибо все познание наше есть или отвлеченное, или совокупное, а чувства суть внутренние, или внешние; но познание отвлеченное основывается на чувствах внутренних, потому, что познание отвлеченное основывается на понятиях и точных определениях вещей; истина же точных определений основывается на начале противоречия, а сие на внутреннем чувствии. Познание совокупное основывается на опытности, а опытность на чувствах внешних, следственно познание совокупное основывается на чувствах внешних. А посему все познание наше основывается на чувствах вообще.

§229.

Прежде, нежели объясним мнение наше о существовании тел, надобно заметить, что о существах двоякого рода, т. е. простых и сложных, находящихся в природе, были философы не согласны, о чем уверяет нас История Философии. Некоторые Философы допускали только одного роду существа, т. е. или только простые или только сложные, и Философы сии назывались *Монистами* (Monistae), другие же допускали и простые и сложные существа, и потому именовались *Дуалистами* (dualistae).

Монисты, кои допускали одни только вещественные существа, а невещественные отрицали, назывались *Материалистами*, (Materialistae); те же, кои не допуская вещественных существ или тел принимали одни невещественные сущие в одном уме находящиеся, назывались *Идеалистами* (Idealistae). Те Идеалисты, кои не допускали бытия других

существ кроме самих себя, назывались *Эгоистами* (Egoistae) в Метафизическом смысле. — В нравственном же смысле Эгоистом называется такой человек, который все относит к своей собственной пользе. — Те наконец, кои допускали бытие многих мыслящих существ, а не только самих себя, назывались *Плюралистами* (Pluralistae); *Реалистами же* (realistae) назывались те, кои действительное существование тел, или внешних предметов допускали.

§230.

I-й Вопрос.

В самом ли деле существуют внешние предметы, от которых мы производим внешние чувствования? Ибо некоторые утверждали, что внешние чувствования не принимают своего начала от внешних предметов, напр.: часто слышим, что в ушах у нас звенит, хотя никакое звонкое тело не действует на орган слуха; желтухою болящий все предметы принимает за желтые, хотя они в самом деле не суть таковы. Отсюда происходит спор между Идеалистами, и Реалистами; первые почитают все то одними только понятиями, что мы принимаем за настоящие чувствования, как Н. П. Малевранш; последние же утверждают что внешние чувствования действительно происходят от внешних предметов, следственно Реалисты утверждают, что причина внешних чувствований находится вне души человеческой, которая причина как от самой души, так и от других духовных сил различна, и она есть сущестительная сила, которая называется телом, и что по свойству и различному составлению сего тела должны быть и внешние чувствования различны; однакож не всех тех должно почитать Реалистами, кои утверждают, что причина внешних чувствований находится вне души, но именно те называются Реалистами, которые защищают действительность телесного мира. — Идеалисты, утверждающие, что причина внешних чувствований содержится в самой душе, называются Гармонистами; а те кои полагают причину вне души, почитая однако ж ее духовным существом или Богом, называются Оказионалистами, следственно Идеалисты отрицают существование телесного мира во всяком случае.

§231.

Неоспоримо, что Реалисты касательно сей задачи имеют преимущество перед другими. Что внешние чувствования действительны, в том согласны Идеалисты с Реалистами. Поелику сии

чувствования суть перемены и действия; то они должны иметь довольную причину, потому что никакая перемена, никакое действие не может происходить без довольной причины. Сия же довольная причина должна содержаться или в душе, или вне оной: Есть ли вне души, то она должна содержаться или в духовном существе — в Божестве, или в других от духовного существа различных силах, или телах; но причина сия не содержится в душе, иначе мы должны бы, и могли бы по произволу возбуждать в нас внешние чувствования, или оные должны бы по закону сопряжения (*per legem associationis*) одни из других в непрерывном порядке происходит таким образом, чтобы чувствование А, было бы причиною чувствования Б, а сия причиною В, итак далее. — Но первое, а равно и второе неприлично; поелику ни начало, ни свойство, ни порядок внешних чувствований не состоят во власти нашей. — Мы должны находиться в известных некоторых отношениях, чтоб нам иметь внешние чувствования; напр. чтоб видеть хорошие картины, или разные оружия, то надобно зайти в Эрмитаж т. е. картинной кабинет, или в Арсенал; ежели сии отношения и обстоятельства находятся, то мы имеем одинаковые чувствования; Част такие чувствования последуют одни за другими которые не имеют никакой причинной связи, напр. теперь видим шляпу, после башню, стакан и проч. — Следственно никак не можно оспорить того, что внешние чувствования имеют свое основание вне души, которое не может содержаться в невещественном существе или Боге, потому что между внешними чувствованиями находятся такие, что есть ли бы Бог как причина производит оные в душе нашей, то воспоследовали бы величайшие нелепости; а по сему причина внешних чувствований должна содержаться в вещественных силах, или телах. — Следственно если внешние чувствования действительны, то и тела должны быть действительны; и как совокупность всех тел называется телесным чувствительным или вещественным миром, то и существует вещественный мир, и по различному свойству и совокуплению тел различные бывают внешние чувствования.

§232.

II-й Вопрос.

Имеют ли представления наши о телах сего мира такое подобие, какое иногда имеет копия с оригиналом? В ответе на сию задачу не согласны Реалисты как грубые, так и тонкие: первые говорят что внешние предметы действительно таковы, какими их себе представляем. Причиною тому полагают они средние вещи,

составление органов, и силу чувствования.

Средние вещи как-то воздух, вода и разное отдаление вещей от органов чувственных напр. Во время сырой погоды предметы кажутся нам большими, нежели когда погода суха и чиста; солнце при восхождении своем показывается больше и краснее; нежели когда оно на меридиане.

Состояние органов. Напр. желтухою болящий все предметы усматривает желтыми. *Состояние силы чувствования* Н. П. человеку больному от расслабления нервов наступление на ногу почти неприметное, кажется несносным, потому что нервы относящиеся к чувствованию очень раздражены; тот менее чувствует, кто меньше внешних чувств имеет, а по сему и заключает, что предметы не суть действительно таковы, какими нам представляются. Но здесь сами даже тонкие Реалисты не согласны между собою: ибо одни утверждают, что тела имеют некоторые качества, кои точно таковы, какими нам являются, и сия свойства называются основательными, как Н. П. протяжение, непроницаемость, фигура, движение же кои не суть таковы, какими нам кажутся, называются производными, Н. П. цвет, звук, запах, теплота, стужа и проч. – Но сие утверждение несправедливо, поелику и основательные свойства не всегда бывают таковы, какими кажутся, Н. П. ежели я смотрю на тело через увеличительное стекло, то примечаю в нем скважины и щели, хотя оно свободному оку казалось непрерывным. Сильный человек легко переламывает иное тело, но слабый даже согнуть оно не может. Есть ли переменится свет, и тело совершенно круглое отдалится от нас, то оно показывается продолговатым. Если один человек идет прямо, а другой косо; то последний, которого движение более приметно, кажется идет скорее.

– Другие же говорят, что основательные свойства имеют довольною причину в самих телах, а производные в нашей организации; но и сие утверждение несправедливо, потому что основательные, а равно и производные свойства имеют предлежательную причину. Ибо как нечто содержится в теле Н. П. в хлебе, что будучи в соединении с нашим чувствованием и зрением производит Феноменон, или явление протяжения, непроницаемости, фигуры и проч. так точно должно нечто быть в хлебе, что, будучи в сопряжении с нашим зрением, языком и носом, производит Феноменон цвета, вкуса и запаха и проч.

Почему же свойства тел разделяются на основательные и производные? Причина тому есть следующая: свойства

основательные суть те качества предметов, кои относятся к двум главным чувствам: 1) к превосходнейшему чувству зрения и 2) к достовернейшему чувству ощущения, и не могут быть от тела отделены; а производные относятся только к одному какому чувству, и тело можно себе представлять без сих свойств. Напр. цветы относятся к одному зрению, соляные испарины к обонянию и прочая, никакого тела не можно себе представлять без протяжения, непроницаемости и проч. но без цвета запаха и проч. можно.

Свойства основательные называются также постоянными, потому что оные всегда и везде находятся в телах, как Н. П. тяжесть и непроницаемость; а свойства производные называются непостоянными, потому что оные могут быть или не быть в теле. Н. П. цвет, запах и проч.

§233.

III-й Вопрос.

Существуют ли основательные признаки познаваемой истины вообще, и существуют ли в особенности такие признаки, по которым истинное от ложного различается?

Спор сей происходил между Скептиками и Догматиками. Первые касательно внешних чувств и чувствований утверждают; 1) что мы представлений наших одним воображением производимых, не можем безошибочно различать от действительных внешних чувствований; 2) что мы ни в каком случае не имеем подлинности, что действия внешних предметов не производятся другими причинами и обстоятельствами, следовательно действительности вещей никогда не можно различать от привидений; а отсюда заключают, 3) что нет никакого основательного признака познаваемой истины.

Догматик напротив того должен доказать; 1) что виды воображения безошибочным образом можно различать от внешних чувствований; 2) что есть случаи, в которых действительность вещей подлинно различать можно от привидений, и следовательно, 3) что есть верные и постоянные признаки, по которым можно различать истинное от ложного.

I. Хотя неоспоримая истина, что одно идеальное присутствие некоторых вещей столь сильно действует на человека в некоторых обстоятельствах, сколько и вещное, каковы состояния бывают Н. П. во сне, пристрастии и обмане чувств, (:бешенство отсюда исключается, поелику в сем состоянии разумение считается недугующим:), однако ж при всем том можно воображения различать

от чувствований, а) чувствования и воображения имеют разное происхождение, разные причины, и законы; при различении всего сего можно различать, что принадлежит к чувствованиям, и что к воображениям. Внешние чувствования рождаются в нас, когда мы находимся в известных обстоятельствах и на известных местах; воображения же рождаются по закону сопряженных понятий, Н. П. чтоб нам видеть солнце и чувствовать его теплоту; то мы должны быть на таком месте, откуда можно бы его видеть, и на котором могли бы его лучи на нас действовать, воображать же себе солнце можно даже и в темной ночи. б) чувствования во всех людях вообще суть одинаковы, а воображения различны.

Сновидец может быть переуверен в том, что его чувствование, во сне бывшее есть только одно изображение: а) если он там, где нечто видит, ничего притом не слышит, и не ощущает. б) если некоторые предметы там видит, где они по своей природе быть не могут, Н. П. когда видит в своей комнате высокую башню. в) если другие здоровые и правдивые люди там ничего не видят, где он нечто видит.

II. Есть случаи, в которых действительность вещей можно подлинно различать от приведений. Правда, что действия внешних предметов часто производятся другими причинами и действиями; но нам надобно только познать причины привидений, чтобы узнать средства, коими привидение от действительности отличается.

Причины привидений суть: положение, отдаление, расстояние, средства, орудия. Чем предметы бывают на высшем месте, тем они показываются меньшими, четверугольная башня издали показывается круглою: прямая палка, погруженная в воду кажется искривленною, а солнце при восхождении своим больше, нежели когда оно находится уже над горизонтом.

А дабы можно было привидения различать от внешних чувствований; то надобно 1) предмет рассматривать с различных сторон, напр. чтоб узнать кривая ли палка погруженная в воду, то надобно ее или целую погрузить в воду, или совсем вынуть из воды; 2) надобно смотреть на то: находится ли предмет в круге нашего чувства? чувство видения имеет самый пространнейший круг, а по нем чувство слуха. Прежде видим блеск, а после слышим гром. 3) Надобно употребить больше чувств, чтоб получить больше признаков о предмете, и увериться о его действительности. Н. П. соли и сахара по одному чувству зрения не можно всегда различать, а посему нужно употребить чувство вкуса. 4) Тело человека должно быть в здоровом

состоянии. Н. П. болящему желтухою все предметы кажутся желтыми; находящемуся в лихорадке каждая пища горька; он чувствует то жар, то стужу, а другие люди противные имеют чувствования.

Средство к различению привидения от действительных вещей есть то, чтобы чувствования других людей здоровых сравнивать с нашими, для узнания: согласны ли они с нашими, или не согласны. Н. П. болящий лихорадкою, которому кушанье кажется горьким, должен испытать у других, и ежели по их вкусу не будет горькое, то он должен заключить, что кушанье не горькое, и причина горькости должна содержаться в чем-нибудь другом.

Часто живое воображение, предрассудки и состояние души бывают причиною того, что мы привидения принимаем за действительные вещи, Н. П. суевер при северном сиянии видит кровавые мечи и лозы, коих мы не видим; боязливый видя пень, думает, что это разбойник.

III. Если бы нам должно было обе посылки Скептиков допустить, и признаться в том, что мы привидений не можем различать от действительных чувствований; то должно бы допустить и то, что нет никакого общего признака, по которому можно бы было познать истину внешних чувствований; но как обе посылки Скептиков нами опровержены, то посему можем утверждать: 1) что находятся общие признаки, по которым познается истина внешних чувствований; 2) что есть также подлинные признаки об истине единственных чувствований. — Первый т. е. всеобщий признак об истине внешних чувствований можно изобразить следующим образом.

Все то есть истинное, что мы будучи в здоровом состоянии души и тела, представляем себе посредством внешних чувств, и что будучи в надлежащем местоположении сходственно не только с прочими нашими чувствами, но также сообразно чувствам и других здраво чувствующих и правдивых людей. Напр.: ежели я вижу человека, слышу его человеческий голос, ощущаю в нем составные части человека, и другие люди, имеющие здоровые органы тела, согласны в том с моим суждением; то я подлинно знаю, что предо мною есть человек, и если бы я захотел еще в сем случае сомневаться, то мне должно бы было употребить насилие против моих чувств.

Достоверные признаки существуют также и об истине единственных чувствований. Напр.: слуха, и зрения. — Признаки сии суть следующие: если мы в единственных случаях сведомы о том: 1) что наше тело находится в здоровом состоянии; 2) что во время

чувствования не было в нас никаких пристрастий; 3) что мы имеем здоровые органы тела; 4) что естественное состояние средств непеременимо и 5) что мы находимся в надлежащем положении относительно к телу чувствуемому; то нам невозможно сомневаться в том, чтобы наши чувствования не были истины, т. е. что чувствования наши должны быть действия произведенные внешним предметом, и согласоваться с оным.

§234.

Мы уверены в истине внешних чувств и чувствований. Теперь спрашивается: истинное ли внутреннее чувство, можно ли оному верить, и подлинно ли внутреннее чувство? — Чтоб отвечать на сии задачи, то надобно прежде показать предметы внутреннего чувства. Сии предметы суть все то, что в душе нашей случается, как-то способоразличия, состояния души и свойство непосредственных отношений сих способоразличий и состояний, поколику они чувствуемы, а не умом понимаемы.

Умом понимаемое называется все то, что мы себе представляем посредством всеобщих примет и произвольных признаков; — а чувствуемое называется то, что мы себе представляем посредством зрения.

Внутренние чувствования как внутренние суть всегда истинные. Если совесть наша уверяет нас, что мы находимся в состоянии напр. надежды или боязни; то сии состояния в самом деле должны в нас быть, если мы сведомы о том, что некоторые суждения, действия, и способы в нас существуют, и мы чувствуем некоторое опасение в том: можно ли принимать сии рассуждения за правильные или неправильные; действия за справедливые, или несправедливые; а формы за хорошие, или нехорошие; тогда истина и действительность внутреннего чувства неоспоримы. Напр. когда некто говорит, что он тронут, и нет в том никакого сомнения, что он действительно тронут; то это будет и подлежательно, и подлежательно истинно.

— Хотя некоторые и говорят, что внутреннее чувство есть источник многих заблуждений и ложных рассуждений. — Но утверждение сие несправедливо; ибо не внутреннее чувство, но другое что-нибудь есть тому причиною, т. е. мы сравниваем внутренние чувствования и даем им наименование, из сего делая заключения, восходим к причинам, от сих же снисходим к следствиям, и в сих-то именно заключениях состоят наши заблуждения, а не во внутреннем чувстве, напр. если кто внутренне тронут, и он действительно тронут,

но дает сему ощущению ложное название, напр. благоволение назовет боязнью.

§235.

Основание же, которое дает нам право почитать то за истинное, что мы чувствуем, то есть что рассуждения наши правильны, действия правомерны, а предметы хороши, есть следующее:

Что все люди будучи в здравом уме при неперемняемых и сходственных примечаниях и ощущениях почитают за истинное, правое и хорошее; то должно быть действительно истинным, правым или хорошим. Поелику в самом деле существуют примечания и ощущения такие, кои вынуждают у нас согласие, одобрение, или удовольствие, потому что истина некоторых рассуждений, правомерность действий, и красота некоторых предметов слуха и зрения, производит в людях порознь в разные времена, а во всех людях во всякое время побуждение и склонность к тому, чтоб иметь рассуждение правильным, действие достохвальным, а предмет хорошим; то по сему сии примечания, и ощущения суть признаки истины внутреннего чувства; ибо необходимость иметь нечто правильным, правомерным и хорошим основывается в нас самих.

Хотя люди очень много различаются между собою касательно внутренних чувствований, и причина сего различия состоит а) в главных и посторонних представлениях, б) в различном способе мышления и состоянии души, с) в состоянии тела; однако ж при всех сих трех причинах различия, всегда еще остается некоторая сходственность как основание истины, подлинности и знания или науки.

§236.

Теперь открыли мы основание истины, и подлинности ощущаемой истины, по которому усматриваем, что в чувствованиях должна находится истина; от сего же основания приступаем к открытию основания и подлинности в высшем или *умственном познании* нашем, которое состоит во всеобщих, отвлеченных понятиях, рассуждениях, и предложениях, и на сем основывающихся заключениях.

Сие познание происходит от чувственного познания по существенным законам души нашей и существенными силами оной образуется, каковых сил в других животных не примечаем.

И так истина умственного познания не только существовать может,

но ежели ум наш будет последовать законам мышления, то она и действительно существовать должна, — поелику существуют истинные и подлинные как внешние, так внутренние чувствования, и опытности. Во 2-х существуют неоспоримые законы мышления, на которых основываются правила сравнения, отвлечения, умствования, Аналогии, — следственно разумение человеческое имеет подлинную материю и подлинные правила к обрабатыванию сей материи, то есть разумение может сию материю разбирать, общее извлекать, повсемственные понятия образовать, и приводить оные в порядок; разум же имеет неоспоримое расположение и подлинные правила, дабы из чувствований и всеобщих понятий выводил заключения. Следственно умственное познание, имеющее подлинную материю и подлинные правила к обрабатыванию оной, не только может быть истинное, но при соблюдении правил и должно быть действительно истинное, посему мы имеем признаки умственного познания: 1) *Правильные понятия*, которые ум наш образовал из достоверной материи внешних и внутренних чувствований помощью точного сравнения, и отвлечения, следуя верховным законам мышления; 2) *рассуждения и заключения*; при коих верные чувствования и опытности а также и верные понятия полагаются за основание, наблюдая притом правила заключений и Аналогии, а равно и верховные законы мышления, наконец 3) исследование всех сих оснований во всей точности и сравнение предметов.

ГЛАВА III.

О заблуждениях, и предрассудках и их причинах

ОТДЕЛЕНИЕ I.

О заблуждениях и их причинах

§237.

При всем старании нашем о познании истины часто случается, что мы истинное предложение принимаем за ложное, а ложное за истинное, следственно смешиваем рассуждения, и посему самому заблуждаем. Итак *заблуждение* (error) есть согласие на ложное, а несогласие на истинное предложение воследовавшее без верной и довольной причины. — Следственно всяк заблуждающий отрицает вещи утверждаемые, а утверждает отрицаемые.

§238.

Хотя в заблуждении принимаем истинное за ложное, и ложное за истинное; однако ж заблуждение различается от ложности логической тем, что она есть противоречие между мыслями нашими и предметом, следственно в логической ложности нет никакой причины для сходства мыслей наших с предметом; в заблуждении же находится причина, хотя неверная, но по крайней мере мнимая, которая обманывает нас под видом истины.

§239.

Заблуждение есть или *утвердительное*, в котором утверждается сходство такого сказуемого с подлежащим, которое однако ж с ним несходствует, *отрицательное* в котором сходство такого сказуемого с подлежащим отрицается, которое однако с оным сходственно. Заблуждение может быть или *посредственное*, когда оно происходит из другого уже допущенного заблуждения, а особливо когда нечто производится из неизвестных начал, – или *непосредственное*, когда оно происходит без всякого другого посредственного заблуждения.

§240.

Из сего всего и прежде сказанного об истине следует:

1. Что как истина находится в понятиях наших, когда они сходственны с своими предметами; так точно и заблуждение в них бывает, когда представления наши о вещах несходственны с оными.

2. Как истина находится в рассуждениях, когда вещи утверждаемые утверждаем, отрицаемые же отрицаем; так равно будет заблуждение, если утверждаемые отрицаем, а отрицаемые утверждаем, сложные раздельно а разделенные совокуплено представляем.

3. Как предложения бывают истинные, если в оных то утверждается или отрицается повсемственно, или особенно, что должно повсемственно или особенно утверждать или отрицать; так равно будет заблуждение, если то повсемственно или особенно отрицаем, что должно повсемственно или особенно утверждать, и напротив; или если повсемственно утверждается то, что должно только особенно утверждать. Напр. *Всякий человек учен*; что надлежит только особенно утверждать так: некоторые люди учены.

4. Поелику истина логическая тогда находится в умствовании, когда оно правильно сделано не только в рассуждении вещества, но и касательно образа; то следует из сего, что ложность и заблуждение

будет в умствовании, если посылки касательно вещества будут ложные, или в рассуждении образа заключение будет неправильно.

§241.

Поелику качество разумения нашего требует того, чтобы мы ничего не допускали такого, что содержит в себе очевидное противоречие, ниже утверждали за истинное то, что не имеет никакого основания; то следует из сего, что заблуждений наших должна быть некоторая, по крайней мере мнимая причина, которая обманывает нас под видом истины.

§242.

Общее основание тех причин, по которым впадаем в заблуждения, есть во I-х) усматриваемое нами между вещами подобие, которое однако не есть совершенное. А посему сказуемое об одной вещи неправильно утверждаем о другой; во II-х) рассуждения, кои почитаем всеобщю истиною, основываясь на доверенности или чувств, или разумения нашего, а опытность доказывает их или ложными, или по крайней мере не столь всеобщими, или наконец опытностью называем и почитаем то, мы чего по опытности не дознали.

§243.

Поелику достодолжное внимание полагается основанием всему тому, что ученые люди изобрели по своему остроумию, основательно доказали, и сообщили ученому потомству; то посему все то есть причиною заблуждений, что препятствует достодолжному вниманию.

Вниманию же препятствуют следующие причины: а) *невежество*, с которым все люди на свет рождаются, не имея притом еще употребления разумения и никакого познания вещей. Они приходят к сему познанию постепенно, образуя сначала себе недостаточные понятия о вещах, которые потом мало-помалу усовершенствуют, или родители или место их занимающие воспитатели преподают им ясные о вещах понятия. От сего невежества никто не может освободиться без трудов; многие же избегая трудов, принуждены бывают оставаться во мраке невежества, которое препятствует вниманию в том, что человек не зная еще многих предметов, не может обращать своего внимания на один какой-нибудь предмет, который он мог бы постояннее и точнее рассматривать.

б) *Воображение*, которое бывает по своему качеству или сильное, или слабое; если первое; то многими сопряженными понятиями вместе возбужденными воображительная сила внимающей души разделяется, следственно не может постоянно рассматривать один предмет и обращать внимание на оный; ибо кто на многие вещи обращает свое внимание, тот единственных не понимает; если же второе, тогда все понятия сопряженные не возбуждятся в уме нашем, следственно не можно будет различать настоящего предмета от других ему подобных, и рассуждая об оном можно будет погрешить.

с) *Чрезмерная надежность на свое остроумие*, которою многие будучи обмануты не хотят исследовать причины вещей, и устремлять свое внимание в рассматривание оных, а довольствуются одною сперва примеченною хотя и недовольною причиною, думая, что уже совершенно вещь поняли, но в рассуждении которой подобно слепым претыкаются, однако желая блеснуть в публике пространную ученостью, больше занимаются поверхностными нежели основательными познаниями, от чего происходит хвастовство и торопливость как пространнейшие источники заблуждений и в науках, и в Гражданской жизни. Торопливость заставляет произносить общие рассуждения производимые из одного, либо другого случая.

Излишняя надежность на свое остроумие есть непростительный человеку порок, который делает его несносным человеческому обществу, ибо презирает всех. Он вреден тому человеку, который оным заражен, поелику никогда не старается исправить своих погрешностей.

д) *Естественная склонность к произношению рассуждений, и примеры других людей к тому нас побуждающие*. Отсюда происходит то, что мы имеем внутреннее желание к произношению рассуждений даже о тех вещах, коих и не знаем, потому чтобы уклониться от стыда, могущего произойти от приписываемого нам неведения. Сие желание усиливают в нас примеры других людей благоразумно рассуждающих о различных вещах.

е) *Леность* т. е. избежание трудов, к коим мы обязаны по естественному закону. Она происходит от тяжести врожденной телу животных, которая тем больше увеличивается, чем далее человек остается без упражнения. Тело наше по своей природе недейтельно и нетерпеливо в трудах, особливо Мефодических, следственно не большими трудами ослабляется, и тем самым препятствует душе нашей успевать в науках.

Отсюда происходит, что многие ученые люди составляют сокращения наук, или так называемые Лексиконы, посредством коих обещают в кратком времени доставить всю ученость, а сие производит недостатки в науках, кои состоят в том 1) что мы не обучаемся многим вещам необходимым, или по крайней мере полезным; 2) истины к изучению труднейшие пропускаем, довольствуясь одною поверхностью наук; 3) остаемся по большей части при темных смешанных и не полных понятиях о вещах; 4) старинных предрассудков и заблуждений не примечаем, и таким образом в рассуждениях наших бываем слепо руководимы. Сих пороков и недостатков в науках тот только избежит, который мало-помалу приобретет навык к трудолюбивому вниманию и размышлению о вещах, «ибо нет ничего (говорит *Сенека*) столь трудного, и неприступного в природе, чтобы ум человеческий преодолеть и превзойти не мог».

f) *Нерадивость* в исправлении своего заблуждения. По нерадивости человек немного заботится о том, чтобы увериться в истине или ложности своих рассуждений. Итак привыкший худо рассуждать привыкает также и заблуждать в своих рассуждениях о вещах, кои достойны большего внимания.

g) Наконец причиною заблуждений наших бывает так же еще и *воля*, которая наклоняет нас к предметам для нас приятным, а от неприятных отвращает. Мы часто поступая по склонностям воли нашей, и не приемля советов разума, избираем и делаем то, что производит в нас приятное чувство, и что с настоящим состоянием, желанием и трудами сходственнее. А поелику вещи в сих обстоятельствах нами представляемые сильнее действуют на нашу душу, и тем самым смущают ее в подробном рассматривании оных, следственно препятствуют душе в произношении справедливых рассуждений; то посему сии смущения и пристрастия душевные бывают сильнейшими причинами заблуждений наших.

Сверх сего причиною заблуждений наших бывают обманчивые слова, посредством коих заблуждения других людей нам сообщаются, а особливо воспитателей наших, к которым имеем большую доверенность, и уважение. Ибо 1) словами не означаются самые вещи, но только мысли и понятия об оных; 2) многие слова употребляются в многообразном значении отчасти для того, что язык недостаточен, а отчасти для того, что недостаточное познание оногo; иногда же слова употребляются нарочно в несвойственном значении, чтоб умышленно обмануть других.

§244.

Опытность уверяет нас, что с переменою наклонностей и обстоятельств переменяются и рассуждения наши о вещах. Из сего явствует: 1) для чего мы скорее видим пороки других людей, нежели наши собственные; 2) почему упрекаем других в том, что похвалием в себе самих; а именно для того, что деяния свои рассматриваем как добрые, а деяния других людей представляем себе как худые. Таковому упрекателю обыкновенною пословицею отвечают: (*Medice cura te ipsum*), пусть твое лекарство послужит для тебя. 3) Мы знаем лучше советовать другому человеку находящемуся в несчастьи, нежели самим себе, когда бываем в подобном несчастьи. Ибо когда мы сами находимся в несчастьи, тогда ум наш смущаемый несчастьем, не может со всех сторон рассмотреть и придумать нужных средств к избавлению себя от несчастья. Но противное тому бывает, когда другие люди находятся в несчастном положении.

ОТДЕЛЕНИЕ II.

О предрассуждениях, и их причинах

§245.

Предрассуждение или *предрассудок* (*praeprejudicium*) есть некоторое предупредительное и в душе впечатленное мнение, на которое полагаясь, образуем погрешительные рассуждения в частном некотором случае, напр. в душе простолюдима впечатлено сие мнение; что все таким точно образом устроено в природе, каким представляется его чувствам; посему простой народ, взирая на солнце, думает, что оно непременно такой же величины, как представляется его взору.

Поелику не всякое мнение, рассматриваемое само по себе, есть ложное, напротив того многие истины могут в нем заключаться; то посему не можно всех предубеждений называть заблуждениями, как-то утверждает Баумейстер. Ибо многие основательные истины, на неоспоримых началах утвержденные, могут быть предубеждениями или предрассудками у других людей, коим или началами основания оных неизвестны, или если известны, то больше по доверенности к другим нежели по связи оных с их началами почитаются истинными. Отсюда происходила упорная защита религии, в которой кто-нибудь

родился и был воспитан и наставлен; отсюда мученики и дух преследования происходили.

§246.

Все предубеждения наши могут быть разделены на предрассудки торопливости и доверенности (*in Iudicia praecipitantis et auctoritatis*). Предрассудки *торопливости* бывают тогда, когда мы по причине излишней нашей поспешности, составленные нами рассуждения почитаем тот час за справедливые или за ложные, хотя и не усматриваем ясно связи оных с их началами.

Предрассуждения *доверенности* бывают тогда, когда занятые нами от других рассуждения без довольного основания почитаем или за справедливые, или за ложные, по причине излишней нашей к другим доверенности или недоверенности.

И так, все предрассудки происходят из двух главных источников, т. е. от излишней торопливости и чрезмерной доверенности к другим. Но поелику много бывает таковых обстоятельств, кои заставляют нас без надлежащего исследования истины принимать составленные нами рассуждения за справедливые или за ложные, и кои столь сильно убеждают нас в доверенности к другим, что занятые нами от них рассуждения по одной доверенности почитаем за истинные; то из сего явствует, что сверх общих причин предрассудков, т. е. торопливости и излишней доверенности, суть еще многие причины, от которых происходят разные предрассудки, относящиеся впрочем к какой-нибудь из сих двух причин.

§247.

Особые и случайные причины предрассудков как торопливости так и доверенности суть двоякие, внутренние и внешние; первые имеют свое основание в нас самих, вторые же вне нас.

Причины внутренние

Между внутренними причинами считается: 1) слабость рассудка в молодых летах; 2) природные наклонности воли нашей; 3) врожденное многим нерадение и лень.

1. *Слабость рассудка*, сей обыкновенный и общий недостаток юности, заставляет нас принимать все то за истинное, что мы или сами своими собственными силами узнали, или от других

старавшихся о нашем воспитании заимствовали. — При воспитании нашем бывают или родители наши, или занимающие их место наставники, или наконец те, с которыми находимся в ежедневном обращении, каковы суть кормилицы, няньки и прочая челядь, кои сами заражены будучи предрассудками, не могут показать пути истины для любопытной юности.

Сии принятые нами в юности нашей предрассудки тем больше препятствуют нам в познании истины, что они во всю почти жизнь нашу не только остаются впечатленными в душе нашей, но сверх того почитаемы бывают неоспоримыми началами других истин, выводимых из оных. Мы столько бываем уверены в сих предрассудках, что скорее поверим всему тому, что с ними имеет сходство, нежели самим неоспоримым и очевиднейшим доказательствам.

2. В зрелом же возрасте рождаются различные *пристрастия* и *склонности*, кои бывают озобильнейшим источником разных предрассудков. Ибо почти каждой человек знает по своей собственной опытности, что он почти без всякого рассуждения скорее соглашается принять за истинное то, что сходственно с его *пристрастиями* и *склонностью*, хотя бы то было и совсем несправедливо, а напротив того часто самую основательнейшую истину принимает за ложь, потому только, что она противна его страстям и склонностям. Из сего видно, для чего юношеству неприятны словесные наказания или выговоры за сделанные ими преступления, то есть потому, что оные противны их склонностям.

3. Врожденное многим *нерадение* и *леность* в подробном рассматривании истины. Ибо представлять себе подробно все встречающиеся, а особливо отвлеченные и всеобщие истины, рассматривать связь оных с главными, и основательными началами, стоит не малого труда; то посему многие избегая сего неудобства, принимают всякую почти им попадающуюся истину без дальнейшего рассмотрения за справедливую, а наипаче поддерживаемую мужами знаменитыми ученостью. Другие почитают излишним и ненужным трудом вникать в основания таковых рассуждений, которые учеными людьми не только приняты, но сверх сего объяснены и доказаны; хотя впрочем сии трудолюбивые люди со временем обнаруживают их неправильность, как-то доказывает Гипотеза о течении солнца вокруг земли, наконец множеством разных обязанностей и должностей извиняют свое нерадение в тщательном рассматривании всякой истины, и для того довольствуются истинами, в коих другие

рачительно трудились.

4. Есть люди самолюбивые, кои излишними похвалами, происходящими от одного ласкательства, приписывают себе таковую доверенность, что погрешить в своих рассуждениях почитают делом для себя невозможным; — Из сей доверенности к самим себе истекают предубеждения, называемые предрассудком *необманчивости* (*praejudicium Infallibilitatis*).

Сии предрассуждения тем больше заграждают приступ к святилищу истины, чем защищение принятого нами мнения или предложения бывает упорнее, против самих основательнейших доказательств. Они побуждают нас к презрению и ненависти тех, кои не согласны с нашим мнением; они наконец вперяют в нас дух повелительности, с каковою осмеливаемся исторгать у других согласие на наше мнение.

§248.

Причины внешние

Внешние причины предрассудков усматриваются как со стороны тех, от которых заимствуем какие-нибудь мнения, так и со стороны самих занятых нами рассуждений. Сюда принадлежат: *ученость, лета, достоинства* и *слава* тех людей, кои сообщают нам свои мысли, хорошее мнение о том народе, от которого они происходят и о том учении, которого они придерживаются, также множество других людей, принявших их мнения за истинные, а равно и общее в нашем отечестве какое-нибудь господствующее мнение. Все сии обстоятельства производят бесчисленные предрассудки, кои называются именами тех самих причин, от которых они происходят, так Н. П. бывают предрассудки принятого мнения, предрассудки в отношении к летам, народу, учению, принятой гипотезе, множеству соглашающихся на оную, также предрассудки отечественные и проч.

Многие предрассудки происходят от *излишнего пристрастия ко всему или старинному или новому*, часто случается, что одни принимают мнения других за истинные или ложные по одной их древности, или новости, сия излишняя страсть к древнему производит то, что люди древность любящие презирают всякие открытия новейших времен, или по крайней мере почитают их маловажными, будучи в тех мыслях, что теперь уже не можно никакой истины изобрести, которая бы не была известна древним; других же пристрастие к новости заставляет думать, что все

изобретения древних несовершенны, поелику все они теперь находятся в лучшем состоянии и в лучшем вкусе, следовательно презирают все то, что по их мнению пахнет стариною. Сии противные между собою пристрастия имеют влияние во все наши деяния, и намерения. Предрассудки касательно предмета, о котором рассуждаем, получают разное наименование, напр.: Богословские, Медицинские, философические, правоведательные и проч.

§249.

Всякий человек, усердно желающий познать истину, всеми силами должен прилежать к избавлению себя от предрассудков, какого бы они рода ни были. Поелику все предрассудки бывают величайшим препятствием изыскиваемой и познаваемой истине; ибо предрассудки в юношестве нашем, в котором не бывает совершенного рассудка, долговременностью, привычкою и по согласию других предубежденных людей так внедряются в нас, что даже и в зрелых летах бывают препятствием к различению истинного от ложного; следственно первая степень к достижению истины есть избавление самого себя от предрассуждений. Как пища не полезна расслабленному телу, пока испорченный желудок не излечится, так и все старание наше о познании истинного и ложного не будет полезно, доколе не избавимся от всех предрассудков. Средство же к сему самое действительнейшее есть *благоразумное сомнение* во всем том, что мы в юношестве нашем приняли за истинное или ложное.

§250.

Сомневаться значит не спешить согласиём своим в принятии истины или ложности некоторого мнения, не спешит же согласиём своим тот, кто ни утверждает ни отрицает предложенного мнения. — Из сего явствует, что между сомнительством и отрицанием или утверждением некоторого мнения находится большое различие; Поелику в всяком сомнительстве находится некоторое равнодушие к обеим противоположенным мнениям, в отрицании же, или утверждении нет никакого равнодушия. — Следственно неприлично бы было приписывать тому или отрицание или утверждение такого мнения, о котором он только еще сомневается.

Ежели должно о всех вещах вообще сомневаться, то также и о самих истинах сомневаться должно, — Поелику истина даже и самому

строжайшему испытанию подверженная, ничего не теряет, но паче укрепляется; если же некоторое мнение скрывается только под видом истины, то ложность оного помощью такого сомнительства обнаружится, и перестанет больше нас обманывать. Но при всем том о вещах очевиднейших, или на достоверности божеской основанных, сомневаться не должно. –

§251.

Хотя о всех вещах должно сомневаться, однако ж не все люди без разбору сомневаться могут. Те, кои еще не имеют достодожного употребления разума, не могут сомневаться о вещах; им нужно полагаться на других, и всему только верить, но получив совершенное употребление разума, они уже сомневаться должны. – Следственно малые дети должны всему верить, а взрослые о всем сомневаться.

Поелику мы сомневаемся о вещах для того, чтобы познать настоящую истину; то следует из сего, что мы должны до тех пор пребывать в сомнительстве, пока не откроем истины, истина помощью сомнительства тогда обнаруживается, когда мы бываем склоннее к одному, нежели к другому из двух противоположенных мнений, по довольным причинам, кои доказывают одно предложение близшим к истине, нежели другое.

Из сего следует, что сомневающийся должен быть равнодушным к обоим противоположенным мнениям; в сем равнодушии должен он до толе пребывать, пока не усмотрит довольных причин, доказывающих одно предложение близшим к истине, нежели другое. А если кто сего равнодушия не будет иметь, тот всегда пребудет в ложном мнении.

§252.

Теперь очевидно явствует, что весьма трудно избавиться от предрассудков: 1) собственных, а особливо таких, кои сходственны с нашими наклонностями и желаниями; поелику при сем освобождении необходимо нужно признаться в своем заблуждении, что не только бывает трудно, но и неприятно каждому человеку. Для уничтожения сего затруднения, самым надежнейшим средством полагается чтение лучших сочинений; поелику чтением лучших сочинений мнение наше сравниваем с мнениями других людей, и видя основательность оных, узнаем свое заблуждение и оставляем оное. 2) С трудом освобождаемся от тех предрассудков, к которым мы привыкли долговременностью, каковы суть предрассудки юношества,

напр.: о существовании мощных страшилищ, особенно же когда такие предрассудки чаще возобновляются или нечаянными приключениями, или нарочно производятся лукавством других людей. 3) Трудно избавиться от тех предрассудков, кои подтверждаются согласием многих великих и знатных людей, Напр.: языческие Философы хотя и видели, что мнение о множестве Богов есть ложное, но опровергать оно не смели, поелику много знаменитых мужей последовало оному мнению. А те, кои покушались таковые ложные мнения опровергать, подвергали жизнь свою опасности как напр.: Сократ; предлагавший науку против принятых Афинских мнений, в награждение претерпел смерть. Аристотель же для избавления себя от подобного жребия, убежал в Халкиду (Кольхиду).

ГЛАВА IV.

О познании истины посредством свидетельств

§253.

Мы доходим до познания истины помощью опытности или посредством доказательства. Но как множество вещей почти бесконечно, а жизнь человеческая коротка, и силы разумения человеческого ограничены; то посему мы не можем всего того, что в мире случается, познать собственною опытностью, ниже по причине ограниченного нашего ума, всего доказать; следственно мы принуждены всему тому верить, что другие или собственною опытностью открыли, или доказательствами утвердили, следственно здесь во-первых объясним: что значит слово *верить*? (*Credere*) и прочие к сему относящиеся понятия.

§254.

Слово *верить*, значит не что иное, как соглашаться на предложенное некоторое повествование по причине свидетельства другого человека. — А посему *вера философическая* есть согласие на повествование другого, по причине его достоверности. — *свидетельство* (*testimonium*) есть рассказывание дела. — *Дело* (*factum*) есть действие со всеми обстоятельствами его рассматриваемое. — *Свидетель* (*testis*) называется тот человек, который рассказывает дело.

§255.

Понеже мы признаваем некоторые вещи за истинные только для того, что свидетель рассказывающий оные, считается достойным веры; то посему необходимо нужно знать: что есть достоверность свидетеля (*auctoritas estis*) и на чем она основывается?

Достоверность свидетеля есть его достоинство, ради которого рассказывание его принимается за истинное.

Основание достоверности свидетеля состоит в его знании и правдивости. Ибо достоверность свидетеля есть его достоинство, и судя естественным образом мы нашего вероятия достойным почитаем того, о котором уверенны, что он не мог быть обманутым, и нас обмануть не хочет; он же сам не может быть обманут, ежели имеет надлежащее знание о рассказываемой вещи, и нас не хочет обмануть, ежели говорит правду: следственно достоинство и достоверность свидетеля основывается на знании, и правдивости его.

§256.

Понеже достоинство свидетеля основывается на знании вещей и правдивости его; то из сего явствует, что во всяком рассказывании историческом надобно обращать внимание: 1) на самую рассказываемую вещь; поелику от вещи как от предмета происходит знание свидетеля; 2) на свидетелей, рассказывающих о случившихся происшествиях; 3) на способ, каким рассказываются дела.

Касательно вещи надобно замечать: а) чтобы вещь рассказываемая была возможная; ибо вещи невозможные не существуют, и свидетель те только вещи рассказывать может, которые существуют. б) Вещи рассказываемые должны быть единственные, поелику повсемственные вещи вне нашего ума не существуют. в) В рассказываемой вещи не должны быть противоречивые обстоятельства; ибо все вероятное должно быть притом и возможное; а где находятся противоречивые обстоятельства, там возможность не имеет места, следовательно и вероятность. г) Если рассказывается о вещи необыкновенной и удивительной, то не должно оной опровергать как ложной и невозможной; напротив того надобно испытывать ее истину по разным обстоятельствам. Ибо когда многие люди честные и достойные веры рассказывают нечто с одинаковыми обстоятельствами, и если еще к тому прибавляется клятва, то

рассказываемое ими происшествие тем больше будет вероятно. д) Если многие свидетели рассказывают тоже самое происшествие одинаковым образом, а особливо когда свидетели будут из разных народов и различных сект; то рассказываемое ими происшествие тем больше будет вероятно; ибо невозможно многим свидетелям точно согласиться в обмане, а наипаче когда различные обстоятельства дела не от одного, но от разных свидетелей заимствованные предлагаются одинаковым образом.

§257.

Касательно свидетелей надобно заметить, что достоверность оных бывает различная, и разность сия происходит от разного их разумения, воли и чувств. а) Свидетели касательно разумения суть люди или прозорливые и остроумные, или тупоумные и простяки. б) В рассуждении воли одни свидетели бывают справедливы, нелицеприемны и беспристрастны; другие же по лицеприемству не могут сказать истины. в) Касательно чувств, свидетели разделяются на самовидцев и слуховедов (*inoculatos et auritos*);

Первые суть те, кои сказываемые нам дела сами своими глазами видели, или другим каким-нибудь чувством понимали; – а вторые суть те, кои рассказывают то, о чем от других получили известие.

Сии последние называются современниками (*coaetanei*), кои в тоже самое время жили, когда случилось деяние, ими рассказываемое, или новейшими (*recentiores*), кои только повторяют то, что современники рассказывают.

§258.

Из сего усматриваются правила, по которым можно рассуждать о вероятности Исторической.

1. Достоверность человека прозорливого и остроумного более достоверности тупоумного и простяка, а особливо в таковых вещах, кои требуют большего внимания и рассудка; в вещах же одним чувствам подлежащих, достоверность бывает равная как остроумного, так и простого человека. Напр. человеку искусному в Физике и Математике больше верим, когда он рассказывает о явлениях природы, нежели мужику, о том же самом извещающему. 2) Свидетелю нелицеприемному больше верим, нежели лицеприемному, потому что сей последний, действуя по пристрастию, не может сказать истинны. – Лицеприемство свидетеля познавается по разным обстоятельствам. Напр.: если свидетель больше привержен

к одной, нежели к другой стороне, каковую приверженность могут производить: Отечество, Религия, фамилия, секта и прочие сим подобные обстоятельства. 3) Достоверность свидетеля самовидца более достоверности слуховеда, и посему первый достойнее веры нежели второй; поелику слух обыкновенно переходя от одного к другому увеличивается, (*fama eundo Crescit*), ибо один то, а другие другое прибавить может. Касательно свидетеля самовидца надобно знать; прозорлив ли он, или простяк, ибо рассказывание свидетеля Слуховеда достойнее веры, когда источником оного бывает свидетель прозорлив. Посему, когда сказанное пересказываем, то обыкновенно говорится (*sit fides penes auctorem*). 4) Достоверность современного свидетеля более достоверности новейшего, а особливо когда сказанное современными свидетелями, многие другие свидетели тем же самым образом и с теми же обстоятельствами подтверждают, и кои получили сведение из разных источников.

§259.

Что касается до способа, каким предлагаются Исторические происшествия, то должно наблюдать, чтобы они предлагаемы были простым Историческим, а не Пиитическим или Риторическим слогом, ибо когда Исторические происшествия предлагаются Пиитическим или Риторическим образом, тогда редко в них видеть можно искреннюю простоту, поелику истина не нужными и бесполезными украшениями, тщательно собранными, столь сильно затмевается, что едва оную видеть можно.

§260.

Все то, что доселе говорено было об Исторической вероятности, относится только к свидетельствам и достоверности человеческой; а то, что основывается на достоверности божеской, тем больше подлинно, чем подлиннее, что высочайшее существо не может быть обмануто, ниже обманывать может. Из сего явствует, что мы должны делам верить, а догматы или всеобщие предложения знать основываясь на доказательствах. А посему если кто верит всеобщим предложениям по одной достоверности человека, предлагающего оные, и не старается познать внутренних причин, убеждающих его в истине, такого человека называем зараженным предрассудками достоверности. Следовательно те нехорошо делают, кои всеобщие истины утверждают полагаясь на достоверность других знаменитых людей, а между тем пренебрегают внутренние убеждающие

основания оных. Посему-то говорится: (auctoritas tantum valet quantum ratio) достоверность того же стоит, чего и представляемые причины.

§261.

Какие обстоятельства увеличивают и какие уменьшают достоверность свидетеля? Достоверность свидетеля увеличивается 1) когда те не противоречат его повествованию, кои имели побудительную причину противоречить, или зная о повествуемом, не только молчат, но даже соглашаются на оное. 2) Когда с повествуемым многие знаменитые люди современные или новейшие соглашаются, однако такие, кои не из одного источника почерпнули познание о вещи; иначе же всех достоверность будет такова, как бы одного человека. 3) Когда он рассказывает такие деяния, кои случились в его присутствии.

Меньшая бывает достоверность свидетеля в следующих обстоятельствах: 1) Когда он предлагает известия о своей секте, которые по приверженности его к оной могут быть неверные; 2) Когда один другому противоречит; 3) Когда рассказывает о вещах случившихся в те времена, кои были склонны к баснословию; 4) Когда рассказывает нечто такое, о чем другие молчат, а должны бы были о том говорить; 5) когда опускаются обстоятельства принадлежащие к сущности дела; 6) а предлагаются ни месту ни времени несообразные. Наконец, когда свидетель при своих повествованиях питается надеждою получить награждение, или ищет славу своего народа, или наполняет свои повествования пустыми воображениями.

МЕТОДОЛОГИЯ ВСЕОБЩАЯ

ГЛАВА I.

О методе и Методологий

ЧЛЕН I.

О методе и разных родах оногo

§262.

Метод есть способ и порядок в распоряжении различных сведений,

устремляемых к известной цели. Методы бывают многообразные: как-то Метод а) ученый и простонародный (scientifica et popularis), б) Систематический и отрывочный (systematica et fragmentaria), в) Аналитический и Синтетический, д) Силлогистический и сокращенный (tabellaris), е) Акроаматический и Эротематический.

§263.

Ученый Метод называется такой способ, коим начинаем какую-нибудь науку от первых ее начал и довольных причин, и поступаем к заключениям оттуда производимых. Сей Метод называется также Схоластическим, потому что он имеет преимущество в схолах (школах, училищах).

Метод простонародный называется такой, в котором начинают с начал занимательных, и для людей всякого рода и состояния понятных.

§264.

Метод Систематический есть Метод ученый, в котором производится истина из истины, понятие из понятия, и все в тесной связи совокупляется, сей Метод называется также и Математическим или философическим.

Метод *отрывочный* есть тот в котором собираются различные сведения без всякой связи и без приведения оных в одно целое.

§265.

Метод *Аналитический* значит то, когда в распоряжении и объяснении познаний наших поступаем от сложных к простым, от совокупных к отвлеченным, и от частных ко всеобщим. — *Синтетический* напротив того поступает от простых вещей к сложным и от всеобщих к частным.

Метод Аналитический называется *Методом изобретения* (Inventionis), поелику он гораздо способнее к изобретению истин; ибо разлаганием сложных или соплетенных вещей большая часть истин изобретена.

Метод же Синтетический называется *Методом учения* (methodus doctrinae) поелику оный в учении, т. е. в толковании изобретенных истин, гораздо приличнее, ибо когда мы порядочно и надлежащим образом хотим наставлять других, то начинаем с простых яко удобнейших и поступаем к сложным, как труднейшим вещам.

Хотя в обрабатывании частного какого-нибудь предмета всегда предоставляется на произвол каждого поступать в своих доказываниях по Методу Аналитическому или Синтетическому; однако ж большая польза усматривается для убеждения в истине, ежели оную в таком порядке предлагаем и доказываем другим, в каком мы сами умствуячи по известным началам дошли до оной, или в каком порядке истина самым сходственным и простейшим образом из оных проистекает; следственно ежели поступаем Синтетическим образом. Сверх сего, если в делах важнейших тотчас начинаем с заключений, то очень легко могут найтись такие люди, кои не будучи согласны с нашим мнением не станут терпеливо слушать наших оснований да еще и препятствовать нашим доказательствам; то посему благоразумие требует, чтобы начинать доказательства с отдаленнейших начал и оснований, и таким образом предуготовлять слушателей, или читателей к тому, чтобы они будучи убеждены в истине сих начал, снисходительнее допустили наше заключение, очевидным образом из оных начал происходящее.

§266.

Метод *Силлогистический* есть такой, посредством коего предлагается наука в непрерывной связи заключений, кои происходят одни из других. Методом *сокращенным* (табельным) называется такой, посредством коего составленная уже Система какой-нибудь науки, в краткости представляется целою.

§267.

Метод *Акроаматический* употребляется, когда кто сам обучает, т. е. словесно доставляет другому еще не известные ему познания. Ежели сие учение производится вопросительным образом; то сей Метод называется *Эротематическим*.

Сей последний Метод бывает или разговорный (*dialogica*) или *катехетический* (*catechetica*), по первому Методу, предложением вопросов ученик принуждается сам собою изобретать и давать ответы. Сей Метод премоного споспешествует развитию ума касательно познаний, подлежащих разуму; а также предложением вопросов заставляя ученика познавать свои собственные начала разума; и усугубляет притом внимание его на оные. — Но приведение в действо сего Метода не столь удобно, сколько иным может быть кажется. Потому что он предполагает многие вещные познания и пространные психологические сведения в человеке вопрошающе.

По второму же Методу посредством предлагаемых вопросов

доходим до того, что ученик знает наизусть, сей Метод приличен Эмпирическим и Историческим познаниям. Посему, Метод разговорный изоощряет разумение, а Катехетический память.

§268.

Когда исследуем каким образом и каким порядком должно располагать познания наши, и правильно производить одни из других, дабы, избежав околичностей и заблуждений, можно было достигнуть желаемой цели; то спрашивается: какие суть главнейшие принадлежности Метода? Сии принадлежности суть: *краткость* (brevitas), *благонадежность* (securitas) и *полнота* (plenitudo). Краткостью сберегается драгоценное время, которое быв единожды потеряно, никогда уже более возвращено быть не может. Благонадежностью уклоняемся мы от заблуждений, а полнотою от недостатка, краткостью Метода отвращается медлительность, благонадежностью излишняя болтливость, а полнотою невежество.

Стараясь быть кратким, не будь шарлатаном, которого все искусство состоит в том, чтоб разными украшениями обмануть несведущих. Сему роду людей подобны те учителя, кои под тем благовидным предлогом, чтобы не терять времени, представляют сокращенной способ учения, в котором показав оглавление знатнейших статей какой-нибудь науки, во внутренность оной не входят довольны будучи одною поверхностью.

ЧЛЕН II.

О предварительных понятиях относящихся к Методологии

§269.

По представленному понятию о Методе §262. Методология есть наука объясняющая способ и порядок, которым пользуется разумение человеческое или в сочинении, или в преподавании какой-нибудь науки.

§270.

Многие и различные сведения наши, пока не будут приведены в порядок и связь не могут назваться наукою, ниже составить Систему; они суть одно только сборище многообразных понятий, кои могут служить веществом для сооружаемой науки и Системы. А посему,

чтобы многообразные сведения наши можно было удостоить имени науки, то они должны быть расположены методическим образом, т. е. должны быть утверждены на одном основании, подчинены собственному их началу, и составить одно целое. — Итак *наука* есть нечто целое, из многих познаний методическим образом составленное. Или есть совокупность доказанных истин смотри §233.

§271.

Система есть совокупность учений, в одно целое совокупленных. — Системе противопоставляется *сборище* (:aggregatum:) многих сведений, приобретенных случайным образом, не приведенных в одно целое, и не состоящих в необходимой связи. Такие сведения называются *отрывочным, познанием* (:Rhapsodica или fragmentaria cognitio:) которое не будучи приведено к одному основательному началу, и не имея необходимой связи всегда колеблется. Познания, относящиеся к одному основательному началу, и состоящие в необходимой связи, называются *Систематическими* в противном же случае *отрывочными*.

В начале происхождения наук, все сведения наши были отрывочные и долго времени потребно было к тому, чтобы сии отрывочные сведения привести в Систематический порядок. Да и в наши времена находятся такие отрывочные познания, каков напр. есть предмет Физиогномии, то есть науки судить по чертам лица о склонностях и умах человеческих, также предмет *Статистики*, т. е. познания действительных достопамятностей составляющих настоящее состояние Государства. Сию последнюю начинают уже мало-помалу приводить в Систему.

§272.

Разум человеческий как вообще так и в особенности относительно к сведениям нашим стремится к единству и связи оных, понуждая нас возвышать сборище сведений наших на степень науки, в сооружении которые сборище сведений доставляет вещество, а разум подает понятие о целом. Никакого знания не можно привести в совершенное состояние, не имея к тому материалов, коим яко частям при сооружении самой науки должно предшествовать понятие о всей науке; ибо части по понятию о целом должны быть располагаемы и взаимно совокупаемы. Итак целью Методологии есть сооружение науки из многих различных сведений и Логическое совершенство оной. Логическое совершенство науки состоит в ясности,

основательности и Систематическом распоряжении оной для приобретения в полной мере одного целого. — А посему Методология должна показывать способы и средства к споспешествованию Логического совершенства в какой-нибудь науке. Одни из сих средств споспешествуют внутреннему Логическому совершенству науки основательностью понятий, а другие обширностью оных. (:media, quae promovent logicam perfectionem cognitionis, sunt intensio et Extensio conceptuum:).

ГЛАВА II.

О средствах споспешествующих Логическому совершенству науки, относящихся к основательности и ясности понятий и распространению оных

ЧЛЕН I.

О средствах относящихся к основательности и ясности понятий

§273.

Между средствами, споспешествующими Логическому совершенству науки относящейся к основательности и ясности понятий, считаются: определение, изъяснение и описание.

§274.

О определениях и их правилах.

Определение (:Definitio:) есть ясное, полное и точное объяснение качества вещи, или содержание какого-нибудь имени. Та вещь, которой объясняется качество, называется *определяемым* (:Definitum:) напр. *человек есть чувственно разумное существо*. Здесь слово *человек* есть определяемое или определенное, прочие же слова составляют определение. И так:

Существенные качества совершенного определения суть следующие: 1) Ясность perspicuitas 2) Полнота plenitudo 3) Точность praecisio.

Ясное бывает определение, когда признаки определенного суть ясные и подробные. *Полное*, которое содержит все существенные или отличительные признаки определенного. *Точное*, в котором нет никаких других, кроме одних необходимых признаков.

§275.

Определения суть или Аналитические или Синтетические, т. е. разлагательные или слагательные. — Первыми обнаруживаются признаки содержащиеся уже в понятии определяемом, и соделываются ясными; вторыми же соделывается понятие ясным через сложение признаков напр.: человек *есть животное разумное*, будет определение Аналитическое; а следующее: *Воздух есть жидкое тело, коим мы непрерывно дышим, которое со всех сторон окружает землю, и снабжено упругостью и тяжестью*, будет Синтетическое. — Оно не предлагает признаков, кои бы содержались в понятии воздуха, в нем исчисляются только те вещи; кои принадлежат к сему понятию.

§276.

Определения еще разделяются 1) на *именные* и *вещные* (:nominales et reales:). *Именные* служат к объяснению одного только имени, приведением одних внешних признаков, напр. *Философия есть любовь к мудрости*, или *треугольник есть пространство тремя линиями обведенное и заключенное*. — Определения сии суть только относительные и происходящие от сравнения одного предмета с другим, не изъясняя качества определяемого понятия.

Вещные определения суть самые подробные изъяснения самого качества определяемой вещи, напр. *Человек есть животное разумное*; здесь представлен внутренний признак определенного. *Вещные* определения суть или существенные, или случайные (:Essentiales vel accidentales:). Определение *существенное* есть изъяснение вещи по признакам, существенным, следственно по первому различию напр. *человек есть животное разумное*; определение же *случайное* есть изъяснение вещи по признакам случайным, или лучше сказать по качествам (:attributa:), следственно по различию произошедшему от первого различия напр.: человек есть животное, рожденное к созерцанию природы.

Вещные определения, кои сверх исчисления внутренних признаков изъясняют притом еще и способ, по которому определяемое производимо быть может, называются *родопроизводными* (geneticae) напр. *линия есть длина непрерывным движением точки начертанная*.

По сему объяснению различных определений видно, что мы больше имеем определений именных и случайных, нежели вещных и существенных, ибо каждой вещи сущности, ниже внутренних

признаков оной, усмотреть не можем.

§277.

Правила для составления определений

I. Определение должно быть яснее своего определяемого, поелику цель и качество определений состоит в том, чтобы объяснить определяемое; но то что объясняет, должно быть яснее того, что объясняется, иначе определение было бы один тщетной труд.

Ясность сия приобретается 1) Когда в определении употребляются термины, коим соответствует понятие ясное, полное, свойственное и постоянное; 2) Термины, введенные в употребление и довольно известные, а если новые, то они должны быть прежде изъяснены; 3) Когда употребляются термины свойственного, постоянного и определенного значения; 4) Когда не будут встречаться в определении Термины подобные или однознаменательные. Посему определяемое не должно входить в определение, поелику определяемое есть термин темный, иначе не было бы нужды объяснять его, напр. философия есть наука *философическая*, таким образом темное объясняется темным, и таковым остается.

II. Определение должно приличествовать одному и всякому определяемому (:debet convenire soli et omni definito:).

Ибо если бы определение не приличествовало,

1) *Одному* только определяемому, т. е. одним только тем вещам, кои содержатся в круге определяемого, тогда не можно бы различать определяемого от всех прочих вещей, что было бы противно цели определения. Напр. худое было бы сие определение: *Человек есть животное смертное* – или сие Платоново определение: *Человек есть двуногое бесперое животное*. Посредством первого не можно отличить человека от Скота, а посредством второго от ощипанного петуха.

2) Если бы определение не приличествовало *всякому* определяемому то есть, каждой вещи порознь принадлежащей к кругу определяемого; тогда определение не изъясняло бы качества определяемой вещи, что опять противно цели определения. Напр. худо бы я определил человека, говоря: *Человек есть животное говорящее* или *ученое*, поелику сие определение не было бы сообразно всякому неделимому, под словом человек содержащемуся, напр. Немому или неученому и непросвещенному, кои впрочем также

суть люди.

III. Определение должно иметь ближайший род, и последнее различие (*genus proximum et ultimam differentiam*). Ибо в противном случае не приличествовало бы одному и всякому определяемому, что опять противно второму правилу. Сие объяснить можно примерами; напр. Если я скажу: *Человек есть существо разумное*, то по недостатку ближайшего рода не можно отличить человека от Ангела, который также есть существо разумное, следственно не приличествует одному только человеку. А если скажу; *Человек есть животное двуногое*: то по недостатку последнего различия, не можно будет различить человека от птиц, а посему сие определение не приличествует одному человеку. А следующее: *Человек есть животное говорящее*, по недостатку последнего различия, неприличествует всякому, напр. немому человеку.

Примеч. Касательно последнего различия должно заметить, что его не можно распространять ни на больше, ни на меньше вещей, как только на те, кои содержатся в определяемом; ибо в первом случае определение будет пространнее определяемого (:latior definito:), а во втором теснее (:angustior:) следственно в обоих случаях не будет полное, что однако же принадлежит к сущности определения. Напр. человек есть животное двуногое, сие определение есть *пространнее* определяемого, ибо оно приличествует также и птицам. А если скажу: человек есть животное разумное и ученое: то сие определение опять будет *теснее* определяемого, ибо человекам, не имеющим учености, не приличествует.

IV. Определения не должны быть отрицательные, поелику сего рода определения не объясняют понятия соответствующего термину объясняемому; они единственно показывают которое понятие не может содержаться в изъясняемом термине. А хотя из сего и явствует, чем не может быть вещь определяемая, но не явствует, что она есть? но сего то последнего и ищем во всяком определении напр. когда я говорю: *Человек не есть дерево, Ангел не есть Солнце*; то еще из сего не понимаю, что должен быть человек и что Ангел? Хотя сие правило, говоря вообще, имеет свою силу, однако ж в двух случаях отрицательные определения могут быть употребляемы, а именно 1) Когда не можно сделать утвердительного определения потому, что положительные свойства какой-нибудь вещи нам неизвестны, и когда вещи определяемые сами по себе темны, или превосходят понятность нашего ума; 2) Когда встречаются два термина противоречивых, между которыми нет никакого среднего; то по определении одного из

них утвердительно, другой по справедливости определяется отрицательно; ибо уже довольно известно, что значит вещь в таком случае, когда об одной отрицается определение противной вещи через предшествовавшее, определение уже известной, напр. *невозможным* называется то, что в существенных признаках имеет противоречие; а возможным то, что в существенных признаках не имеет противоречия.

V. Определение должно быть краткое, т. е. оно не должно в себе заключать более признаков кроме только тех, коих довольно к различению определяемого от всех прочих вещей. Ибо иначе произошло бы затруднительное применение (:applicatio:) в употреблении определений? Притом же чрезмерно обширное определение по причине многих бесполезных Терминов, препятствует достодолжному вниманию и рассматриванию предметов. – Посему то нужно стараться уничтожать множество признаков и избегать околичностей; но при всем том должно беречься, дабы заботясь о краткости, не сделаться темным; лучше выйти за пределы краткости, нежели потерять ясность.

Следствие 1. Определение должно быть таковой же обширности и пространства, как и само определяемое, следственно определение должно быть всегда уравниемо своему определяемому.

Следствие 2. Определение и определяемое в самом деле суть одно и то же; следственно одно может поставлено быть на место другого без нарушения истины. Напр. человек есть животное разумное и обратно.

Следствие 3. Чему приличествует, или неприличествует определение, тому должно приличествовать или неприличествовать и определяемое.

§278.

Способ испытывать правильность или неправильность определений:

1) При исследовании правильности или неправильности определения, надобно обращать внимание на то, действительно ли приличествует подлежащему сказуемое, которое произносится об оном в определении? Сим способом доходим до *истины* определения.

2) Надобно внимать: находятся ли признаки в определении, посредством коих определяемое во всякое время и во всех обстоятельствах отличается довольно от всех других предметов. — Сим способом исследуем *ясность* определения.

3) Надобно смотреть: находятся ли в определении все те

внутренние признаки, посредством коих можно отличать определяемое? Сим способом познаваем *Полноту* определения.

4) Наконец надобно примечать: не содержит ли в себе определение таких признаков, кои и для других предметов служат отличием. Сим способом испытываем *точность* определения.

§279.

Не всякую вещь, находящуюся в природе, определить можно. Понятие о родах и видах определяем, поелику удобно различаем в них то, что существенное и что свойственное; напротив поелику не можем делать сего в понятиях о вещах единственных, то посему только описываем оные. Таким образом поступают физики в представлении понятия о растениях, камнях и других естественных телах; – Историки и Географы в начертании Провинций, Городов и частных происшествий; а пииты в описывании великолепных садов зданий и прочего, Исчисляя единственные, части, свойства и принадлежности. Подобным описанием пользуются судии в публичных объявлениях, коими стараются открыть убежавших преступников, описывая их одежду, рост, черты лица, волосы и прочие признаки, по которых можно их узнать.

§280.

Итак, где не может быть место определениям, там пользуемся толкованием, и описанием.

Толкование (:Expositio) Есть аналитическое последственное исчисление существенных признаков какого-нибудь понятия. Таким образом философ толкует понятия о существе, причине, о правом и справедливом, когда он исчисляет существенные признаки, не утверждая притом, что все уже исчислил. — Итак толковать можно только данные понятия, а объяснять сделанные (:conceptus dati exponuntur, factitii declarantur:).

Объяснение (:declaratio:) есть толкование того, что мы разуметь желаем под именем, изражающим сделанное понятие.

Описание (:Descriptio) есть исчисление признаков отчасти существенных, а отчасти случайных столь многих, сколь многие потребны к тому, чтоб можно различить описанный предмет от прочих.

Таким образом ботаник описывает растения, минералог ископаемые тела; однако ни первый, ни второй не исчисляет всех признаков, а приводит только те, коих довольно к различению

предмета.

Из сего видно, что в описании чего-нибудь, не нужно исчисление признаков существенных и внутренних, а довольно одного исчисления случайных; не нужна также и точность (:praecisio), но потребно столько признаков, сколько будет их довольно к различению предмета от всех прочих, итак описываем вещи неделимые, а определяем понятия отвлеченные. Касательно способа составлять определения, смотри пример в §227.

ЧЛЕН II.

О средствах, споспешествующих логическому совершенству знания относительно к распространению понятий

§281.

Между средствами, споспешествующими Логическому совершенству знания относительно к распространению понятий, надлежит полагать: Логическое разделение понятий и их подробность, способ упражняться в науках, размышление и решение задач, искусство чтения книг, учения и убеждения других, искусство опровергать ложные предложения, защищать истинные и наконец теорию состязания или прения.

§282.

О логических разделениях

Разделение Логическое (:divisio logica:) есть раздробление понятия на частные, в нем содержащиеся представления. Понятие, разделяемое на частные представления, называется *делимым* (:divisum) а частные представления *членами разделения* (:membra dividendia:).

Разделение вообще (:divisio) и раздробление (:partitio) не одно и тоже. *Раздробляется понятие*, когда исчисляются те вещи, которые содержит в себе раздробляемое понятие, напр. человек есть существо органическое, чувствующее и разумное; а *разделяется* понятие, когда исчисляются вещи, которые содержатся в понятии, или которые составляют круг оногo. Напр. существа органические суть растения и животные.

§283.

Когда разные разделения одного и того же понятия для разного употребления делаются, то они называются *соразделениями* (*condivisiones*) напр. *люди бывают ученые, и неученые, здоровые и больные*, суть соразделения сего представления: *человек*. Когда член разделяется на новые члены, то сие разделение называется *подразделением* (:subdivisio) напр. *человек разделяется на душу и тело*, есть разделение, *тело разделяется на голову, шею, грудь и составы*; сие последнее будет подразделение. Такое расположение разделений и подразделений, чтобы можно было удобно видеть все члены, называется *табельное*, или *краткое обозрение* (:tabellaris conspectus:).

§284.

Разделение, смотря по числу его членов, имеет разные названия. Ежели будут два члена, то разделение будет *двучленное* (:bimembris); если четыре члена, *четыречленное*, наконец когда много членов, то *многочленное*, напр. разделение существа на простое и сложное будет *двучленное*; а разделение животных на млекопитающие, птицы, земноводные, рыбы и черви, *многочленное*.

§285.

Различение (:Distinctio:) есть отделение понятий, имеющих между собою некоторое подобие, однако ж в некотором отношении между собою разных. Оно разнствует от разделения тем, что всякое логическое или умственное разделение, есть раздробление целого на части; а помощью различения всегда усматриваем и обнаруживаем или разные значения в некотором слове, или частные и подчиненные понятия во всеобщем понятии. Целью оного есть предосторожность в том, чтобы не смешивать разных понятий, и не почитать их одними и теми же.

§286.

Правила порядочных разделений

1) Членов разделенных должно быть столько, чтобы они, будучи вместе взяты, равнялись целому. Посему худое бы было разделение

земного шара на Азию, Африку, Европу, пропустив Америку.

2) Члены разделения должны быть в таком противоположении, чтобы сказуемые одного члена, не были сказуемыми другого, напр. погрешительное будет разделение: *доброто* на *честное*, *полезное* и *приятное*: ибо сии члены не исключают один другого, поелику честное может быть вместе полезным и приятным; а приятное вместе честным и полезным.

3) Разделение должно быть сперва учинено на члены всеобщие, а после всеобщих на частные. Посему неправильное было бы разделение, если бы шар земной разделить сперва на Россию, Германию, Францию, Испанию и проч., поелику сии части не суть главные члены шара земного.

4) Никакой член разделения не должен содержаться в другом; иначе один член был бы положен дважды без довольной причины. Напр. не хорошее было бы разделение шара земного на Европу, Азию, Африку, Америку и Германию, ибо Германия содержится уже в Европе.

5) Разделение не должно быть слишком краткое, ни весьма обширное; ибо как весьма обширное, так и весьма краткое понимать трудно. Излишнее исчисление частей столько затрудняет ум, что на место ясности, которую единственно посредством разделения стараемся приобрести, нередко происходит величайшая темнота и запутанность.

ГЛАВА III.

О размышлении вообще и решении задач

§287.

Мы приобретаем разные познания или собственными нашими трудами, то есть основательным размышлением, или прилежным чтением книг. И для того исследуем наперед качество размышления, а потом чтения.

§288.

Мы тогда размышляем (*meditamus*) когда располагаем наши мысли по правилам хорошего порядка, или Метода, таким образом, чтобы понятия из понятий, предложения из предложений и неведомые истины проистекали из ведомых правильным образом. – А посему размышление (*meditatio*) есть связь мыслей наших в

исследовании истины сообразная правилам хорошего Метода. –

Размышлять *методическим образом*, значит изображать подробные о вещах понятия, из предутвержденных начал и оснований производить правильным образом заключения, и многообразные сведения совокуплять в одно целое, устремляемое к известной какой-нибудь цели. Поелику слова суть знаки мыслей наших, без которых мы даже и в безмолвии размышлять не можем, (смотри §96) и поелику всякое размышление имеет постоянное представление, к которому яко цели все прочие устремлять должно; то всеобщим правилом, наблюдаемым в размышлении, полагается следующее: *Употребляй слова, долженствующие изразжать понятия наши, в совершенной точности, и наблюдай порядок, ясность, и точность в понятиях, словами изразжаемых.*

§289.

Частные правила порядочно учреждаемого размышления суть следующие:

I. Желаящий правильно размышлять, должен прежде всего снискать познание многих истин. Ибо невозможно выводить новых неизвестных предложений и истин, если прежде не будет познания многих истин и предложений. — Из сего явствует, что люди, не имеющие предварительного познания многих истин не способны к размышлению, как напр. малые дети.

II. Поелику предрассудки много препятствуют исследованию истины, и бывают поводом погрешительным рассуждениям; то посему приступающий к правильному размышлению, должен стараться об освобождении себя от всяких предрассудков.

III. Хотящий правильно размышлять, должен иметь основанием подлинные и несомненные начала при своем размышлении, ибо размышляющий должен соображать мысли свои с правилами хорошего порядка, а между правилами хорошего порядка считается и то, чтобы все предложения и все умствования проистекали из несомненных начал.

IV. К правильному размышлению требуется то, чтобы вещь, составляющая предмет размышления, была точно определена, и все термины, входящие в определение, правильно объяснены. Таким образом из новых определений частных признаков произойдут новые разделения, а сим способом дойдем мы до начал, и совокупности познаний наших.

Из учиненных определений соделываются Аксиомы таким образом, дабы определение занимало место определяемого, а определяемое, поступило на место определения; или когда из правильного определения производятся предложения помощью правильного умствования и заключения. Смотри о сем *Баумейстера* *Logicam methodo Wolfii adornatam*. Аксиомы суть предложения столь ясные и очевидные, что они без всякого доказательства вынуждают у нас на то согласие наше. – Предложения же требующие доказательства, коими утверждается истина оных, составляют проблемы или задачи.

§290.

О решении задач

Все задачи (*quaestiones*), какого бы они роду ни были, могут быть разделены на три главных класса, кои суть следующие:

I. Класс: когда предлагается известное подлежащее, и спрашивается о приличном ему сказуемом, напр. какие суть способности человеческой души?

II. Класс: когда предлагается известное сказуемое, а спрашивается о настоящем подлежащем оного. Напр. какие люди могут подлежать закону и обязанности нравственной.

III. Класс: когда и подлежащее и сказуемое в задаче известны, но спрашивается; поколику сказуемое приличествует, или не приличествует подлежащему?

Следственно ежели надобно решить данную какую бы то ни было задачу; то прежде всего надобно оную подвести под одну из предреченных статей, а потом наблюдать следующие правила:

а) Надобно всячески стараться, чтобы о предложенной задаче снискать подробнейшее понятие, которое должно быть представлено в полной ясности.

б) А посему надобно исследовать и смотреть: не составлена ли предложенная задача из многих других задач и не может ли быть разделена на частные задачи? Ежели может быть разделена на более задач, то в сем случае надобно прежде всего отвечать и решить ту, по решению которой будет следовать ответ на прочие. Напр. сей вопрос: *что есть человек?* Составляет простую задачу, которую не можно разделить на многие. – Но сей вопрос: *можно ли принуждать человека к исполнению закона?* будет сложная задача, в которой надобно знать: что есть во 1-х) закон, во 2-х) человек, в 3-х)

принуждение?

в) Надобно стараться подводить задачу под всеобщие понятия.

г) Ежели предложенная задача сопряжена с другими; то надобно смотреть: не нужно ли прежде решить те, с которыми она сопряжена.

д) Иногда к решению задачи необходимы условия (hypotheses), как-то часто случается в Эмпирических и Исторических науках; и ежели в сем случае откроется истина, то условие само собою оставляется как ненужное.

ГЛАВА IV.

О чтении книг вообще, и в особенности Исторических, Догматических и смешенных

§291.

С размышлением и собственным исследованием истин должно быть сопряжено чтение книг (Lectio librorum). 1. Потому что краткость жизни не позволяет познать все опыты и открыть неведомые истины собственными трудами, и всего понять не можно по слабости и ограниченности нашего ума. А как многие полезнейшие открытия ученых людей содержатся в книгах, то посему чтение книг не только полезно, но даже и нужно. 2. Мы изобретаем познание многообразных истин двояким образом: словесным наставлением и чтением книг. Помощью словесного наставления невозможно всему выучиться, ибо сами даже наставники наши, по вышесказанным причинам, не могут всего знать посредством собственной опытности, следственно чтение книг и полезно и необходимо.

§292.

Поелику в течении многих веков, изобретены многие вещи, и многие истины любопытным рачением ученых людей, и много об них имеется написанных книг; то посему не все книги без разбору, но те в особенности необходимо читать должно, кои приличнее состоянию и званию человека, ибо каждой человек старается избрать для себя некоторой род жизни, следственно и должен читать книги, приличные сему роду жизни. Напр. Феолог должен читать Феологов, Философ Философов Математик Математиков и т. д.

Хотя многие книги и могут быть сообразны с состоянием человека; однако ж не все, но только те читать должно, кои почитаются

отборными и лучшими. Ибо, как обхождение с людьми развратных нравов, так точно и чтение худых книг в каком бы то ни было роде, служит к развращению человека. От того и говорится пословица: (similis simili gaudet). Самыми же лучшими книгами почитаются те, кои во все времена просвещенными и благонаравными мужами были одобряемы. Как напр. в витийственном искусстве *Цицерон*, в Стихотворстве *Омир* и *Виргилий* и проч. не одни книги, к званию человека непосредственно относящиеся, но и те читать должно, кои состоят в связи с оными. Напр. Богослов должен также читать, Историков и Философов.

Молодые люди не должны читать книг, запрещенных публичною Ценсурою; Поелику в них содержатся начала и науки, служащие основанием к развращению нравов. Ибо как еще молодые люди не искусны в рассматривании и исследовании истины тех вещей, которые в таковых книгах находятся: то посему легко могут привыкнуть к погрешностям, от коих с великим только трудом в последствии времени избавляются.

§293.

Герменевтика или наука истолкования

Читая разных сочинителей должно их разуметь, иначе бесполезно будет чтение; разумеем же или понимаем сочинителя, когда мы совокупаем с словами сочинителя теже самые понятия, какие сам сочинитель совокупил с оными, следственно когда постигаем смысл Автора.

Смысл Автора (sensus auctoris) есть то понятие, которое, он желает возбудить в уме читателя, или слушателя.

Смысл Автора иногда бывает очень удобопонятен, а иногда столь затруднителен, что необходимо пользоваться искусством толкования или *Герменевтикою*, которая есть совокупность правил, нами руководствующих в толковании какого-нибудь сочинения. Тот, кто из речи познавает и предлагает смысл сочинителя, называется *толкователем* (interpres). *Толкуем* или *изъясняем* смысл Автора, когда правильным образом рассуждаем о смысле его, и трудимся прилежно в открытии оногo, по некоторым обстоятельствам, встречающимся в сочинении; и таковые обстоятельства могут быть 1) в связи между предыдущими и последующими вещами, 2) в столетии или времени, в которое издано сочинение, 3) в наклонностях и цели сочинителя.

§294.

Начала или основания Герменевтики

Признаки, посредством коих познаваем мы настоящий смысл Автора, называются началами (principia) Толкования. Евсевий Аморт полагает тройкий источник сих начал; (in principijs Artis criticae):

1. *Обыкновенный* или принятый образ наречия (usus loquendi receptus vel communis). Ибо поелику каждой человек говорит с тем намерением, чтобы его понимали слышащие, то посему предполагается, что он в разговорах не отступает от обыкновенного значения слов.

2. *Намерение говорящего* (Intentio loquentis). Ибо предоставляется на произвол его из многих значений слова, в употребление уже введенных, принимать слово в одном каком значении, которое надобно усматривать по намерению и цели говорящего.

3. *Предлежащая Материя* или настоящее содержание дела (subjecta materia) ибо каждой сочинитель, хотя посредственно сведущий в своем искусстве, должен употреблять предложения в таком смысле, который не противен содержанию его предмета. Следственно предлежащая Материя справедливо полагается источником и основанием, по которому доходим до истинного смысла сочинителей разного рода. Сими источниками пользоваться можно по следующим правилам.

§295.

Правило первое

Толкователь должен хорошо знать сущность и свойства того языка, на котором писано сочинение. Дабы мог разуметь качество слов, их выразительность, слог приличный наречию, и выражения речи. Потом должен он принимать такое значение слов какое они имеют в простонародном употреблении, и не смотреть на грамматическое значение, которое они получили при первоначальном своем происхождении; иначе толкование будет погрешительно.

Напр. Климент Александрийский, и Евсевий думают, что Греки производили слово Бог, по-гречески θεος от глагола θεειν бегу, поелику они удивляясь движению планет, думали, что они Боги. Но

кто из сего заключит, чтобы слово Бог, встречающееся в самых древнейших сочинениях, означало только бегущего? подобным образом Цицерон объясняет Этимологически слово *завещание*, говоря *testamentum est testatio mentis*, но ежели последовать подобным толкованиям, то и *paludamentum* можно будет назвать *paludem mentis*, а *calceamentum, calceum mentis*, из коих первое значит княжескую мантию; а второе обувь, по принятому наречию.

§296.

Правило второе

Простонародное и обыкновенное употребление слов должно относить к тому веку и отечеству, в котором сочинитель имел большое уважение, и слава, притом же иметь в виду мнения и нравы народа, ибо по различным временам бывает также и различное значение слов. Напр. в древние времена слово *Тиран*, значило властелина, а *Софист* Мудреца; теперь же первое означает человека жестокого, а второе обманным образом умствующего. Мнения и нравы принимаются в уважение для того, что Авторы в своих сочинениях обыкновенно следуют мнениям и нравам своего народа и своего отечества, Итак для правильного понимания классических Авторов, надобно обучаться древностям, и принятым тогда мнениям, и обычаям. Все же сие наперед познавши хорошо должно толковать Автора по мнениям, обычаям и Религии его нации; иначе никогда не дойдем до истинного смысла его сочинения.

§297.

Правило третье

Слова при толковании должно принимать в свойственном, а не метафорическом т. е. переносном смысле, кроме такого случая, в котором из свойственного смысла слов происходила бы некоторая нелепость, всячески противная цели сочинителя; или когда будут причины убеждающие нас в том, что Автор имел намерение забавлять читателя аллегорическими игрушками. Ибо ежели бы по произволу можно было отступать от свойства наречию приличного, тогда должно бы было все то принимать в смысле Автора, что творческий ум толкователя мог бы выдумать, а потому из Батрахомахии Омира можно бы было сделать войну происходившую между Юлием Кесарем и помпеем; сверх того практические неправильные следствия

происходят от того, когда слова в несвойственном смысле принимаются. Напр. Солиман второй учинился Клятвопреступником, когда Клялся везирию Ибрагиму, что не сделает ему никакого вреда; пока он жить будет, но между тем приказал его спящего умертвить, принимая сон за образ смерти.

§298.

Правило четвертое

Ежели в сочинении Автора встретятся слова двусмысленные, то смысл оных должно определять по намерению и цели Автора то есть смысл двусмысленных слов должно понимать из определений и объяснений самим Автором сделанных; ибо каждый человек есть лучший всех толкователь своих слов. Притом надобно со вниманием прочесть предуведомление книги и содержание каждой главы, поелику сочинители в сих местах по большей части открывают свои намерения и цель самого сочинения. Наконец надобно обращать внимание даже и на примеры, ими приводимые, для лучшего объяснения своих мыслей.

§299.

Правило пятое

Из различных значений слов предпочитается всем прочим то значение, в каком он сам чаще употребляет те слова, и которое больше у него встречается и ему известнее: – Ибо 1) Что удобно быть может, то обыкновенно и бывает; 2) не предполагается такой смысл словам, которого не можно иначе сыскать как только помощью длинных и запутанных разговоров, поелику каждой человек говорит с тем намерением, чтобы его другие могли понимать, кроме явного признака, показывающего необходимость угаданной истины.

Напр. когда произносятся слова, кои служат в похвалу или в поношение другим; когда человеку приписывают пространные сведения, которого другие едва полуученым называют. Сие правило наипаче должно наблюдать при относительных словах, кои допускают увеличение или уменьшение. По второй части сего правила обвиняются Римляне, кои при наступлении третьей Пунической войны обещали Карфагениям, что Карфаген будет свободен, ежели они дадут триста человек в аманаты, и положат оружие; и когда сие Карфагенияне сделали, то Римляне приказали им,

взявши свои вещи выйти из города, и отступив от моря на 1000 шагов, построить себе другой город. Но когда Карфагеняне начали тому сопротивляться, Римляне несправедливо объяснялись, что они под именем Карфагена разумели множество народа, а не город. Смотри грочия кн. 2. гл. 16. §15. о праве войны и мира.

§300.

Правило шестое

Ежели по предписанным правилам, слова остаются еще невнятными, то надобно оные толковать по сопряжению (*contextus*) и связи науки, то есть по *предлежащей материи* или предмету дела; посему надобно обращать внимание на связь, находящуюся между предыдущими и последующими вещами. Ибо не можно думать чтобы кто захотел сам себе противоречить, кроме того случая, в котором бы сие показалось явственно. Следственно предполагается, что Автор употребляет слова в таком смысле, какого требует связь предыдущих и последующих вещей. Встречающиеся в Авторе темные или непонятные места надобно объяснять пояснейшим. Наконец смысл слов и целых речений надобно понимать из всего того, что Автор не по одному только случаю, но более нарочно обрабатывает. Напр. каково мнение Эпиктета и Сенеки в нравоучительной науке, сего надобно искать не в каждом слове порознь, но во всей их системе.

§301.

Правило седьмое

Толкование науки во всей связи состоящей, предпочитается всякому другому, которое не влечет за собою последствия разуму противного; но такое толкование всячески опровергается, из которого не можно усмотреть никакой разумной цели, а притом еще бесполезно и неприлично к намеренной цели делается. Ибо слова, как говорит Цицерон, на тот конец изобретены, чтобы не препятствовали воли, но паче изъявляли оную.

По сему правилу не можно одобрить поступка Римлян, с Королем Антиохом, которому, после одержанной над ним победы, по заключенному договору обещали отдать половину кораблей, и сего обещания не исполнили; ибо Фабий приказал разрубить все корабли, и отдать Антиоху не половинное число кораблей, но половину из каждого разрубленного корабля, потому чтоб уничтожить весь флот

Антиоха. Смотри книгу 7 гл. 3 Валерия Максима.

§302.

Правило восьмое

Никто не должен приступать к толкованию Автора, будучи занят излишнею любовью, или излишнею личною ненавистью к нему, или наконец какими-нибудь предрассудками; ибо по излишней любви, ложные мнения Автора почтет истинными, а по излишней ненависти истинные опровергнет как ложные, предрассудки же не допустят его узнать истину.

§303.

Правило девятое

В толковании Авторов должно наблюдать порядок мнений, связь слов и пристойное последование вещей; следственно совокупленных вещей не разделять, а отдельных не совокуплять; иначе же всегда худой смысл произойдет. Напр. *Господи не сотвори рабом твоим зла* соединивши *не* со словом *Господи* произойдет противный смысл: господине сотвори рабом твоим зло.

§304.

Книги, употребляемые нами для чтения, содержат в себе или деяния или догматы, т. е. предложения всеобщие, или наконец и деяния и догматы. Первые называются *Историческими*, вторые *Догматическими*, а третьи *Смешенными*. Ежели книги догматические содержат в себе догматы с их доказательствами, то называются *Ученодогматическими*. А ежели одни только догматы предлагаются в историческом виде без их доказательств, то называются книгами *Исторически догматическими*.

§305.

О рассматривании книг Исторических

При рассматривании исторического сочинения должно главнейше обращать внимание на три вещи.

1. Истинны ли те вещи о которых повествуется. Сие же узнать

можно по тем обстоятельствам о коих было уже выше сказано относительно к самой повествуемой вещи, к свидетелям, и способу повествования. Смотри §256, 257, 268 и 259.

2. Находится ли надлежащий порядок между повествуемыми вещами, что усмотреть можно по разным обстоятельствам времени, и по точном наблюдении Хронологии, по сему правилу Ливий, отец истории Римской, доказал, что Нума Помпилий не мог быть учеником Пифагора; ибо Нума Помпилий жил еще прежде Пифагора, другие же утверждали противное потому, что законы, предписанные Нумою Римскому народу, сходствовали с наукою Пифагоровою.

3. Должно смотреть на то: соответствует ли Историческое сочинение своей цели, которая по разности Истории бывает различная смотри *Logicam Baumeisteri* §460. При всем том надобно смотреть на Источники, из которых Историк почерпал свои сведения. Был ли он самовидец, или только слуховец?

§306.

О рассматривании книг Догматических

Кто желает правильно рассуждать о Догматических сочинениях, тот должен во 1-х знать намерение Автора, и цель которую он имел в виду. А как сочинители изъясняют свое намерение в предуведомлении своего сочинения, то посему прежде всего надобно со вниманием прочесть предуведомление сочинения.

Во 2. Все истины, содержащиеся в периодах и целых параграфах, представить в некотором виде предложений, и рассмотреть: принадлежат ли оные к определениям, Аксиомам, Феоремам, или Проблемам?

В 3. Правильны ли и подлинны определения вместо оснований положенные, и каким образом Феоремы из них доказываются.

В 4. Основываются ли все предложения на непоколебимых доказательствах; ибо в догматическом сочинении ничто не может быть оставлено без доказательства, кроме одних неоспоримых опытов, определений, и Аксиом, иначе сочинение было бы только поверхностное.

В 5. Посему догматическое, сочинение должно быть систематическое, то есть такое, в котором бы все доказательства были сильные и не опровергаемые, и предложения таким образом расположены, чтобы одно предложение из другого, а все из несомнительных начал проистекали.

Примечание, что касается до книг смешенных, то в рассматривании оных надобно поступать по правилам, предписанным для чтения сочинений обоего рода.

§307.

О способе читать книги

Кто намерен пользоваться чтением книг, тот должен прежде всего сделать выбор оным, то есть он должен стараться не о множестве, но о превосходстве сочинений в какой бы то науке ни было; а посему он должен себе избрать такие сочинения, в коих нет никаких заблуждений. А если уже кто избрал себе Автора к чтению, то он должен наблюдать троякого рода правила 1) Прежде чтения, 2) при самом чтении, и 3) после чтения.

§308.

Правила прежде чтения

Приступающий к чтению книги, должен Во 1-х иметь волю спокойную и от всех других попечений свободную, ибо сие препятствует необходимому при чтении вниманию и размышлению, без коих ничего не можно в точности исследовать и понимать. Во 2-х к чтению книги должно приступать с некоторым равнодушием (*animò indifferenti*) т. е. с таковым намерением, что читатель то предложение примет за истинное, которое из двух противоречивых окажется ближайшим к истине. Ибо если кто приступит к чтению книги с таким намерением, что не захочет отказать от своего мнения даже и в таком случае, когда противное мнение окажется гораздо основательнее; то он прежде отринет мнение сочинителя, нежели рассмотрит его причины и основания.

§309.

Правило при самом чтении

1) Читатель должен основательно уразуметь состояние вопроса, и намерение Автора; ибо кто основательно сего не понимает, тот не поймет основательно и ответа. 2) Слова сочинителя должно употреблять в таком значении, в каком сам сочинитель употреблял оные. 3) Ежели читатель предыдущих вещей не понял совершенно, то

он не должен переходить к последующим. Ибо последующих невозможно разуметь без предыдущих. 4) Чтение должно быть основательное, то есть такое, чтобы выразительность и сила слов, значение предложений, основательность доводов, связь умствований, и порядок целой науки сделались очевидными. В противном случае чтение будет только поверхностное и бесполезное. 5) Не должно вдруг читать много, и хватать множеством прочтенного, но лучше прочесть мало, но внимательно и основательно. Ибо гораздо полезнее знать немного, но подробно, нежели много, но все смешено.

§310.

Правила после чтения

1) Все то, что чтением пройдено, должно повторить одним безмолвным размышлением, и представить в сокращенном виде, дабы лучше и сильнее впечатлилось в памяти. 2) Главнейшие вещи в удобное время рассматривать, об них размышлять и умствовать, ибо кто много читает, но мало о прочтенных вещах размышляет, тому чтение не приносит никакой пользы, так точно как тому человеку, который много ест, но желудок его принятой пищи сварить не может. 3) Если читатель на некоторых местах не понимает Автора, или хотя несколько и понял, но при всем том некоторым образом еще сомневается; в таком случае он должен читать сочинения других Авторов о той же материи, кои, может быть, яснее изобразили свои мысли и рассуждения, или требовать совета у других прозорливых мужей, которые могут разрешить его сомнительство.

Но кто вообще желает иметь ясное и подробное понятие о пройденных им в чтении вещах, тому не должно рассматривать многих предметов вместе, но порознь; потому что рассматривание многих вещей вместе препятствует пониманию единственных (*pluribus intentus minor est ad singula sensus*). Наконец человек, упражняющийся в науках, должен беречь себя от обыкновенного многим порока, состоящего в том, что многие почитают себя остроумными и прозорливыми — ибо великая надежда, возлагаемая на силы своего ума, есть сильнейший враг необходимому вниманию и должному прилежанию. — Люди полагающие большую надежду на силу ума своего, думают, что все понимают основательно, а посему пренебрегают дальнейшее внимание, и убегая трудов, не радеют в исследовании истины. Из сего следует, что они претыкаются, как слепые, даже в тех вещах, которые по их мнению кажутся им

очевиднейшими.

ГЛАВА IV.

О способах сообщать свои познания другим

§311.

Мы сообщаем другим познания наши, когда им обнаруживаем наши сведения, приобретенные каким бы то ни было образом. Обнаруживаем же сведения наши обучением и убеждением, ложных вещей опровержением, истинных защищением, и наконец приемом или состязанием.

§312.

О способе обучать и убеждать других

Кто приводит другого к познанию неведомых ему истин, тот его обучает (*docet*). Обучающий должен иметь дар *ясности* и дар *обучать* (*docens daudeat dono perspicuitatis et dono docendi*).

Обучающий имеет дар ясности когда он во 1-х знает вещь подробно, коей обучает другого. Во 2-х все термины точно определяет, недовольствуясь терминами непостоянными и неопредельными, которые рождают запутанность. В 3-х Понятия отвлеченные объясняет примерами, встречающимися в общежитии. В 4-х тому обучает прежде, из чего следующие вещи удобно понимаются. В 5-х на конец во всех положениях различает предложение от условия, и во всех доказательствах делает разложение (*Analysin*).

Обучающий, сверх дарования ясности, должен также иметь и дарование обучать других (*donum docendi habeat*). *Дар обучать* есть навык скоро, вразумительно и с некоторою приятностью изречь свои мысли и свои чувствования душевные. Учитель, снабженный сим дарованием, возбудит в своих учениках внимание и возбужденное может в них впечатлеть на долгое время. — На сей конец он должен всегда иметь присутствие духа и обильность в словах. В противном же случае лучше отказаться от учительского звания, нежели обучать со скукою учащих, и давать им повод насмехаться над собою. — Тот верно не имеет сего дарования, кто одним чтением на писанных тетрадах обучает; поелику сим способом не может привлекать к себе своих учеников, ни пленять их ума с

некоторою приятностью, а на конец теряет и уважение в короткое время.

§313.

Учащий не только должен других обучать, но также и убеждать в предлагаемых им истинах, а посему и спрашивается: что значит убеждение? (*Convictio*).

Мы убеждаем другого, когда удостоверяем его в подлинном познании какой-нибудь вещи. Удостоверять же можно кого или в истине, или в заблуждении некоторого мнения; если бывает первое, тогда мы убеждаем в предлагаемом мнении, а если второе, то опровергаем оное. Ежели опровергатель основывается на неподлинных и одних только самопроизвольных началах; тогда он называется прекословщиком или возражателем (*oppugnans Objiciens*). А посему, *убеждение* (*Convictio*) относительно к *убеждающему* есть действие, которым некто удостоверяется в истине или в заблуждении некоторого предложения; относительно же к *убеждаемому* оно есть такое состояние, в котором некто удостоверяется в истине, или в заблуждении некоторого предложения. *Опровержение* (*refutatio*) есть действие, которым некто удостоверяется в заблуждении некоторого предложения или мнения. *Прекословие* или *возражение* (*oppugnatio objectio*) есть недовольное опровержение некоторого мнения, основывающееся на неподлинных и самопроизвольных началах.

§314.

Мы убеждаем других или умозрительно (*a priori*) то есть доказательствами, или опытно (*a posteriori*). Поелику сими двумя способами доходим до подлинного познания истины.

Предмет убеждения вообще составляют понятия, рассуждения и умствования, поелику помощью убеждения соделывается подлинное познание, которое может иметь место в одних понятиях, или рассуждениях, или наконец умствованиях.

Убеждающий другого должен объяснить предложение, в котором его убеждает. — Ибо иначе не можно будет привести оно в связь с другими несомнительными началами, или предложениями. По объяснении предложения, он должен стараться о доказательствах; — ибо ему должно удостоверить убеждаемого в подлинности истины, до которой доходим посредством доказательств. Наконец он должен воздерживаться от всех ругательных и колких слов, поелику сим способом возбуждает в убеждаемом гнев и печаль, чем самым

препятствует достодольному вниманию его.

Убеждаемый должен быть сведущ в доказательствах; – иначе не будет в состоянии понимать доказательств, которыми удостоверяется в подлинности истины.

Из сего явствует, что гораздо труднее убедить простолюдима в отвлеченной и чувствам не подлежащей истине, нежели ученого, и в доказательствах сведущего человека.

Убеждаемый должен употреблять достодольное внимание; – ибо ему должно понимать доказательства, следственно усматривать связь доказываемого предложения с другими несомнительными началами, чего без внимания делать не может.

Убеждение различается от присоветывания тем, что от убеждения рождается в нас удостоверение, а от присоветывания только вероятие.

§315.

Об опровержении

Кто опровергает мнение другого, тот должен доказать, что оно ошибочное и погрешительное. Ибо опровержение есть действие, через которое другой удостоверяется в действительной погрешности мнения, удостоверение же приобретается доказательством.

Истинного предложения никогда не можно опровергать, поелику того никогда не можно доказать, чтобы предложение истинное было притом вместе и ложное; ибо невозможно одной и той же вещи быть и вместе не быть; в противном же случае предложение опровергаемое было бы по предположению истинное, и вместе ложное, поелику опровергается.

И так, прекословить или возражать можно против истинного предложения, но опровергать оно не можно, т. е. по неподлинным и самопроизвольным началам оспаривать можно, но опровергать не можно. – Посему опровержение и оспаривание (*refutatio et impugnatio*) различаются тем, что в первом подлинны и несомнительные начала, а во втором неподлинны и только самопроизвольные полагаются основанием при доказывании другому, что он находится в заблуждении.

§316.

Правила, наблюдаемые в опровержениях

I. Опроверяющий другого должен определить состояние прения

(:statum controversiae determinet:) то есть должен объяснить смысл опровергаемого и противоположаемого предложения. Таким образом уклоняемся от словопрения (:Logomachia), в котором хотя оспариватель предложения имеет истинное об оном понятие, но выражает оно словами.

II. Опровергатель или оспаривает доводы, коими утверждаемо было предложение, или оспаривает одно предложение, не касаясь ни в чем доводов. — Если первое, то он должен доказать, что доводы, представленные для утверждения предложения, погрешительны или в рассуждении материи, или в рассуждении формы. — Если же второе, то опровержение не будет довольное; ибо все то должно быть истинное, что правильным образом доказано. И философ тогда только справедливо оспаривает, когда доказывает, что доводы, коими утверждается предложение, недовольны к утверждению оною.

III. Опровержение предложения двояким образом быть может: 1) доказывая, что предложение совсем ложное, 2) Поелику берется вообще или повсемственно. — Если первое, то он должен доказать или самую опытностью или доводами, что противоположаемое предложение есть истинное. — Если *Второе*, то довольно будет сделать доказательство посредством *настояния* (per instantiam), в котором через приведение частного противоположного случая доказывается, что утверждаемое предложение не может быть принято за всеобщее.

IV. Опровергающий чужое мнение, должен беречь себя, чтоб не быть консеквенциарием, и не предлагать доводов делаемых по одной зависти (:argumenta ab invidia ducta:).

Консеквенциарии (:делатели последований:) называются те опровергатели, кои пренебрегши основания заблуждений, непосредственно делают такие заключения, посредством коих приводят несогласяющихся с их мнением в посмеяние, и поносят их славу и честь, презирая любовь к истине.

Способ к избежанию сего непростительного порока есть следующий: а) Последований не должно выводить из слов порознь рассматриваемых и вне речи состоящих; напротив надобно делать заключения потому значению и смыслу, какой они имеют, будучи в связи с другими словами, находящимися внутри речи. б) Заключений не должно делать вынужденным образом, употребляя к тому разные околичности, но должно выводить единственно те, кои состоят в прямой и необходимой связи с предложениями опровергаемого. в) Последования из мнений какого-нибудь Сочинителя происходящего,

не можно всегда вменять Сочинителю, потому что он может быть не предвидел опасных следствий. — г) Особливо же должно беречься делать такие заключения, кои стремятся к насмешке и вреду других. *Доводы, чинимые по одной зависти*, суть не что иное, как причины, употребляемые с тем намерением, чтоб сделать ненавистным другого, а равно и его мнение. Посему 1) те, кои употребляют доводы, происходящие по одной зависти, стараются разными способами привести соперника в опасность жизни и чести, напр. очень злобно толкуют мнение того человека, которого желают опровергнуть. 2) Науку опровергаемого сравнивают с мнениями людей, приведенных уже в подозрение, или в ненависть. 3) Увеличивают содержание дела, сравнивая оное с приведенною уже в ненависть наукою; притом же молчат о доводах, которыми опровергаемый утверждает свои мнения. 4) Не предлагают пользы, происходящей из опровергаемого мнения, но только собирают те неудобства, кои уменьшают силу оногo мнения. О сем смотри *Dissert. theologicam de argumento theologico ab invidia ducto*.

§317.

О способе защищать самого себя

Тот *защищает* (:defendit:) самого себя, кто доказывает, что мнение его еще не опровергнуто. Ежели предложение в самом деле опровержено: то оно должно быть необходимо ложным, ибо что правильным образом доказано, то должно оставаться таким, каковым доказано; следственно ежели предложение по правильным доказательствам опровержено, то оно должно быть необходимо ложным. Если бы еще опроверженное предложение можно было защищать, то следовало бы доказать, что тоже предложение еще неопровержено, следственно что оно не есть ложное; итак то самое предложение было бы ложное; поелику опровержено, и вместе истинное, поелику еще защищаемо быть может; что однако составляет явное противоречие.

§318.

Правила защищения

1) Защищающий должен доказать, что противопологаемое мнение непротивно его предложению, следовательно должен доказать, что опровергатель находится в неведении состояния прения.

2) Защищающий должен доказать, что доводы опровергателя ложны или по материи, или по форме.

3) Если опровергатель пользуется опытностью, то защищающий должен доказать, что в сей опытности находится *погрешность подложности* (:vitium subreptionis:).

4) Когда опровергатель приписывает защитителю или ложные начала, или ложный способ умствования; тогда защититель должен показать основательность своих начал, а также и доказать противнику своему, что он приписывает ему ложный способ умствования, по неведению логических правил.

5) Ежели опровергатель производит неприличные заключения из защищаемого предложения; то защититель должен доказать, что сии заключения несправедливы, или по крайней мере не проистекают из его начал.

6) Ежели защищение предпринимается против Консеквенциариев и таких людей, кои употребляют доводы из зависти, или по ненависти; то защититель должен показать злобу таковых людей и рвение вредить только другим; тогда лучше иметь к ним сожаление, нежели изъявлять гнев и желание ко мщению.

7) Наконец, ежели оспориватель нашего мнения, старающийся нарушить злословиями честь нашу, будет человек знаменитый, к которому публика имеет большое уважение; то надобно иногда строго защищаться, поелику такому оспоривателю и сопернику публика много верит; следственно честь наша может очень много пострадать, а истина, нами доказанная, быть преданною забвению. Но ежели надобно защищаться против таких оспоривателей, коих невежество и удовольствие в злословиях всякому известно, и которые больше поносных – и ругательных слов предлагают, нежели доказательств; в то время защищение не более нужно, как против сумасшедшего или чрезмерно пьяного человека.

§319.

О способе прения или состязания

Опровержение с обеих сторон, или взаимное защищение какого бы то ни было мнения, бывает или изустное или письменное; от первого происходит состязание, от второго же спорные (:polemica:) писания, кои называются защитительными (:apologetica:) ежели содержат в себе одно только защищение. Посему *состязание* (:disputatio:) есть

взаимное изустное защищение и опровержение некоторого мнения. — Лично спорящие называются *состязателями*, из коих опровергающий мнение называется *оспорителем* (:орригнанс:) а защищающий оное *ответчиком* (:respondens:) или защитителем (:Defendens:). Представляющий ответчику, когда он в некоторых ответах колеблется, называется *председателем* или Начальником состязания (:Praeses Disputationis:) совокупность тех правил, кои наблюдаются в прениях или состязаниях, называется *Диалектикою*. Письменные сочинения, в коих заблуждения опровергаются, а опровергаемые мнения защищаемы бывают, называются взаимными (амоебаеа). А те сочинения, в коих содержится одно только защищение против вменяемых заблуждений, называются защитительными.

§320.

Состязатели должны спорить в терминах противоречивых: поелику один из них опровергает предложение, и по сему признает оное ложным, а другой тоже самое предложение защищая, признает оное истинным; следовательно один из состязателей должен утверждать то самое предложение, которое другому отрицать надлежит, а как утверждающий и отрицающий тоже самое предложение, друг другу противоречат; то посему состязатели и должны спорить в терминах противоречивых.

Из сего следует 1) Что состязатели должны согласиться в понятиях подлежащего и сказуемого, чего требует самое качество противоречия, которое есть утверждение и отрицание того же самого сказуемого, о том же самом подлежащем, и в том же самом отношении. — На сей конец защититель должен опровергаемое предложение порознь объяснить, и определить состояние спора. — 2-е Если бы после такого объяснения, смысл и значение не было еще ясно, то оспоритель должен требовать нового объяснения от ответчика, дабы в противном случае не происходил спор об одних только словах.

§321.

Ежели спорящие согласились в значении слов, тогда оспоритель должен доказывать предложение противное оспориваемому, утверждая своего истину, а оспориваемого ложность. На сей конец.

1) Оспоритель со всею скромностью должен предлагать свои

доводы в Силлогистическом порядке, для того, чтоб удобнее можно было усмотреть смысл, и основательность доводов.

2) Ежели заключение оспоривателево противопологается прямо предложению ответчика, а ответчик потребует объяснения и доказательства посылок; то в сем случае оспориватель должен доказывать свои посылки новыми Силлогизмами, пока не дойдет до подлинных и несомнительных начал.

3) Оспориватель, доказывая свои посылки, должен недопущенное предложение полагать в заключении своих Силлогизмов.

4) Прилежно обращать внимание на все слова, различия и толкования ответчика, и усматривать новые причины яко основания к составлению новых доводов. Притом же он должен еще смотреть и на то: не можно ли уловить ответчика в его собственных словах, или делать довод к человеку.

§322.

Когда оспориватель предложил свое доказательство, то ответчик должен.

1) Повторить целый Силлогизм наизусть в том же порядке, в каком предложил его оспориватель, дабы таким образом показал, что он хорошо понял оспоривателя, и в сем случае называется он повторяющим довод (:afsumere argumentum:).

2) При повторении Силлогизма должен смотреть на то: имеют ли все предложения надлежащую силу и основательность; усмотрев же сие по разным обстоятельствам.

3) Он должен отвечать на каждое предложение порознь. Ответ бывает разными способами, как-то: или истинные предложения допускает, либо ложные отрицает, или же сомнительные различает (:Distinguit:) иногда допускает целый довод, когда усматривает, что он непротивный его предложению, наконец отвечает иногда посредством настояния (:per instantiam), т. е. противоположенным примером, из опытности почерпнутым, доказывает, что предложение оспоривателя не есть всеобщее или повсемственное. – Вообще же должен он обращать на то внимание, не ложны ли Силлогизмы оспоривателя касательно материи или формы.

§323.

Поелику всякое состязание предпринимается для открытия истины, или защищения и утверждения оной; то посему спорящие

должны приступать к состязанию с тем намерением, чтобы познать истину. Следственно они должны быть готовыми отступить от своего мнения, если оно посредством состязания покажется ложным; иначе не для истины, но для пустой славы происходили бы состязания.

Следственно желающий вступить в состязание, должен беречься от излишней надежности и недоверчивости относительно к самому себе и к другим. Ибо по чрезмерной надежности на себя, а недоверчивости к другим, всегда будет почитать истинным то, что ему нравится; а что другие предлагают, едва почтет достойным своего испытания. — По излишней же недоверчивости к самому себе, а доверенности к другим, ложные даже мнения всегда будет защищать, и больше обвинять свое тупоумие, нежели других заблуждение.

Состязающийся должен быть свободен от предрассудков достоверности, относящейся к старине или новизне, ибо против истин ума не может быть предписания. — Изобретение и вымышление чего-нибудь во все времена было преимуществом человеческого рода. — Время не может переменить природы истинного или ложного предложения.

Спорящие должны определить значение слов в самом начале состязания; иначе произойдет бесполезный спор в словах. Они должны согласиться в таковых повсемственных началах, от которых решение настоящего спора зависит; в противном случае спор будет бесконечный, напр. кто не знает начал физики, того трудно убедить, — что земля вокруг солнца, а не солнце вокруг земли имеет свое обращение.

Ответчик должен предлагать возражения, а оспориватель ответы со всею скромностью и благопристойностью; один должен слушать другого с терпением, и друг другу не прерывать слов; иначе сами себя не будут разуметь.

Они должны воздерживаться от излишнего шума и крику, поелику истина не напряжением груди, но усилием ума обнаруживается.

Поелику Философ наиболее бесславит себя, когда вместо убедительных причин употребляет в защите себя ругательные слова, производящие гнев и стыд; то посему и должно воздерживаться от страстей, а особливо от гнева, ненависти и поруганий. Спорящие должны быть в разговорах ласковы, в слушании спокойны, в поучении услужливы, в ответах смиренны и приятны.

Состязание учреждается разным образом, то есть: оно производится или в свободных разговорах, или формальных Силлогизмах, или наконец вопросами. В первом случае состязание называется Платоническое, поелику сей способ употребляем был Платоном. —

Но по мнению некоторых не соответствует своей цели, потому что оным отягощается память по причине его пространности, а притом и форма правильного умствования скрывается.

Состязание, производимое Силлогистическим образом, так как Аристотелем было употребляемо, называется *Аристотелическим*, а также и *Схоластическим*, ибо в схолах принято было в употребление. — Сей способ предпочитается первому, поелику в способе Силлогистическом, посредством правильных умствований, все предложения коротко и порядочно предлагаются, чем самым и оспоритель прибавляет большую силу своим доказательствам, Силлогистически предложенным; ответчик же удобно усматривает источник заблуждений, в коих оспоритель может находиться.

Ежели сей способ таким образом учреждается, что ответчик оспорителя, а оспоритель ответчика доводит до нелепостей, то называется способом Мегарическим, которым пользовался Евклид в городе Мегаре.

Ежели состязание бывает посредством вопросов и ответов, то оно называется Сократическим; потому что Сократ пользовался оным. — Сей способ похваляется для того, что он полезен в исследовании доказательств противного мнения, в рассматривании основательности посылок, или начал ответчика; таким образом принуждаем противника к признанию истины наших посылок. — Но поелику сей способ очень пространен и продолжителен, а сверх того хитрыми вопросами, ответчику предлагаемыми, часто обращается в злоупотребление; то посему некоторые его оуждают.

СОДЕРЖАНИЕ

стр.

Вступление в философию вообще.....
Глава I. О понятии, разделении, цели и пользе философии.....
§1. Что есть философия по предмету? Различие оной от мудрости.....
§2. Что есть философия относительно к цели? Причем разные определения философии исследуются.....
§3. Основанием познания философического должен быть один свет разума.....
§4. Философия разделяется на теоретическую и практическую, обе вместе составляют одно тело.....
§5. Части философии смотря по предметам многообразны: физика, метафизика, антропология, физиогномика и педагогика.....
§6. Смотря на тело и душу человека: соматология и физиогномика.....
§7. Логика вообще, практическая всеобщая философия и ее части.....
§8. Философия о воле человеческой, нравоучение, философическое нравоучение и политика.....
§9. Что есть философия вкуса или эстетика.....
§10. Верховная цель всей философии есть цель разума.....
§11. Верховное правило, руководствующее человеком в его

познаниях и поступках.....

§12. Порядок в преподавании частей философии.....

§13. Вспомогательные науки для упражняющихся в философии
суть: филология, история и словесные науки.....

§14. Цена и польза философии безусловная.....

§15. Цена и польза условная или относительная.....

§16. Возражение против сей пользы и ответ на оное.....

§17. Любитель мудрости должен воздерживаться от лишнего
догматизма и скептицизма, избегать педанства,
шарлатанства и ученого щегольства.....

§18. Средства ко всему сему показываются.....

**ГЛАВА II. О понятии, пределах, пользе,
вспомогательных средствах и кратком начертании
истории философических систем.....**

§19. Что есть история философических систем?.....

§20. Причины философических умопроизведений суть во
1-х внутренние необходимые, случайные и самоучка, во
2-х внешние.....

§21. Что составляет предмет сей Истории?.....

§22. Какова должна быть история философических систем?.....

§23. История философических систем для систематического
порядка должна иметь тройное основание.....

§24. Сия история разделяется на три периода.....

§25. Упражнение в истории философических систем во 1-х
приятно, во 2-х полезно и необходимо.....

§26. Неблагоприятные последствия происходившие от
упражнения в сей Истории не только не должны

отвращать нас от упражнения в оной, но напротив того еще поощрять к оному.....

§27. В сем параграфе и следующих показываются некоторые источники и вспомогательные средства к основательному познанию философических систем.....

ПЕРИОД I. Первые черты древней философической истории.....

§31. Хотя философия (как образование ума) началась и возростала вместе с родом человеческим, но при всем том греки были первые творцы философии, кои совершеннее приступили к святилищу оной.....

§32. Состояние философических познаний между народами, кои были древнее греков.....

§33. Начала философии у греков, успехи и перевороты в оной...

§34. От Орфея до Ликурга образ философии пиитический и баснословный; от Ликурка до Фалеса приточный и политический.....

§35. От Фалеса до Сократа физический и метафизический, отчасти же диалектический и софистический; от Сократа до Эпикура практический.....

§36. От Эпикура до трехсотого года по Р. Х. отчасти систематический, отчасти же скептический, синкретистический и эклектический.....

ПЕРИОД II. Первые черты философической истории средних времен.....

§37. Состояние философии между христианами до X-го столетия.....

§38. От чего произошел гнев против философии и философов?.

§39. Состояние философии между аравлянами и

схоластиками?.....

§40. Какие ученые назывались схоластическими докторами?
Для чего философия не может быть одною только
служительницею высших так называемых
факультетов.....

**ПЕРИОД III. Первые черты философической истории
новых и наших времен.....**

§41. Первые опыты в исправлении философии начаты 15-го и
16-го столетия.....

§42. Усилия Вольфа, Эклектиков и Юма были счастливее в
восстановлении философии.....

§43. Система Вольфова хотя казалась удовлетворительною, но
не была без пороков и противников.....

§44. В тоже время чему обучал Юм?.....

§45. Усилия в целом преобращении философии в исходе 18-го
столетия учиненные.....

§48. Опыты в исправлении практической философии.....

§49. Монтан утверждает что добродетель и порок происходят
от одного воспитания и обыкновения.....

§50. Мандевил приписывает всю нравственность разному
образу правления.....

§51. Философо-Богословы одни усматривают довольную
причину доброты или худобы свободных действий во
внутреннем качестве оных, а другие в воле
Божией.....

§52. Пуфендорфово начало всея нравственности: Ищи
обществолюбия.....

§53. Английские нравоучители философы разделяются на два

класса.....

КЛАСС I. Английских нравоучителей, производящих основание нравственности из чувствований и способности чувствования.....

§54. Шафтесбури представил начало *благоволения*.....

§55. Руше Фуко – самолюбие *philautiam* *люби самого себя*.....

§56. Гучесон собственное нравственное чувство правого и неправого, доброго и худого.....

§57. Фергюсон утверждает, что верховная цель человека есть постоянная деятельность, и стремление к высшим целям...

§58. Адам Смит полагает началом нравственности сострадание (симпатию).....

КЛАСС II. Начала нравственности производимые из способности познавательной и умозаключений.....

§59. Доктор Кларке полагает основанием всея нравственности благоприличие.....

§60. Волластон сие предложение: всякое действие есть доброе, которым выражается истинное предложение.....

§61. Кантово основание нравственности: поступай таким образом; чтобы правило твоих деяний могло быть всеобщим законом для всех разумных существ, находящихся в подобном случае и проч.....

§62. В Лейбнизо-Вольфиевой системе сие предложение: усовершеншай самого себя, или делай добро, и уклоняйся от зла.....

§63. Платнер и Гарве, представляя систему усовершенствования, не отступно имели целью систему благополучия.....

ЛОГИКА ИЛИ УМОСЛОВИЕ.....

**ОТДЕЛЕНИЕ I. О понятии разделении и пользе
Логике**.....

§64. В природе все происходит и делается по правилам или законам.....

§65. Определение логики вообще.....

§66. Разделение оной на природную и приобретенную.....

§67. Приобретенной же на Простонародную и Искусственную...

§68. Какая причина разных Логических систем? Наконец определение Логике в тесном смысле.....

§69. Разделение оной на теоретическую и практическую, примечание на Кантово разделение.....

§70. Достоинство и польза Логике.....

§71. Возражения против сей пользы, с ответами на оные.....

**ОТДЕЛЕНИЕ II. Об истории логики и сочинителях
оной**.....

§72. История логики разделяется на три периода.....

§73. Состояние логики от происхождения оной до начала падения наук.....

§74. Состояние логики от падения наук до возобновления оных

§75. Две главные секты схоластиков а именно: номиналисты и реалисты.....

§76. Состояние логики от возобновления наук до наших времен

§77. Первые опыты в исправлении логики начаты в 15-ом и 16-ом столетиях.....

§78. Усилия в исправляемой логике были гораздо счастливее в

17, 18 и 19-м столетиях.....

I) Между англичанами Бэкон Веруламский Гоббс, Локк

Между французами Гассенди-Картезий-Малебранш, ле Гранд, Глауберг, сочинение de l'art de panser, и Дюгамель.
Между немцами Чирнгаузен, Лейбниц, Вейгель и Томазий

II) В начале 18-го столетия смотри стр. 90 и 91.....

No Io. Последователи Лейбница.....

No IIo. Критические философы и соперники оных.....

ГЛАВА. ПРЕДИСЛОВНАЯ ЛОГИКИ.....

ОТДЕЛЕНИЕ I. О способностях и действиях человеческого ума.....

§1. Превосходство человека над прочими животными.....

§2. Что есть человек? В чем состоит его сущность и природа?.....

§3. В чем состоит сущность животности? Что есть тело органическое? Какими органами снабжено тело человеческое.....

§4. Что есть душа?.....

§5. Какими способностями снабжена?.....

§6. Что есть способность чувствования, чувствование и ощущение? Что суть вещи присутствующие, и органы чувственные?.....

§7. Что есть воображение, и что мечта.....

§8. Что есть воображение в тесном смысле и способность вымышления, совокупление, отвлечение? Употребление сих способностей.....

§9. Различие между воображением и чувствованием?.....

§10. Другие способности в душе суть разумение, рассуждение и разум.....

§11. Что есть разумение, внимание, размышление и отвлечение?.....

§12. Что есть ум, разум, рассуждение и умствование?.....

§13. Что есть желание и отвращение, воля, хотение и нехотение?.....

§14. Что есть память, естественная и искусственная, и чем различается от воображения?.....

§15. Что есть воспоминание и забвение?.....

ОТДЕЛЕНИЕ II. О различии умов и его причинах.....

§16. В каком смысле принимается здесь слово ум?.....

§17. В чем состоит различие умов?.....

§18 и 19. Продолжается ответ.....

§20. От чего зависит изящность умов человеческих?.....

§21. Ограниченный человеческий ум когда называется превосходным?.....

§22. Что полагается источником и причиною различия умов?...

§23. От каких физических причин зависит разность умов?.....

§24. Какое влияние имеет сложение тела на силы познавательные?.....

§25. Что такое темперамент?.....

§26. Что такое Климат? также пища и питье?.....

§27. К нравственным причинам различия умов принадлежит воспитание и наставление.....

- §28. Что есть воспитание, и что наставление?.....
- §29. Как производится различие умов посредством воспитания и наставления?.....
- §30. Какое влияние имеет религия, и образ правления на умы?.
- §31. Как действуют первые опыты и примеры в сочинениях и произведениях ума на разность оного?.....
- §32. К смешенным причинам разности умов принадлежат: случай, недостаток оного, знание языков и времена, в которые кто жил.....
- §33. Какие из сего следствия?.....

ОТДЕЛЕНИЕ III. О семиотике и гимнастике умов.....

- §34. Что есть семиотика и что гимнастика умов?.....
- §35. Чем занимается Семиотика умов?.....
- §36. В каких людях примечается наблюдательный и исторический ум?.....
- §37. По каким признакам обнаруживается философический ум?.....
- §38. И по каким Математический?.....
- §39. Какими способами занимается гимнастика в познании умов?.....
- §40. Чем занимается педагогика?.....

ЛОГИКА ИЛИ УМОСЛОВИЕ.....

ГЛАВА I. О разных родах понятий, началах и причинах сих родов.....

- §41. Каким образом обнаруживается познавательная способность души нашей?.....

- §42, 43 и 44. О понимании, представлении, сведении и их различии.....
- §45. Какие суть роды предметов, о коих можно иметь сведение?
- §46. Сколько родов бывает сведения по качеству своему?.....
- §47. Что есть понятие? О каких вещах может быть простое поминание? Различие между понятием и пониманием. Почему Кант словам: чувственное понятие, предпочел слово воззрение?.....
- §48. Можно ли вид или идею назвать воззрением по Канту?.....
- §49. Сколько родов понятий в нас находится? и каким способом изображаются в нас сии роды понятий?.....
- §50. Что есть вещество, и что образ понятий?.....
- §51. Как разделяются предметы понятий наших? Что есть существо, и что случайность?.....
- §52. Что есть существо, и что случайность в совокупном, и в отвлеченном смысле рассматриваемые?.....
- §53. Что называется определенным, и что есть всяческое определение вещи, что предмет единственный, и что повсемственный?.....
- §54. Положение 1. Всякая существующая вещь есть единственная и нераздельная. 2. Всеобщее или повсемственное вне понятия ума нашего не существует.....
- §55. Что есть вид? Как понятие об оном изображается?.....
- §56. Что есть род? Как понятие об оном изображается?.....
- §57. Положение. Роды и виды, вне ума нашего сами по себе не существуют, но только в неделимых, или единственных

- вещах.....
- §58. Что следует по сим объяснениям?.....
- §59, 60-61. Как разделяется род? и что есть различие числительное – видовое и последнее?.....
- §62. Что есть признак?.....
- §63. Собственный и общий, утвердительный и отрицательный?
- §64. Внутренний, внешний и отношения?.....
- §65. Постоянные и переменные, существенные и свойства, необходимые и случайные, основные и последственные, способы и отношения?.....
- §66. Что есть и как разделяется количество понятий? Какие последствия из сего происходят?.....
- §67. Понятия по количеству распространительному разделяются на единственные, особенные, общие, и повсемственные — Кант не принимает сего разделения по несправедливо.....
- §68. По количеству содержательному на простые и сложные.....
- §69. Что есть качество понятий? Разделение по оному понятий на ясные и темные, подробные и неподробные?.....
- §70. Подробность логическая и эстетическая?.....
- §71. Каким образом производится подробность или ясность понятий?.....
- §72. Подробность аналитическая и синтетическая.....
- §73. Что есть отношение понятий? – Понятия по отношению разделяются а) на истинные и ложные. б).....
- §74. На тождественные и взаимственные подчиненные и сораспоряженные, однородные и разнородные.....

§75. в) Разделительные и различительные.....

§76. г) Противоречивые и противные.....

§77 д) Утвердительные и отрицательные.....

§78. Что есть способопнимаемость или способовидимость понятий? понятия по способовидимости суть 1) возможные и невозможные, 2) необходимые и случайные, 3) отнюдь и условно необходимые.....

§79. Понятия по своему происхождению суть случайные и сделанные.....

ОТДЕЛЕНИЕ I. О естественных законах и причинах сопряжения и последования понятий.....

§80. Что есть сопряжение понятий, что о нем научает опытность? Закон при сопряжении понятий.....

§81. Какие понятия удобно взаимно себя возбуждают?.....

§82. Которые понятия легче возбуждаются?.....

§83. Что из всего сего усматривается?.....

ОТДЕЛЕНИЕ II. О знаках мыслей, о языке и писанин....

§84. Когда начинает человек изъявлять знаками свои единственные понятия?.....

§85. Что есть знак и означаемое?.....

§86. Знаки бывают: естественные, произвольные, доказательные предвещательные и воспоминательные.....

§87. Что суть слова и на какой конец изобретены?.....

§88. Почему слова называются терминами? Что есть термин гласный? и что означает?.....

§89. Что есть термин вещественный, и что образный? Положительный, отрицательный, пустой, постоянный,

собственный несвойственный?.....

§90. Термин единогогласный, двусмысленный: 1) по случаю, 2) по намерению, 3) по ошибке сомнительный и наконец искусственный?.....

§91. Что есть голос? голос членобразный, и что говорение?.....

§92. Что есть речь, и что язык? Какое между ними различие?....

§93. Речь есть троякая. Гражданская, философическая и эстетическая.....

§94. Было ли необходимо изобретение языка для человеческого общества и для чего?.....

§95. Что значит писать вообще? Что правильно писать? и что писание, речь и письмо какую доставят пользу?.....

§96. Какое главное употребление слов? Какая сего причина?.....

§97. Что должно наблюдать при употреблении слов?.....

ГЛАВА II. О рассуждениях и предложениях.....

I. О рассуждениях.....

§ 98. Что есть рассуждение, что значит утверждать и что отрицать? Различие между рассуждением и пониманием..

§99. Три потребности рассуждения: подлежащее, сказуемое и связь. Неправильные определения рассуждения.....

§100. асуждение состоит в одном простом утверждении, или отрицании усмотренного сходства, или несходства между двумя представлениями.....

§101. Правило наблюдаемое в рассуждениях.....

II. Объяснение предложения.....

§102. Что есть предложение? Какие его части? Всегда ли

выражены в предложении?.....

§103. Как познается, какой термин должен быть подлежащим, или сказуемым в предложении?.....

ОТДЕЛЕНИЕ I. О внутренних основаниях предложений, их различии и законах, отсюда происходящих.....

§104. Внутреннее различие предложений утверждается на четырех главных основаниях, т. е.: на количестве, качестве, отношении и способовидности.....

§105. *Количество предложений*, и по сему разделение оных на единственные, особенные и повсемственные.....

§106. Предложения совершенно и несовершенно повсемственные.....

§107. Метафизическая и физическая повсемственность предложений.....

§108. Хотя опытность не может быть основанием Метафизической повсемственности, но и познавательные способности (как думает Кант) не могут быть источником оной. Довольною причиною сего есть полная ясность и простота подлежащего и сказуемого.....

§109. Предложение в приспособительном смысле. Иначе нравственно-повсемственное.....

§110. Предложение особенное – определенное и неопределенное, различие между оными.....

§111. Предложение единственное.....

§112. Ограниченное и неограниченное.....

§113. Предложения ограниченные когда равняются повсемственным, и когда особенным?.....

- §114. *Качество вообще*, и относительно к логике.....
- §115. Предложение утвердительное и отрицательное.....
- §116. Во всяком предложении утвердительном сказуемое приемлется особенно, а в отрицательном повсемственно.....
- §117. Сколько находится форм или образцов предложений?.....
- §118. *Отношение*. Разделение предложений по оному.....
- §119. Предложение безусловное.....
- §120. И условное; в нем бывают две части: условие и условное. Правила условного предложения.....
- §121. Предложение разделительное полное и неполное, что к истине оных потребно?.....
- §122. Предложение простое и сложное.....
- §123. Выразительное и невыразительное.....
- §124. Совокупительное – винословное – способовидимое – чистое и нечистое.....
- §125. Предложение исключительное, изъятельного подлежащего или сказуемого; выключительного подлежащего, или сказуемого; стеснительные, усугубительные, именительные и сравнительные предложения.....
- §126. Главные правила изъяснительных предложений.....
- §127. *Способовидимость*. По ней разделение предложений, кои суть: проблематические, решительные, метафизически – нравственно-подлинные.....
- §128. Предложения аналитические и синтетические; примечание к сему разделению.....

- §129. Теоретические и практические.....
- §130. Аксиомы и теоремы; сего две части: положение и доказательство.....
- §131. Требование и проблема; сея части: задача, решение и доказательство.....
- §132. Лемма, прибавление и следствие.....

ОТДЕЛЕНИЕ II. О внешних основаниях предложений и о непосредственных заключениях или умствованиях, основывающихся на законах сих предложений.....

- §133. Внешнее различие предложений основано 1) на противоположении, 2) подчинении, 3) превращении, и 4) единознаменовании.....
- §134. Что есть *противоположение* и противные предложения вообще? Что противоречивые, противные и подпротивные: в чем сходственны и различны?.....
- §135. Закон предложений противоречивых.....
- §136. Закон предложений противных.....
- §137. Законы предложений подпротивных.....
- §138. *Подчинение* предложений.....
- §139. Правила подчинения.....
- §140. *Обращение* предложений. Что в нем замечать должно?....
- §141. Правила обращательных предложений.....
- §142. Осторожности в сем обращении.....
- §143. *Единознаменование* предложений — каким образом приводятся предложения к единознаменованию?.....

ГЛАВА III. Об умствованиях и главнейших одного родах..**ОТДЕЛЕНИЕ I. Об умствованиях вообще и его началах...**

§144. Что умствование?.....

§145. Когда умствует ум наш?.....

§146. Какие отсюда происходят аксиомы?.....

§147. Различие между умствованием и рассуждением.....

§148. Во всяком умствовании три только понятия и рассуждения, или части находятся т. е. предыдущая, последующая и последование и проч.....

§149. Вещество и образ умствования; последующая образно-вещественно истинная.....

§150. Какие отсюда производятся следствия?.....

§151. Правила умствований.....

§152. Умствование и доказательство утвердительное и отрицательное.....

§153. Начала доказательств утвердительных.....

§154. Начала доказательств отрицательных.....

§155. Особые правила для произведения заключений 1) при равной обширности подлежащего и сказуемого.....

§156. — 2) при разной обширности оных в значении.....

ОТДЕЛЕНИЕ II. О силлогизме вообще и его правилах...

§157. Что есть силлогизм? Его различие от умствования.....

§158. Вещество силлогизмов — дальнейшее и ближайшее. Термин больший, меньший и средний и проч.....

- §159. Способ узнать термин средний в силлогизме.....
- §160. Способ составлять силлогизмы.....
- §161. Образ, фигура и способ силлогизмов.....
- §162. Сколько есть фигур силлогизма?.....
- §163. Сколько способов в каждой фигуре?.....
- §164. Совершенный силлогизм есть простой, условный и разделительный.....
- §165. Что есть силлогизм простой? справедливо ли Кантово замечание?.....
- §166. Правила силлогизма простого (Категорического) 1-е) в правильном силлогизме три только термина должны находиться.....
- §167. 2) Термин средний не должен находиться в заключении...
- §168. 3-е) Термин средний по крайней мере в одной посылке должен быть совершенно всеобщим.....
- §169. 4-е) Крайние термины не могут быть принимаемы в заключении всеобще, если в посылках были взяты особенно.....
- §170. 5-е) Если обе посылки утвердительны, то и заключение должно быть утвердительно.....
- §171. 6-е) Если одна посылка отрицательна, то и заключение должно быть отрицательное.....
- §172. 7) Обе посылки не могут быть вместе особенными ни в силлогизме утвердительном, ни в отрицательном.....
- §173. 8-е) Если одна посылка особенная, то и заключение должно быть особенное. Как в силлогизме утвердительном, так и отрицательном.....

ОТДЕЛЕНИЕ III. О Силлогизмах сложных и их правилах.....

§174. Что есть силлогизм сложный и что условный.....

§175. Правила силлогизма условного.....

1-е) Если условие утверждается в меньшей посылке, то условное должно утверждать в заключении.....

2-е) Если условие отрицается в меньшей посылке, то условие должно отрицать в заключении.....

3-е) Если все предложения суть условные, то условное меньшей посылки не должно быть противным условию большей.....

§176. Кантово утверждение, касательно понятия о самостоятельной причине выводимого из формы силлогизма условного, несправедливо.....

§177. Силлогизм соединительный и его правила.....

§178. Силлогизм разделительный и его правила.....

§179. Дилемма и его правила.....

§180. Различие дилеммы от силлогизма разделительного.....

§181. Несовершенный силлогизм, полисиллогизм и аналогическое умствование.....

§182. Что есть энтимема?.....

§183. Эпихерема.....

§184. Сорит.....

§185. Правила сорита.....

§186. Что есть сорит категорический и что условный?.....

§187. Как переделывается сорит, восходящий в порядочные

- силлогизмы ? Что есть просиллогизм?.....
- §188. Как нисходящий, что есть эписиллогизм?.....
- §189. Что есть вывод – совершенный и несовершенный?.....
- §190. Какую имеет силу для уверения нас в истине? Что есть доход аналогический?.....
- §191. Правила вывода. Что есть свойство совершенное и что несовершенное — какое различие между выводом и аналогией — для чего мы, умствуя по аналогии, надежно и решительно заключаем о будущем действии?.....

ЧАСТЬ II. ЛОГИКИ.....

О правильном употреблении разума

ГЛАВА I. О понятии, разделении и главных признаках истины.....

- §192. Какая цель практической логики — что значит правильно действовать и что правильное употребление разума?...
- §193. Что называется истинным вообще, и что есть истина? Метафизическая — логическая — предлежательная и подлежательная — внутренняя и внешняя — именная и вещная — нравственная и физическая?.....
- §194. Предметом Логики есть истина логическая внутренняя. Что есть ложное, и что ложность?.....
- §195. Признаки обрзной истины — довольные недовольные.....
- §196. Что есть подлинность? – Метафизическая – физическая и нравственная? – Предлежательная и подлежательная.....
- §197. Что потребно к составлению подлинности?.....
- §198. Что есть очевидность? — Непосредственная и пос-

редственная?.....

§199. Что есть вероятность — сомнительство — неведение — мнение — подозрение — уверение?.....

§200. Основания логической формальной истины.....

§201-202-203. Объяснение оных.....

§204. Из чего понимаются признаки логической истины? Что при том примечать должно и какую иметь предосторожность?.....

§205. Какие суть главнейшие способы достигать до подлинности?.....

ГЛАВА II. О доказательствах и погрешностях, случающихся в оных.....

ОТДЕЛЕНИЕ I. О доказательствах.....

§206. Что значит утверждать истину, что есть подтверждение? Что называется началами подтверждений? – Разделение оных. Что есть доказательство?.....

§207. Доказательство есть или простое, или сложное. – Умозрительное, или опытное.....

§208. Опытное делается двояким образом.....

§209. Доказательство прямое или не прямое – как делается? Какое между ними различие.....

§210. Что есть доказательство аналитическое и что синтетическое?.....

§211. Доказательство к человеку — его употребление?.....

§212. В доказательствах должно иметь непоколебимые основания и поступать в заключениях правильно.....

ОТДЕЛЕНИЕ II. О погрешностях случающихся в

доказательствах.....

§213. Что есть софизм? От чего произошло сие название?.....

§214. Роды софизмов суть: 1) Вопросное, или оспориваемое начало. 2) Круг погрешительный. 3) Неведение или переменение оспориваемого предложения.....

§215. К софизмам принадлежат разные обманы как-то: 1) обман сложения — 2) разделения — 3) случайности — 4) обман в последовании — 5) обман не причины как причины — 6) обман многосложных запутанных вопросов — 7) обман в безусловном заключении по одному условному утверждению.....

§216. Какие суть способы познавать сии обманы и избавляться от оных.....

§217. Подлинность именная и вещная. Основания оных?.....

§218. О началах, или основаниях как именной, так и вещной вероятности.....

§219. Между началами вероятности считаются: 1) ожидание подобных случаев 2) угадывание естественных частей 3) исследование всеобщих естественных законов.....

§220. Другое вероятности начало. — Вещи потребные к вероятности некоторой гипотезы.....

§221. Вероятность и невероятность имеют степени.....

§222. Признаки истинной и большой вероятности.....

§223. Что есть знание в разном смысле? — Метафизическое — физическое — нравственное — познание созерцательное и умозаключительное.....

§224. Что есть опытность — внутренняя и внешняя.....

§225. Опытность бывает только о вещах единственных или

неделимых. — Что феноменон и опыт?.....

§226. Понятия, произведенные непосредственно опытною, суть единственные и неделимые. — Рассуждения из них составленные созерцательные. — Как изображаются?.....

§227. Рассуждения единственные могут преобращаться во всеобщие, каким образом?.....

§228. Основанием всего познания человеческого суть чувства вообще.....

§229. Что суть монисты — дуалисты — материалисты — идеалисты — эгоисты — плюралисты и реалисты.....

§230. В самом ли деле существуют внешние предметы, от которых мы производим внешние чувствования?.....

§231. Продолжение о том же предмете.....

§232. Имеют ли представления наши о телах сего мира такое подобие, какое иногда имеет копия с оригиналом?.....

§233. Существуют ли основательные признаки познаваемой истины вообще, и в особенности такие признаки, по которым истинное от ложного различается?.....

§234. Истинно ли внутреннее чувство, подлинно ли оно, и можно ли оному верить?.....

§235. Какое есть основание, дающее нам право почитать то за истинное, что мы чувствуем, т. е. что рассуждения наши правильны, действия правомерны, а предметы хороши....

§236. Умственное познание наше может ли быть истинное и имеем ли некоторые признаки ононого?.....

ГЛАВА III. О заблуждениях и предрассудках и их причинах.....

§237. Что есть заблуждение?.....

- §238. Различается от ложности.....
- §239. Заблуждение утвердительное, и отрицательное —
посредственное и непосредственное.....
- §240. Когда находится истина и когда заблуждение 1) в
понятиях, 2) рассуждениях, 3) предложениях, 4) в умст-
вованиях?.....
- §241. Если некоторое основание, или причина заблуждений
наших?.....
- §242. Общее основание тех причин, по которым впадаем в
заблуждения.....
- §243. Частные причины заблуждений наших: 1) невежество
2) воображение, 3) чрезмерная надежность на свое
остроумие, 4) естественная склонность, и примеры
других людей, к тому нас побуждающие, 5) лень, 6) нерадивость 7) воля, сверх сего 8) обманчивые
слова.....
- §244. Что следует из того, что с переменою склонностей и
обстоятельств переменяются и рассуждения наши о
вещах?.....
- §245. Что есть предрассуждение или предрассудок?.....
- §246. Все предубеждения наши могут быть разделены на
предрассудки торопливости и доверенности.....
- §247. Внутренние причины предрассудков 1) слабость рассудка
в молодых летах, 2) природные склонности воли нашей,
3) врожденное многим нерадение и лень.....
- §248. Внешние причины: напр. ученость, лета, достоинства и
слава сообщающих нам свои мысли и проч.....
- §249. Почему должно прилежать к избавлению себя от
предрассудков?.....
- §250. Что значит сомневаться? Какое различие между

сомнительством и отрицанием? Должно ли сомневаться о самих даже истинах?.....

§251. Могут ли все люди без разбору сомневаться? Сколь долго должно сомневаться, сомневающийся должен быть равнодушным к обоим противоположенным мнениям.....

§252. От каких предрассудков трудно избавиться.....

ГЛАВА IV. О познании истины посредством свидетельств.....

§253. Можно ли доходить до познания истины помощью одной своей, опытности, или посредством одного доказательства?.....

§254. Что значит слово верить — вера философическая — свидетельство — дело свидетель?.....

§255. Что есть достоверность свидетеля — и что полагается основанием оной?.....

§256. На что надобно обращать внимание во всяком историческом рассказывании? — а именно 1) касательно вещи?.....

§257. 2) Касательно свидетелей.....

§258. Правила, по которым можно рассуждать о вероятности исторической.....

§259. 3) Касательно способа, коим предлагаются исторические происшествия.....

§260. Все говоренное здесь о достоверности человеческой не касается достоверности Божеской, ибо она превосходит всякую человеческую подлинность.....

§261. Обстоятельства увеличивающие и уменьшающие достоверность свидетеля.....

МЕТОДОЛОГИЯ ВСЕОБЩАЯ.....**ГЛАВА I. О методе и методологии.....****ЧЛЕН 1. О методе и разных родах оногo.....**

§262. Что есть метод и как разделяется?.....

§263. Ученый и простонародный.....

§264. Систематический и отрывочный.....

§265. Аналитический и синтетический первый называется методом изобретения, второй учения.....

§266. Силлогистический и сокращенный.....

§267. Акроаматический и эротематический, последний бывает катехетический и разговорный.....

§268. Главнейшие принадлежности метода суть: краткость, благонадежность и полнота.....

ЧЛЕН 2. О предварительных понятиях, относящихся к методологии.....

§269. Что есть методология?.....

§270. Дабы многие и различные сведения наши могли составить науку, что к тому требуется? и что есть наука?.....

§271. Что есть система, сборище, познание отрывочное и систематическое?.....

§272. Какая цель Методологии? Логическое совершенство науки — средства к оному.....

ГЛАВА II. О средствах, споспешествующих логическому совершенству науки, относящихся к основательности, ясности понятий и распространению оных.....

ЧЛЕН I. О средствах, относящихся к основательности и ясности понятий.....

§273. Средства к основательности и ясности понятий суть определения и описания.....

§274. Что есть определение и определяемое существенные качества совершенного определения суть: ясность, полнота и точность.....

§275. Разделение определений на аналитические и синтетические.....

§276. Именные и вещные — существенные и случайные.....

§ 277. Правила для составления определения.....

I. Определение должно быть яснее своего определяемого; ясность сия как приобретается?.....

II. Определение должно приличествовать одному и всякому определяемому.....

III. Определение должно иметь ближайший род и последнее различие

IV. Определения не должны быть отрицательные. Когда можно употреблять оные?.....

V. Определение должно быть краткое.....

§278. Способ испытывать правильность или неправильность определений.....

§279. Можно ли определить всякую вещь, находящуюся в природе?.....

§280. Что есть толкование, объяснение и описание?.....

ЧЛЕН II. О средствах, относящихся к распространению понятий.....

§281. Что относится к средствам, способствующим распространению понятий?.....

§282. Что есть логическое разделение — делимое и члены? Разделять понятие не одно и то же значит.....

§283. Что есть соразделение, подразделение и краткое обозрение?.....

§284. Разделение по числу членов бывает двучленное, трехчленное, четырехчленное и многочленное.....

§285. Что есть различие — оно разнствует от разделения.....

§286. Правила порядочных разделений.....

ГЛАВА III. О размышлении вообще и решении задач....

§287. Каким образом приобретаем разные познания?.....

§288. Что значит размышлять вообще и методически, и что есть размышление?.....

§289. Какие правила должно наблюдать в порядочном размышлении? Что есть аксиома и что задача?.....

§290. Насколько классов могут быть разделены задачи? и какие правила при решении оных наблюдаются?.....

ГЛАВА IV. О чтении книг вообще и в особенности исторических, догматических и смешенных.....

§291. Почему чтение книг не только полезно, но даже и нужно?

§292. Какие книги в особенности читать должно?.....

§293. Когда понимаем автора, что есть смысл автора? что есть герменевтика. — Толкователь и толкование?.....

§294. Начала или основания герменевтики 1) обыкновенный или принятый образ. Наречия. 2) Намерение говорящего 3) подлежащая материя.....

- §295. Правила герменевтики.....
- I. Толкователь должен знать сущность и свойства языка, на котором писано сочинение.....
- §296. II. Простонародное употребление слов должно относить к тому веку и отечеству, в котором сочинитель имел большое уважение.....
- §297. III. Слова при толковании должно принимать в свойственном, а не в переносном смысле.....
- §298. IV. Слова двузнаменательные должно определять по намерению и цели автора.....
- §299. V. Из различных значений слов всем прочим предпочитается то значение, в каком сам автор употребляет оные.....
- §300. VI. При остающейся невнятности слов должно оные толковать по сопряжению и связи науки, или по предмету дела.....
- §301. VII. То толкование науки, состоящей во всей связи, предпочитается всякому другому, которое не влечет за собою последствия, разуму противного.....
- §302. VIII. Никто не должен приступать к толкованию автора, будучи занят излишнею любовью, или излишнею личною ненавистью к нему, или наконец какими-нибудь предрассудками.....
- §303. IX. В толковании авторов должно наблюдать порядок мнений, слов и пристойное последование вещей.....
- §304. Книги суть исторические, догматические и смешенные.....
- §305. При рассматривании книг исторических на что должно главнейше обращать внимание?.....
- §306. Какие суть правила при рассматривании книг

догматических?.....

§307. Способ читать книги.....

§308. Правила прежде чтения.....

§309. Правила при самом чтении.....

§310. Правила после чтения.....

ГЛАВА V. О способах сообщать свои познания с другими.....

§311. Когда мы сообщаем познания наши другим?.....

§312. Что значит обучать кого-нибудь? Обучающий должен иметь дар ясности — и дар обучать.....

§313. Что значит убеждать другого, что есть убеждение, опровержение, прекословие или возражение?.....

§314. Предмет убеждения вообще. — Должности убеждающего и убеждаемого.....

§315. Что должен делать опровергающий мнение другого? — Истинного предложения никогда не можно опровергать. — Опровержение и оспоривание различаются.....

§316. Правила, наблюдаемые в опровержениях:

I. Опровергающий другого должен определить состояние распри.....

II. Оспоривающий одно предложение, не касаясь ни в чем доводов, не опровергает оно.....

III. Опровергаемое предложение должно доказать или совсем ложным, или поколику приемлется повсемственно. Что суть консеквенцирии — способ к избежанию сего порока. — Доводы, чинимые по одной

зависти — пользующиеся сими доводами что делают?.....

§317. Кто защищает самого себя? — Если предложение в самом деле опровержено, то оно должно быть необходимо ложным.....

§318. Какие суть правила защищения?.....

§319. Что есть состязание – оспориватель и ответчик?.....

§320. Состязатели должны спорить в терминах противоречивых, и согласиться в терминах подлежащего и сказуемого

§321. Правила для оспоривателя.....

§322. Правила для ответчика.....

§323. Общие правила состязателей.....

§324. Состязание бывает или платоническое, или аристотелическое, или наконец сократическое.....